
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 48 НОЯБРЬ 1973
DALMIA CEMENT

В ЕДИНОМ СТРОЮ —

Минск. 14 ноября. Вручение ордена Дружбы народов Белорусской ССР.

Фото А. ГОСТЕВА.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 48 (2421)

24 НОЯБРЯ 1973

ДРУЖБЫ ВЕЛИКИЙ ЗАКОН

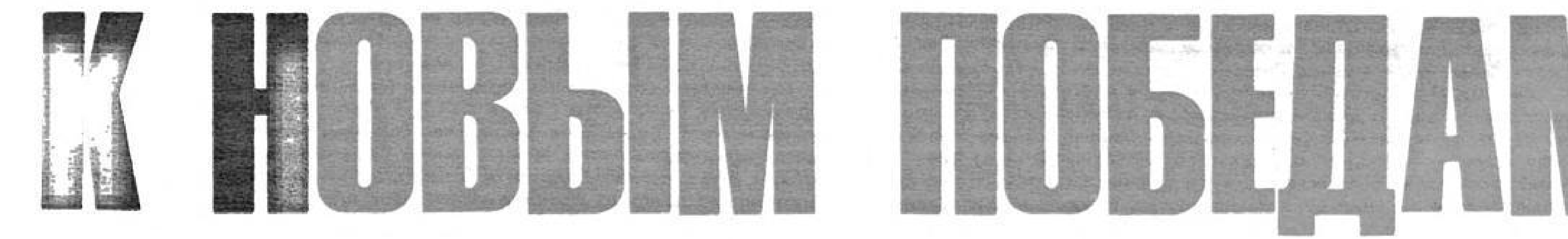
Б. СТЕПАНОВ,
академик Академии наук БССР, Герой Социалистического Труда, дважды лауреат Государственной премии СССР, заслуженный деятель науки и техники Белорусской ССР, депутат Верховного Совета республики

Четвертый орден — орден Дружбы народов — на знамени Белоруссии. Его вручил моей республике член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин.

От имени Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Советского правительства и лично Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева А. Н. Косыгин горячо поздравил рабочих, колхозников, интеллигенцию — весь белорусский народ с награждением Белорусской ССР орденом Дружбы народов.

Вручая орден Дружбы народов, Алексей Николаевич Косыгин сказал: «Пусть этот орден всегда напоминает вам, что наша великая многонациональная страна сильна дружбой всех ее народов и что беречь и крепить эту дружбу — священный долг каждого советского народа, каждого гражданина нашей страны».

О многом думалось, многое вспоминалось мне, когда я сидел в зале торжественного заседания. И прежде всего о тех днях, когда рождал-

В ДУХЕ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ

16 ноября в Кремле были завершены переговоры между членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным и членом Национального Политбюро ЦК ДПГ, Премьер-Министром Гвинейской Республики Л. Беавоги.

В переговорах участвовали: с советской стороны — член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР К. Т. Мазуров, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, члены ЦК КПСС — первый заместитель министра иностранных дел СССР В. В. Кузнецов и председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по внешним экономическим связям С. А. Скачков, первый заместитель министра внешней торговли М. Р. Кузьмин, заместитель министра иностранных дел СССР Л. Ф. Ильичев, заведующий вторым африканским отделом МИД СССР Б. И. Караваев, посол СССР в Гвинейской Республике Л. Н. Мусатов; с гвинейской стороны — член Национального Политбюро ЦК ДПГ, министр социальных дел Н'Фамара Кейта, член Национального Политбюро ЦК ДПГ, министр образования и культуры Мамади Кейта, член ЦК ДПГ, министр внешней торговли Абдулай Туре, министр плана Алиун Драме, посол Гвинейской Республики в СССР Фасу Матиас Мориба.

В ходе переговоров продолжался обмен мнениями по вопросам дальнейшего укрепления и развития отношений дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и Гвинейской Республикой, расширения и укрепления связей между КПСС и ДПГ. Были также рассмотрены интересующие обе стороны актуальные международные проблемы.

Переговоры проходили в дружественной обстановке, в духе взаимопонимания.

На снимке: перед началом переговоров.

Фото В. Климова.

С ОФИЦИАЛЬНЫМ ВИЗИТОМ

19 ноября в Москву с официальным визитом прибыла партийно-государственная делегация Республики Гвинея-Бисау во главе с Председателем Государственного совета республики, заместителем Генерального секретаря Африканской партии независимости Гвинеи и островов Зеленого Мыса (ПАИГК) Луисом Кабралом.

В тот же день в Кремле состоялись переговоры между членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным и Председателем Государственного совета Республики Гвинея-Бисау, заместителем Генерального секретаря Африканской партии независимости Гвинеи и островов Зеленого Мыса (ПАИГК) Л. Кабралом.

В переговорах участвовали: с советской стороны — кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, заместитель министра иностранных дел СССР Л. Ф. Ильичев, заместитель председателя Государственного комитета Совета Министров СССР по внешним экономическим связям М. Н. Сулоев;

с гвинейской стороны — член Постоянного секретариата исполкома ПАИГК, государственный комиссар по делам вооруженных сил Жоао Бернардо Виейра, член высшего совета борьбы ПАИГК, государственный комиссар по вопросам образования Мануэль Сатурнино Коста, член высшего совета борьбы ПАИГК Жоаким да Сильва.

В ходе переговоров, проходивших в атмосфере дружбы и взаимопонимания, были рассмотрены вопросы расширения и углубления отношений между Советским Союзом и Республикой Гвинея-Бисау, укрепления и развития связей между КПСС и Африканской партией независимости Гвинеи и островов Зеленого Мыса (ПАИГК), а также некоторые вопросы международного положения, представляющие взаимный интерес.

На снимке: во время переговоров.

Фото М. Скурихиной.

ся великий Союз Советских Социалистических Республик. Не могу не отметить, что Белоруссия была среди тех молодых советских республик, которые явились инициаторами создания такого Союза.

А мысль переносится уже в годы Великой Отечественной войны, когда дружба советских народов держала испытание огнем.

В Белоруссии сражались с фашистскими ордами и русский Юрий Смирнов, и армянин Самвел Матевосян, и карачаевец Осман Касаев, и узбек Мамадали Топвалдыев. А когда советский народ одержал победу, все республики дружно помогли Белоруссии подняться на ноги, создать заново целые отрасли индустрии, по-современному оснастить сельское хозяйство, обеспечить подъем науки и культуры.

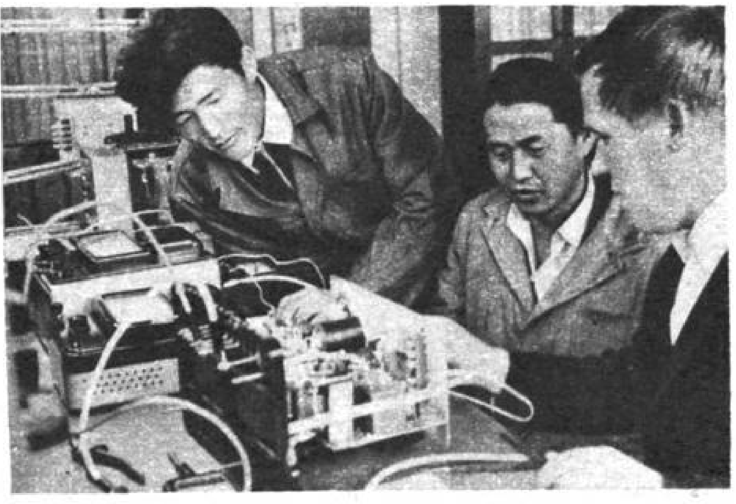
Орден Дружбы народов на знамени Белоруссии еще и еще раз напоминает, какой вклад внесла моя республика в укрепление и развитие 250-миллионной советской семьи. Это и сотрудничество с молдавскими тракторостроителями в создании трактора для работы на виноградниках; это и обмен опытом с архитекторами Прибалтики. Обогащаются наши научные связи. Институт физики АН БССР в контакте с учеными всех союзных республик совместно с учеными России, Украины и Эстонии решает научные проблемы квантовой электроники и спектроскопии. Вместе с учеными Литвы мы занимаемся усовершенствованием производства ацетатного шелка. У нас в институте готовились и готовятся научные кадры для Таджикистана и Азербайджана, а наши сотрудники стажируются в Москве, Ленинграде, Киеве. Все это проявление тесной дружбы народов, свидетельство необоримой силы Советского Союза! И когда на торжественном заседании шла речь о наших успехах в выполнении заданий девятой пятилетки, каждый из нас понимал: достигнутое нами — это итог героического труда нашего народа, повседневной помощи ЦК КПСС, Советского правительства, братских республик. А успехи достигнуты немалые. План десяти месяцев нынешнего года по реализации продукции в Белоруссии выполнен досрочно, к 26 октября; с начала пятилетки произведено сверх плана более чем на миллиард рублей промышленной продукции; за последние восемь лет урожайность зерновых выросла свыше чем вдвое, и в нынешнем году республика продала государству столько зерна, сколько не продавала еще никогда. Вошла в строй первая очередь Могилевского комбината искусственного волокна, Бобруйского шинного завода. В Полесье добывается нефть, растет производство минеральных удобрений, тканей, вычислительных машин, станков. Мы, ученые, оперативно работаем над проблемами, от успешного решения которых зависит дальнейший рост экономики нашей страны.

Мы знаем, что награждение республики орденом Дружбы народов не только высокая честь. Это ко многому обязывает, зовет вперед, налагает высочайшую ответственность за решение больших и сложных задач, поставленных партией перед Белорусской ССР. Об этом говорил в своей ответной речи кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Белоруссии П. М. Машеров.

Он выразил горячую благодарность Центральному Комитету КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР, Совету Министров СССР за высокую награду Родины, за признание успехов и заслуг рабочего класса, колхозного крестьянства, интеллигенции Советской Белоруссии. И к его словам благодарности партии и правительству за мудрую внешнюю и внутреннюю политику присоединяются все люди Белоруссии.

26 НОЯБРЯ 1924 ГОДА ПРОВОЗГЛАШЕНА МОНГОЛЬСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА

КУЗНЕЦЫ СЧАСТЬЯ

В научной лаборатории Дарханской ТЭЦ. Фото Самдана.

«Монголия была страной сплошной неграмотности, самой отсталой в Азии»,— объясняет экскурсовод в Государственном историческом музее МНР. Посетители рассматривали картины, фотографии, документы. Страшные орудия пыток, цепи. Жестокие указы маньчжурских завоевателей: за малейшее неповиновение — смерть. На снимках узкие, пыльные улочки, юрты, деревянные домишки. Единственный вид транспорта — ослики да верблюды...

Просто невозможно поверить, что всего полвека отделяет современную Монголию от той «самой отсталой страны Азии»! Мне приходилось ездить по дорогам республики. Я видела широкие улицы городов, строительство заводов, многоэтажных жилых домов, научных институтов. Но особенно запомнился самый молодой город, возникший у подножия древней горы, давшей ему имя — Дархан.

В переводе с монгольского Дархан значит Кузнец. И правда, здесь выковывается дружба равных и свободных стран социалистического содружества. Город этот строит молодежь не только МНР, но и Советского Союза, Болгарии, Польши, Венгрии, Чехословакии.

Тонкие, недавно посаженные деревца в последнем золоте осенней листвы встречают вас при подъезде к Дархану. А на серой асфальтовой ленте шоссе, на горах уже лежит снег.

Сердце города — мощная ТЭЦ. Электрический ток идет отсюда не только для предприятий Дархана, но и для Улан-Батора, Сухэ-Батора, на многие заводы, фабрики, госхозы страны. Строили эту электростанцию с помощью Советского Союза.

Сейчас советских специалистов на ТЭЦ почти не осталось. Но 48 их «дублеров» — монгольских инженеров, которые учились у советских коллег,— следят за эксплуатацией станции.

Советские друзья принимали участие и в строительстве элеватора, кондитерской фабрики и хлебопекарного завода, жилых домов, школ, детских садов.

Крупнейший в МНР цементный завод сооружается с помощью Чехословакии. Я встречалась с Эдуардом Пейга, руководителем чехословацких специалистов на этом заводе. У себя на родине он был директором цементного предприятия недалеко от Праги.

— Два года я работал в комиссии Совета Экономической Взаимопомощи,— рассказал он.— А теперь, как видите, осуществляю решения СЭВа на практике.

Недалеко от цементного завода предприятие, продукция которого уже славится не только в Монголии, но и в других странах мира. Это овчинно-шубная фабрика имени Георгия Димитрова.

— Большая честь носить это славное имя,— говорит директор фабрики А. Баточирын,— мы стараемся оправдать доверие наших болгарских друзей.

Баточирын — выпускник советского химико-технологического института имени Д. И. Менделеева. Хотя ему недавно исполнилось только тридцать лет, он по возрасту один из старейших на фабрике.

— В основном у нас работает молодежь, больше девяноста процентов,— рассказывает он.— Двести пятьдесят монгольских товарищей ездили учиться в Болгарию. А болгарские коллеги очень помогли нам тут, в Дархане, освоить новое производство.

Я побывала и на силикатном заводе, который строился с помощью Польской Народной Республики, и на мясокомбинате, в наладке которого принимают участие венгры. И везде видела теплую, деловую атмосферу сотрудничества, молодости, дружбы.

...Дархан еще строится. Это сейчас в нем более 30 тысяч человек, из которых 10 тысяч учатся в школах, техникумах, институтах. К 1980 году число жителей должно возрасти почти втрое. Монгольская Народная Республика уверенно смотрит в завтрашний день.

Ванда БЕЛЕЦКАЯ

ШАХТЕРСКИЙ МИЛЛИОН

Миллион тонн угля в год... Когда такое количество угля добывает шахта, на которой работает четыре тысячи человек, считается, что коллектив поработал неплохо. Но когда миллион тонн угля дает одна бригада, состоящая из 113 человек, и дает не за год, а за десять месяцев, это кажется невероятным.

На прошлой неделе в «Правде» было опубликовано приветствие Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР бригаде Г. Н. Смирнова, всему коллективу участка № 6 шахтоуправления «Юбилейное» комбината «Южкузбассуголь», которые первыми в стране добились таких результатов. Родина высоко оценила труд шахтеров, наградив их орденами и медалями, а вожаку бригады Г. Н. Смирнову присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Недавно Геннадий Николаевич побывал в Москве.

— Наша бригада, пожалуй, самая молодая на шахте,— рассказывает он,— средний возраст всего двадцать пять лет. Немало ребят уже имеют высшее и среднее образование, многие учатся в вузах и техникумах. И у всех большой шахтерский стаж. Мне, скажем, тридцать три года, а в шахте я уже семнадцать лет. Очень важно и то, что каждый член бригады владеет тремя-четырьмя профессиями.

Что касается рекорда, то он совершенно закономерен. Дело в том, что нас объединили с другой, более слабой шахтой и общие показатели резко снизились. Сказать, что мы поднатужились, значит ничего не сказать... Наша шахта не совсем обычная: мы добываем уголь с помощью воды. В забоях стоят гидромониторы, из которых под давлением сто двадцать атмосфер бьет струя воды. Ее сила так велика, что если случайно на пути этой струи попадется деревянная стойка, бревно диаметром сантиметров в двадцать, то она мгновенно будет разрезана пополам. Но угольный пласт в лоб не разрежешь, нужно выбрать такой угол атаки, чтобы, как мы говорим, работала и отраженная струя. Глыбы угля отваливаются от пласта, вместе с водой уходят в специальную камеру, а оттуда угленасосы поднимают эту смесь на поверхность. Затем обогатительная фабрика, и вот уже готовый концентрат идет на металлургический комбинат. Ведь наш уголь коксующийся, и без него чугун не сваришь.

Управление гидромониторами, как, впрочем, и комбайнами, они у нас тоже есть, дистанционное. С помощью ученых мы модернизировали эту технику, она стала надежнее, проще, удобнее. Но, как ни хороша техника, шахтерский труд нелегок. Поэтому мы перестроили всю организацию труда: три дня работаем — день отдыхаем. Кроме того, отдыхаем и в воскресенье.

Так что никакого аврала, никакой штурмовщины не было: бригада работала спокойно, слаженно, уверенно, по четкому графику. Очень важно и то, что у соседних бригад показатели, близкие к нашим. А ведь, что греха таить, порой шахтерские рекорды устанавливаются в ущерб другим бригадам, которые отдают свои запчасти, порожняк и многое другое. Я убежден, что рекорд ради рекорда бессмыслен. Он должен быть установлен не на пределе человеческих и технических возможностей. Рекорд — это, если хотите, вершина, которая по силам если не всем, то многим шахтерам. Только надо работать творчески, с полной отдачей сил, но так, чтобы их хватило и на завтра. Поэтому я уверен, что наш рекорд долго не продержится.

Мы, правда, тоже не будем стоять на месте: до конца года бригада добудет еще сто пятьдесят тысяч тонн угля. А в 1974 году мы обязались выдать на-гора один миллион двести тысяч тонн «черного золота». Это будет нашим ответом на высокие награды Родины.

Б. СОПЕЛЬНЯК

25 НОЯБРЯ ИСПОЛНЯЕТСЯ 70 ЛЕТ ГЕНЕРАЛУ АРМИИ И. А. ПЛИЕВУ.

Снимок 1944 года.

СЫН ОРЛИНЫХ СКАЛ

Когда в боях под Москвой, на заснеженном берегу Рузы, геройски пал легендарный генерал Л. М. Доватор, на его место, во главе 2-го гвардейского кавалерийского корпуса, встал другой прославленный командир — генерал-майор Исса Александрович Плиев. Ему-то и выпало закончить боевую операцию, блестяще начатую Доватором.

Впрочем, рейды сорок первого, в которых Исса Александрович участвовал под руководством Доватора, командуя 3-й гвардейской кавдивизией, были лишь прелюдией к тем дальним походам по вражеским тылам, которые совершил Исса Александрович в годы войны.

И. А. Плиев не знал страха, не терял присутствия духа в самых критических положениях, умел зажечь людей, повести их за собой, сделать слабых сильными, а храбрых еще более храбрыми.

В мае сорок второго 5-й кавкорпус, которым командовал И. А. Плиев, в течение девяти суток сдерживал наседающего врага на правом берегу Северного Донца. Летом сорок второго 3-й гвардейский кавкорпус под командованием Плиева вел оборонительные бои на самых угрожаемых направлениях Сталинградского, а затем Донского фронтов. Когда наши войска перешли в наступление под Сталинградом, этот корпус в составе 65-й армии отрезал пути отхода группировке фельдмаршала Паулюса.

В марте сорок четвертого конно-механизированная группа генерала Плиева прорвала фронт, прошла по тылам противника раскисшими от весенней распутицы дорогами сотни километров, вышибла врага из многих городов и сел, приняла участие в освобождении Одессы, которую нежданно для гитлеровцев штурмовала с тыла...

Летом этого же года Плиев провел свою конно-механизированную группу по тылам врага в Белорусской операции, окончившейся, как известно, полным крушением группы вражеских армий «Центр». А затем участвовал в освобождении Польши и Венгрии. Наконец, в боях с японскими самураями опять-таки во главе конно-механизированной группы, в которую входили соединения Монгольской народно-революционной армии, Исса Александрович совершил беспримерный рейд во вражеский тыл через пустыню Гоби...

Таков боевой путь генерала армии Иссы Александровича Плиева в годы второй мировой войны. А начал он этот доблестный путь на Кавказе, неподалеку от родного осетинского селения Старый Батоко-юрт, в марте 1922 года, двадцатилетним юношей, добровольцем вступив в Красную Армию.

С тех пор прошло немало лет, много воды утекло в горных кавказских реках и много перемен свершилось в орлиных скалах Осетии. Генералу армии Иссе Александровичу Плиеву исполнилось семьдесят лет. Его долгий и славный ратный труд заслужил признательность партии и советского народа. Его не раз избирали делегатом партийных съездов, депутатом Верховного Совета СССР, кандидатом в члены ЦК КПСС. Он награжден высшими наградами Родины: двумя Золотыми Звездами Героя Советского Союза, многими орденами. Правительство МНР присвоило ему звание Героя Монгольской Народной Республики.

Исса Александрович Плиев и ныне в боевом строю, служит в армии, передает свой огромный опыт молодым воинам.

П. ВЛАДИМИРОВ

В ЭЛЛАДЕ СНОВА КРОВЬ

На центральных улицах и площадях Афин стоят танки, улицы патрулируют полицейские машины. К рабочим кварталам стянуты воинские подразделения. По радио регулярно передаются приказы министерства обороны, запрещающие населению собираться на улицах группами.

В ходе подавления демонстраций, силами полиции и армии девять человек убито. Почти все погибшие — студенты. Свыше ста демонстрантов ранено. За вечер 16 и ночь на 17 ноября арестовано около 900 человек, в том числе свыше 400 студентов и 475 рабочих. Чрезвычайное положение продолжает действовать по всей стране.

Новая волна репрессий в Греции вызвала во всем мире негодование и решительное осуждение.

С заявлением по этому поводу выступил Советский комитет солидарности с греческими демократами. Неделя солидарности с борьбой греческой молодежи началась 19 ноября в Англии. Федеральный секретарь СДПГ Х. Бернер выразил тревогу в связи с событиями в Греции. Он осудил действия полиции и армии, которые применили танки против безоружных граждан.

На снимке: танки на одной из площадей Афин.

Телефото ЮПИ — ТАСС.

ИНДИЯ НА ПУТИ В КОСМОС

Метеорологическая ракета отрывается от Земли и уходит в ночное небо к ярким тропическим звездам. Ее огненный хвост освещает белую полосу океанского прибоя, пусковые установки и лабораторные здания среди пальм. Это индийский научно-исследовательский центр Тумба на крайнем юге страны. Здесь ведутся работы по изучению верхних слоев атмосферы, решаются вопросы, связанные с освоением космического пространства.

Директор Научно-исследовательского центра профессор Х. Мурти и ученые Е. Читнис, Р. Наджарайн, К. Шаркар приняли участие в XXIV Международном астронавтическом конгрессе, недавно состоявшемся в Баку. Они рассказали об успехах индийской науки, об участии Индии в международных усилиях по освоению космоса.

Создать научный комплекс Тумба Индии помогли государства — члены ООН, в том числе и Советский Союз. Он, в частности, поставил вертолет для наблюдения за пуском ракет с воздуха, электронно-вычислительную машину и другое оборудование. Здесь, в непосредственной близости от экватора, индийские ученые со своими советскими коллегами проводят работы по исследованию атмосферы на высотах, доступных только метеорологическим ракетам. Воздушные шары не достигают этой зоны, а орбиты искусственных спутников проходят значительно выше. В Тумбе индийские ученые и инженеры создают новые жаростойкие материалы для обшивки ракет и контейнеров, приборы для обнаружения источников космической радиации и изучения распространения радиоволн...

Правительство Индии приняло долгосрочную программу изучения космического пространства. И эта программа успешно выполняется. Недавно в научном центре Шрихарикота запущена двухступенчатая ракета «Рохини» целиком индийского производства.

Профессор Х. Мурти особо отметил большое значение для отечественной науки советско-индийского соглашения о дальнейшем развитии сотрудничества в области космических исследований. «Сейчас,— сказал он,— у нас работают над созданием искусственного спутника Земли. Он будет весить 300 килограммов, построен на отечественных заводах и оснащен отечественной аппаратурой для исследования космического пространства. На круговую орбиту радиусом в 600 километров нашего космического первенца выведет советская ракета-носитель. Весь эксперимент пройдет в тесном сотрудничестве с Академией наук СССР. Запуск спутника произойдет с территории Советского Союза».

Индийские ученые считают, что искусственные спутники Земли окажут неоценимую помощь развитию национального сельского хозяйства, промышленности и культуры.

«Образование через спутник» — так назвал свое выступление на конгрессе профессор Е. Читнис. Индия нуждается в большом количестве инженеров, техников, врачей, агрономов. Успешному выполнению широкой программы по созданию национальных кадров помогут учебные телепередачи. Индийские ученые намечают провести эксперименты по организации телевизионных передач через искусственный спутник Земли. В качестве первого этапа научные учреждения и промышленность Индии самостоятельно создадут наземные станции для ретрансляции телевизионных программ, наладят массовый выпуск телевизоров отечественного производства. Голубые экраны помогут людям получить образование, а специалистам повысить свою квалификацию.

А. ГОЛИКОВ

МИССИЯ МИРА

Владимир ДМИТРИЕВ

Еще за пять тысяч лет до наших дней на территории нынешней Индии была одна из древнейших в мире цивилизаций. Пять тысяч лет!.. Казалось бы, что значит по сравнению с этой цифрой всего лишь четверть века?! Но последние четверть века, точнее, 26 лет, приходятся на годы независимого развития Республики Индии, и за это время облик страны преобразился. Индия сегодня, согласно данным ООН, вошла в число первых десяти стран мира по объему валового национального продукта и превратилась из аграрной в аграрно-индустриальную державу. И это страна, у которой четверть века назад 2/3 экспорта приходилось на четыре традиционных товара — чай, джут, хлопок и текстиль. Металлургия, машиностроение, электронная промышленность — вот новые мощные отрасли хозяйства независимой Индии! Мало этого. Страна приблизилась к решению одной из своих самых острых проблем — самообеспеченности продовольствием.

Индия успешно решает сложные внутренние задачи социально-экономического развития и активно проводит миролюбивую внешнюю политику. Уверенная поступь великой страны особенно радует нас, советских людей, потому что между нашими двумя странами издавна сложились отношения дружбы и сотрудничества. Известно, какой большой интерес к борьбе индийского народа проявлял Владимир Ильич Ленин. Со временем отношения между Индией и Советским Союзом все более развивались и углублялись, и два года назад они были скреплены Договором о мире, дружбе и сотрудничестве.

Советский Союз оказывает развивающейся Индии всестороннюю помощь и поддержку. Еще в середине 50-х годов был заложен первенец совместного труда Индии и СССР — металлургический завод в Бхилаи. Ныне он дает одну треть выплавляемой в Индии стали. И уже высится новый индустриальный гигант — металлургический завод в Бокаро, который превзойдет по мощности комбинат в Бхилаи. Скоро Бокаро даст первую сталь, уже год страна получает отсюда чугун. На гигантской стройке трудится около 70 тысяч индийских рабочих и сотни инженеров и техников из СССР. Цифры красноречиво говорят о плодотворных связях наших двух стран: в Индии в рамках индийско-советского сотрудничества создано или сооружается свыше 70 объектов; многие советские специалисты жили и работали на индийской земле; большое количество индийских специалистов прошло производственно-техническую практику на предприятиях нашей страны; десятки тысяч индийских рабочих и техников овладели профессией на курсах, организованных в Индии советскими инженерами. Наши экономические связи равноправны и взаимовыгодны, в 70-е годы Советский Союз стал крупнейшим покупателем индийских товаров.

Прекрасным символом развивающихся дружеских отношений между СССР и Индией является одно наше совместное дело, о котором сообщила в индийском парламенте премьер-министр Индира Ганди. Она сказала, что спутник Земли, впервые сконструированный и построенный в Индии индийскими рабочими, техниками, инженерами и учеными, будет запущен в 1974 году с советского космодрома.

Сегодня общественность наших двух стран справедливо рассчитывает на еще большее упрочение советско-индийской дружбы и сотрудничества в связи с предстоящим официальным дружественным визитом в Индию Генерального секретаря ЦК КПСС, члена Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева по приглашению премьер-министра Индиры Ганди.

Выступая недавно в Ташкенте, товарищ Л. И. Брежнев сказал: «Выдающееся место в формировании судеб Азии, бесспорно, принадлежит Индии. С этой страной нас связывает Договор о мире, дружбе и сотрудничестве. Мы рассматриваем его как надежную основу долговременных добрых, дружественных отношений. Индия внесла много ценного во всю мировую политику, и роль ее — мы в этом убеждены — будет возрастать. Советско-индийская дружба крепнет из года в год, и нет сомнения, что будущее ознаменуется новыми шагами в этом направлении — к большой пользе для народов наших стран и для дела всеобщего мира».

Индийские радио, телевидение, газеты широко комментируют предстоящий визит, отмечают его огромное значение на пути дальнейшего укрепления советско-индийских отношений, на пути борьбы за разрядку международной напряженности. По всей стране проходят многочисленные митинги и собрания политических партий и общественных организаций, на которых принимаются резолюции, приветствующие визит Л. И. Брежнева. Отовсюду в адрес Л. И. Брежнева идут приглашения с просьбой посетить те или иные индийские города и села, предприятия и учреждения. Принимая недавно в Дели делегацию советской молодежи и студентов, Индира Ганди заявила: «Мы будем рады приветствовать на своей земле Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева. Мы уверены, что этот визит будет способствовать дальнейшему развитию и укреплению индийско-советского сотрудничества».

Сотни миллионов патриотов независимой Индии знают, что вместе с ними всегда Советский Союз. Вот почему они так искренне и горячо приветствуют предстоящий визит Л. И. Брежнева, вот почему они от всего сердца говорят: «Добро пожаловать!»

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Амрита ПРИТАМ (Индия)

ЛЕНИН — ТВОРЯЩИЙ ИСТОРИЮ НЫНЕШНИХ ДНЕЙ

Каждоутренне
ты приходишь на встречу со мною,
словно пылающая заря,
подобно любому из праздников нашей жизни,
полному приветного пения.
Возникнув на календарном листке,
ты —
хотя и не мой соотечественник —
животворишь историю моей родины:
шагаешь по улицам и
озаряешь их светом,
подобным пламени солнца!
В лучах этого света
каждая улица и
закоулок каждый
прорастают живительной зеленью
улыбающейся природы.
И мрак отступает,
и тревога уходит прочь.
Твой добросердечный нрав —
что кристалл, взращенный Историей
давних времен
и тревожных нынешних дней.
В желанье уйти
в заботы грядущего дня
я
отодвигаю в сторону календарь —
ты, однако, остаешься со мною:
сойдя со страницы календаря,
пребываешь со мною весь день,
светом меня одаривая,
словно пылающая заря,
и провозвещаешь во мне
Надежду.
И тогда проливается
в самые мрачные закоулки
моей души
свет высокого Слова,
свет новой звезды и
новой — доселе невиданной мною —
зари.
И во мне пробуждается
тот добросердечный нрав,
который будто кристалл,
взращенный Историей...

Перевел Борис ПЧЕЛИНЦЕВ.

ЧИЛИ:

ПУЛЕМЕТЫ

ПРОТИВ

НАРОДА

Создаваемый сейчас Международный трибунал по расследованию преступлений чилийской военной хунты начинает сбор и анализ свидетельств очевидцев этих преступлений. Одними из тысяч жертв произвола хунты оказались работавшие на чилийских шахтах горняки из народной Польши. Пусть в материалы трибунала попадет и их рассказ, который записал обозреватель АПН Олег СТРОГАНОВ.

«Какое ясное и голубое твое небо, Чили...» — поется в национальном гимне. Именно такое небо, голубое, без единого облачка, было над железорудной шахтой в Бокерон Чанар, в 700 километрах к северу от столицы страны — Сантьяго. Под ужасным зноем среди безмерности пустыни Атакама стояли в ряд 24 польских шахтера. С руками, заложенными по приказу за голову, чувствуя лопатками упершиеся им в спины дула автоматов... Раскаленное небо и произвол фашистов по вполне понятной ассоциации напомнили старшим по возрасту горнякам условный сигнал к антиреспубликанскому перевороту 1936 года в Испании: «Над всей Испанией безоблачное небо».

«Это были страшные минуты,— сказал по возвращении в Польшу шахтер Якуб Дворникевич.— Мне 31 год, я не помню войну и гитлеровские зверства. И никогда не хотел бы пережить нечто подобное, что продолжает своими действиями фашистская военная хунта в Чили».

24 польских шахтера. Как и советские моряки с судна «Эклиптика» или кубинские спортивные тренеры, подвергнутые неслыханным издевательствам, они проявили максимум выдержки, прошли через все опасности достойно, как и подобает гражданам социалистических государств. Это люди высших морально-политических качеств и отличной деловой квалификации. На счету каждого из этих польских горняков построенные с их участием шахты в Индии, Болгарии, Италии, с которыми народная Польша щедро делится богатым опытом своей главной индустриальной специальности — горнопроходческого дела. В сентябре прошлого года они прибыли в Чили, чтобы помочь в сооружении самой глубокой в мире шахты железной руды. Их сердечно и гостеприимно приняли в семье чилийских рудокопов.

Местные рабочие трудились хорошо. Несмотря на искусственно создававшиеся реакцией экономические трудности, эти простые люди сохраняли спокойствие и горячо верили, что избранный народом президент Альенде выведет страну на широкий путь прогресса и благосостояния. Иначе вели себя некоторые представители администрации шахты. Иногда они открыто бастовали. «А ежедневно если и не мешали нам работать, то и абсолютно не помогали»,— вспоминают вернувшиеся на родину польские шахтеры.

Однако даже в таких условиях работы продолжались ритмично. За год с начала строительства удалось преодолеть пески-плывуны и опасные горизонты подземных вод. Один из стволов шахты достиг уже глубины 100 метров, другой — 68. Оборудование, доставленное из Польши, действовало хорошо.

11 сентября в половине десятого утра до рудника Бокерон Чанар дошла по радио весть о военном перевороте в Сантьяго и позднее о гибели президента Альенде. Созданный на месте рабочий комитет чилийских горняков взял на себя контроль над шахтой. Под его руководством продолжались работы. Все сохраняли полное спокойствие, которое столь необходимо в горняцком деле и является одним из условий безопасности при проходке шахтных стволов и штреков. Неожиданно военный самолет, посланный, как выяснилось, властями хунты, обстрелял несколько сот людей, трудившихся на открытой территории рудника. Один из поляков бросился к административному зданию: заметил, как там, где землю прошила пулеметная очередь, упали инженеры Тадеуш Наперач, Станислав Подсядло и Венделин Ныц. К счастью, никого из них не задело пулей.

13 сентября чилийские рабочие, опасаясь вторжения на шахту войск хунты, выехали по домам в соседний городок Вальенар. Но автобусы пришли в него пустыми. Рабочие высадились по дороге. Позднее оказалось, рассказывают польские шахтеры, что значительная часть рабочих укрылась в горах и начала оттуда партизанскую войну против хунты.

Руководство польской технической группы решило эвакуировать специалистов в Вальенар. По дороге их подвергли обыску и разнузданным издевательствам фашиствующей солдатни. Она превратила городок в военный лагерь. В центре около маленькой площади для заключенных отвели место, огороженное в несколько рядов колючей проволокой. Повсюду торчали военные посты, улицы патрулировали карабинеры. Эти молодые солдаты, по сути дела, еще мальчики, в наспех подогнанных мундирах, но вооруженные до зубов, были так взвинчены событиями, что при малейшем движении или звуке моментально нажимали на спуск автоматов.

Для поляков потянулись страшные дни ожидания. Однажды дежурный офицер объявил, что всех их интернируют в военный гарнизон в 250 километрах от места работы. Это означало заточение неведомо на сколько недель и месяцев. Польский посол немедленно предпринял энергичные шаги для освобождения соотечественников. Несмотря на неимоверные трудности, это в конце концов удалось.

«Мы пережили страшные дни,— заявили вырвавшиеся из лап хунты польские горняки.— Но мы были свидетелями и того, что в Чили разгорается пламя организованного сопротивления. На рабочих идут с пулеметами, против них посылают самолеты, а патриоты полны решимости бороться до конца за восстановление в Чили мира, демократии, законности и социальной справедливости».

Расправа хунты над сторонниками Народного единства в Сантьяго.

Патриотов ведут на расстрел...

Льется кровь патриотов Чили.

Фото ТАСС.

ЧЕРЕЗ ПОРОГ ПЛАНА

Б. СМИРНОВ. Фото Г. РОЗОВА.
Специальные корреспонденты «Огонька».

«СЕЙЧАС В НАШИХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОЛЛЕКТИВАХ ИДЕТ БОЛЬШАЯ РАБОТА ПО СОСТАВЛЕНИЮ ПЛАНОВ НА БУДУЩИЙ, 1974 ГОД. И ВОТ ЧТО ЗНАМЕНАТЕЛЬНО. ВСТРЕЧНЫЕ ПЛАНЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ ТРУДЯЩИХСЯ ПРЕВОСХОДЯТ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ ЦИФРЫ НАШИХ ВЕДОМСТВ. ЭНЕРГИЯ, ИНИЦИАТИВА, ТРУДОВОЙ ЭНТУЗИАЗМ МИЛЛИОННЫХ МАСС ТРУДЯЩИХСЯ — ВОТ... ГЛАВНЫЙ ИСТОЧНИК НАШИХ УСПЕХОВ».

Эти слова, исполненные гордости за советский народ, за рабочий класс Страны Советов, сказанные Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Л. И. Брежневым на торжественном митинге в Софии, вызывают у советских рабочих, инженеров, техников желание еще и еще раз тщательно взвесить, продумать: а нет ли возможности принять еще более напряженный встречный план бригады, цеха, завода, шахты?..

Известно: чтобы выполнить и перевыполнить задания девятой пятилетки в оставшиеся два года, надо работать еще лучше, чем в первые три. Такова сегодня мера требовательности. И тысячи коллективов передовых предприятий показывают пример столь высокой требовательности к себе при составлении плана 1974 года. Об одном из таких коллективов рассказывают наши специальные корреспонденты.

— Девчата, нам премию дали!

Яркие косынки так и замелькали перед цеховым щитом объявлений, и щит сразу стал похож на пеструю клумбу. Собралось-то всего человек пять, а сколько шуму! «Смотри, моя фамилия есть!.. И ты, Людка, тоже в списке... Где? Да вот же тебе семнадцать рублей... Ой, девочки, за что это мне?.. Как за что? За то, что у тебя в этом месяце брака не было»...

Радость их так меня тронула, что и я, протиснувшись вперед, стал зачем-то шарить глазами по списку, хотя здесь, на Саранском приборостроительном заводе, пока ни единого человека даже и по фамилии не знал. Просто интересно было: велика ли премия? Суммы были скромными, рублей по двадцать, пятнадцать, но девчата радовались; видно, дело тут не в деньгах, а в чем-то другом, гораздо более значительном.

— А смотрите-ка, вот другой список! — сообщил кто-то, и вся косыночная «клумба» переместилась к другому краю щита. Еще один перечень фамилий, еще один приказ: «Лишить 25 процентов премии за несвоевременный уход с рабочего места...»

— И здесь моя фамилия... Это за что же — лишить? — растерялась одна девушка.— Я ведь всегда вовремя уходила, ну если только минут на пять раньше станок выключала...

— Так эти минутки, наверное, и сосчитали. Теперь обижайся не обижайся, а от премии твоей только девять рублей осталось...

Девушка отходит от щита с натянутой улыбкой. И опять мне кажется, не денег ей жалко, а того маленького праздника, который испортили злосчастные «пять минуток»!

— Расстроилась? Ничего, это ей полезно! — улыбается начальник первого механического цеха Андрей Васильевич Ротанов, которому я рассказал об этом эпизоде.— С молодыми работниками такое бывает, до конца смены еще минут пятнадцать, а они уже станок выключают, начинают протирать его, инструмент собирают. Говорили мы, убеждали, а теперь вот рублем «укололи». Пусть видят, что экономика цеха и рабочая дисциплина тесно взаимосвязаны. А при таком напряженном плане, как у нас, и пять минут не мелочь!

Напряженный план. Что это — просто формальный термин, за которым скрывается обычный труд? Или опустошенные усталостью глаза рабочего, вздувшиеся вены на руках?. Впрочем, не будем вдаваться в крайности, но ведь должен же напряженный план, принятый заводом, как-то отразиться на лице предприятия, на характере, ритме его повседневной жизни?

Вот один из таких заводов — Саранский приборостроительный. Мне уже известно, что предприятие слывет «смелым» — ежегодно берет высокие социалистические обязательства. Вот и на будущий, 1974 год завод взял встречный план — весьма значительные обязательства по увеличению объема продукции, производительности труда и по другим важным показателям. Четырехлетний план завод обязался закончить к 25 июля 1974 года, а это на пять с половиной месяцев раньше, чем предусматривалось пятилеткой. Если судить по прошедшим годам, завод полностью справлялся с обязательствами, восемь кварталов подряд завоевывал переходящее Красное знамя Министерства приборостроения СССР. И в текущем году план выполняется успешно. Какими силами, за счет каких резервов? Это может сказать только сам завод...

...Первое впечатление: опрятность. Вычищен и прибран каждый уголок цехов, стены отделаны цветным пластиком, полно света. Много зелени, цветов, особенно в сборочных цехах, которые скорее напоминают лаборатории. Даже в литейном, несмотря на специфику, чувствуются попытки достигнуть эстетического совершенства.

Второе впечатление. Буквально на каждом шагу виднеется то стенд, то щит объявлений, то фотовитрина. Еще на улице, у проходной, — огромные рисованные портреты передовиков, далее многометровая светящаяся доска показателей работы цехов. Потом знакомишься с условиями социалистического соревнования, окидываешь взглядом фотостенд, рассказывающий о заводских коллективах коммунистического труда, и еще один: передовиков пятилетки. Читаешь стенгазету «Приборостроитель», рассматриваешь показатели межзаводских соревнований и так далее, по всем этажам, по всем лестничным пролетам. Стенды сделаны добротно, мастерски. А главное, они оперативны.

Итак, для начала всего две заводские особенности: опрятность и «говорящие» стены. Помогает ли это в работе? Начальник отдела труда и зарплаты Алексей Петрович Мальков доказывает мне, что называется, с карандашом в руках: да, безусловно, помогает! На столько-то процентов возросла бездефектность сдачи продукции с тех пор, как изменили внешний вид цехов, такой-то эффект дает многообразное по формам социалистическое соревнование,— гласность его обеспечивают все те же «говорящие» стены.

— Мы давно уже поняли, что одними понуканиями — «давай, давай» — много не сделаешь,— говорил Алексей Петрович,— и все изменения проводили, опираясь на научную организацию труда. В первую очередь реконструировали завод. Напряжения это стоило огромного, трудностей было не счесть — зато теперь все производство переоснащено, модернизировано, люди на рабочих местах вздохнули свободней. Знаете, теперь все даже удивляются: как, мол, раньше в такой теснотище могли трудиться? Без этой перестройки нечего было и мечтать о сегодняшнем приросте объема продукции.

— Значит, залог вашего успеха — реконструкция плюс организация труда?

— Плюсы в этой формуле будут бессмысленны, если в начало ее не поставить человека. Техника, оборудование — все так, но главное — умение каждого рабочего обращаться с техникой, его добросовестность, старательность. Вот мы и наметили себе цель — удержать на заводе каждого человека, сделать его мастером своего дела, создать ему необходимые условия труда,— и тогда смело можно брать самые напряженные планы.

— Но ведь эта цель — общая для всех предприятий...

— А мы и не пытались изобретать какие-то свои, собственные методы развития производства. Несколько лет назад представители нашего завода посетили некоторые предприятия страны — знакомились с тем, как там организована работа, как проводится соцсоревнование. Очень многое дала нам поездка на московский завод «Динамо», после нее мы вывели для себя главное правило: каждый должен работать в общем ритме предприятия. Иначе говоря, личные планы должны быть на уровне общезаводских, тогда любой рабочий или служащий осознает свою ответственность за деятельность всего предприятия... И если вы хотите получить представление о нашем ритме жизни — присмотритесь к любому из рабочих, не выбирая. Советую поговорить с молодежью: половина коллектива у нас двадцати — двадцатипятилетние, а ведь как здорово работают! Недавно на заводской комсомольской конференции они решили сделать 1974 год завершающим годом девятой пятилетки. Они, молодые, задают тон!

...С наладчиком автоматов Ана-

толием Шавиным меня познакомили прямо в цехе. Высокий, крепкий парень, приветливая улыбка на лице, рукава спецовки закатаны по локоть — хоть сейчас на плакат! Может ли он со мной поговорить?

— Конечно! Вот только к стенке отойдем — там шума меньше,— приглашает токарь.

— А как же они? — киваю на работающие станки.

— Автоматы! — обронил Анатолий.

Мы говорили в тот раз минут двадцать, и за все время Анатолий даже не обернулся к станкам. Ни разу! Я никак не мог понять, в чем дело. О Шавине мне сказали, что он взял одно из самых высоких личных обязательств по заводу — выполнить пятилетний план в четыре года, я думал, что его-то от станка не оторвешь. Напряженный план... Где оно, напряжение? Не выдержал я, прямо так и спросил у Анатолия.

— Я же говорил — автоматы! — удивился Шавин, а потом объяснил: — Понимаете, самое главное — наладить станки, отрегулировать. Насколько хорошо ты в технике разберешься, настолько хорошо она будет работать...

Вот в чем мастерство нынешнего токаря! Надо «всего лишь» досконально знать станок, «всего лишь» изучить все капризы и повадки техники—и станок будет работать сам. Если раньше говорили — токарь умелый, то теперь надо иначе — токарь знающий.

— Это на словах просто объясняется, а в жизни все гораздо сложнее,— продолжает Анатолий.— Нужно со станком не один год провозиться, чтобы егоназубок знать. У нас ученики на автоматах по пяти месяцев обучаются, прежде чем приступают к самостоятельному труду. А чтобы все хитрости станка распознать, надо, наверное, всю жизнь на нем протрубить...

— А вы сколько здесь работаете?

— Восемь лет. Я после школы поступал в военное училище — подводником хотел быть,— да вот барокамеру не прошел. Вернулся в Саранск, стал учиться на наладчика автоматов. Вместо пяти, правда, три месяца учился — быстро в технике разобрался, потом и пошло: сто десять, сто двадцать процентов нормы...

— В чем же секрет — в особой сноровке, что ли?

— Нет, скорее в настойчивости. В нашем деле ни себя, ни времени жалеть нельзя, если, конечно, хочешь по-настоящему работать. Когда станок закапризничает — тут и про сон и про отдых забываешь, пока не разберешься, что да как... Вот совсем недавно был случай: получили мы из Мелитополя новый одношпиндельный автомат. Наладили его, я смену отработал, утром прихожу — на станке записка от сменщика: «Толя, так, мол, и так — не работает станок!» Четыре дня возились, пока нашли заводской дефект. Тут же придумали приспособление, установили — и ничего, по сей день автомат действует.

— Сколько у вас таких автоматов?

— Сейчас на семи станках работаю, а по норме полагается четыре.

— Это и есть ваш напряженный план — семь вместо четырех?

— Да, за счет обслуживания дополнительных станков повышаем производительность труда. Так у нас многие в цехе делают — вон рядом станки Саши Финаева, Алексея Ноздрина. У нас и ученики свои есть — это по условиям соцсоревнования. Мы могли бы и на пятнадцати автоматах каждый работать, если бы... Да чего там говорить! Если бы станки были у нас самые современные, если бы работал каждый на пару с наладчиком, если бы запчасти всегда были в комплекте... Вот взять резцы — работали мы с резцами из стали Р-18, а сейчас нам дают сталь Р-9, так резцы из нее в два раза быстрее срабатываются. Сколько времени из-за этого теряем на переоснастку!

— И все же обязательства вы взяли высокие. Значит, вы уверены в своих силах больше, чем, скажем, другие?

— Так ведь обязательство — дело добровольное. Нам всем в начале года роздали карточки, чтобы мы в них свои планы записали. И там, в карточках,— показатели каждого из нас. Исходя из этих показателей, мы и обязательства брали. И знаете, такого среди нас не нашлось, кто занизил бы свои силы — тут уж дело рабочей совести каждого. Раньше были здесь люди, которые не хотели себя сверхплановой работой утруждать — мы их куркулями прозвали, но они в цехе не прижились, ушли...

— Значит, ритм напряженного плана им оказался не по плечу?

— Такая уж на нашем заводе специфика — работать в полную силу! — смеется Анатолий.

Мне очень хотелось поговорить с директором завода Генрихом Львовичем Клигерманом — одним из инициаторов всех заводских перестроек, нововведений и начинаний. Но директор, к сожалению, в те дни был в отъезде, и на мои вопросы ответил главный инженер Юрий Иванович Азоркин. Вопрос-то, собственно, был один — на чем основывалось предприятие, идя на известный риск, когда приняло встречный напряженный план 1974 года.

— Вот вы говорите — риск. А ведь его нет! — подытожил разговор Юрий Иванович.— Реальные возможности, учет внутренних резервов каждого рабочего, ставка на новую технику — вот что сглаживает острые углы заводского напряженного плана, или, как вы называете, грани нашего риска. Скрывать свои возможности, не отдавать всего, что мы в силах отдать, просто не имеем права!

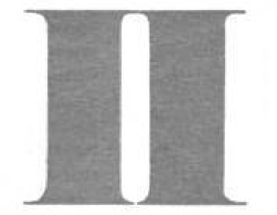
...Уже в день отъезда мне пришлось пройти мимо той самой доски объявлений, с которой началось мое знакомство с заводом. Вновь у белых листков со списком фамилий толпились рабочие. Еще одна премия из цеховых фондов! А ведь это, если разобраться, тоже итог напряженного плана... Премии, грамоты, ценные подарки, почетные звания, благодарность народа — вот результат, который дает людям их напряженный труд.

Сборочный цех напоминает лабораторию...

Наладчик автоматов коммунист Анатолий Шавин.

Как же выполняется встречный!

29 НОЯБРЯ 1945 ГОДА ПРОВОЗГЛАШЕНА ФЕДЕРАТИВНАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА ЮГОСЛАВИЯ (ТЕПЕРЬ — СФРЮ)

Юрий ЖУКОВ

Всякий раз, когда приезжаешь в Белград, тебя неудержимо тянет в этот тихий уголок города. Здесь, за желтой каменной стеной, под сенью раскидистых берез, среди красивых цветников, лежат в теплой славянской земле плечом к плечу, как шли они плечом к плечу на штурм фашистских укреплений, тысяча триста девяносто пять югославских солдат и восемьсот восемь советских солдат. О, конечно же, здесь не все — далеко не все! — те, кто в трудном бою за Белград пали на подступах к нему и никогда больше не смогли подняться. Многие, очень многие покоятся на других военных кладбищах, но и эти цифры напоминают об очень многом.

Память, солдатская память... Хрустит под ногами гравий. Мы медленно шагаем по густо разросшемуся саду, совсем непохожему на обитель смерти. Ныне он в окружении высоких, созданных из бетона, алюминия и стекла жилых домов. По дорожкам молодые матери катают коляски с младенцами. Наш спутник, советский дипломат Алексей Матвеевич Карпачев, в который раз перечитывает такие знакомые имена, четко выбитые на сером граните: «Иван Александрович Стражев, полковник...», «Саша, неизвестный боец...», «Виктор Ильич Заваруха, майор». И еще одна, простая и наивная, но берущая за сердце надпись: «Мишка-танкист»,— видать, веселый и компанейский был этот парень, полюбившийся белградцам, а вот фамилия его так и осталась неизвестной.

Алексей Матвеевич был тогда минометчиком — ему исполнился в ту пору двадцать один год — и участвовал в жарком бою за мост через Саву, единственный мост, который фашисты не успели взорвать. А его надо было взять обязательно целым, чтобы наши танки смогли войти в Белград, и его все-таки взяли, и танки прорвались в город, но сколько однополчан Карпачева и сколько югославских бойцов осталось там, на покрасневшем от крови мосту! И вот теперь, почти тридцать лет спустя, он снова ищет их здесь...

Память, острая солдатская память,— какое это великое благо, и как важно для людей, что она живет вечно и напоминает им о том, о чем нельзя забывать. И куда бы ты ни пошел, в какой — сербский ли, черногорский, словенский, хорватский, македонский ли — город ни поехал, всюду увидишь приметы памятных сороковых годов, когда мы с югославами были в одном фронтовом строю. И не только сороковых,— так уж получилось, что неразрывная нить истории прочно связала северных и южных славян во многих и многих трудных ратных делах, когда им приходилось воевать за свою свободу.

В зеленом и уютном городе Цетинье, бывшей столице Черногории, я видел в музее знамя, подаренное черногорцам русскими, когда — в который уже раз! — возобновлялась война с турецким султаном; на нем одно лишь слово: «Надеемся». И черногорцы тогда — в который уже раз! — снова поднялись на бой. И там же я видел саблю, которой сражался Новак Милошев, на ней выгравирована надпись по-русски: «Рублю врага в бою — лежачего не бью».

Вместе с южными славянами русские воевали и против турецкого султана, и против маршалов Наполеона (помните, у Пушкина песню западных славян: «Черногорцы? что такое? — Бонапарте вопросил: — Правда ль: это племя злое, не боится наших сил?»), и против кайзера Вильгельма, и против Гитлера и Муссолини.

Но особенно дорога и нам и югославам память о той трудной поре, когда мы сражались с белогвардейцами и интервентами, и опять рядом с нами были южные славяне, попавшие в Россию разными и сложными путями. Одни из них жили на землях, входивших тогда в состав «лоскутной» Австро-Венгерской монархии, и были мобилизованы императором Францем-Иосифом, воевавшим вместе с Вильгельмом против русских, но они отказывались сражаться и сдавались в плен на фронте в Галиции. Другие — сербы, черногорцы — воевали против Австро-Венгрии и Германии, попали в плен, но потом бежали и, перейдя линию Восточного фронта, присоединились к русским.

В 1917 году и те и другие южные славяне поддержали нашу революцию, а потом вступили в Красную Армию — таких нашлось тогда свыше тридцати двух тысяч, и был среди них солдат Броз, слышавший Ленина и сражавшийся за дело Ленина, солдат, которого теперь мы знаем как маршала Иосипа Броз Тито.

«Дружба народов наших стран имеет давнюю историю,— сказал Л. И. Брежнев на митинге рабочих завода электронной промышленности в Белграде 23 сентября 1971 года.— Эта дружба наполнилась новым содержанием в борьбе за социализм». И он добавил: «Советские люди никогда не забудут, что в день нападения гитлеровской Германии на Советский Союз Политбюро ЦК Коммунистической партии Югославии призвало народ ко всеобщему вооруженному восстанию. Пламя героической борьбы, вспыхнув 4 июля 1941 года, охватило всю страну. Восстание переросло во всенародную борьбу за победу социалистической революции».

И товарищ Тито, выступая днем ранее, в свою очередь, сказал: «Совместная борьба против мрачных сил фашизма, в которой народы СССР несли самое тяжелое бремя, глубоко запала в сердце каждого нашего человека и в память народов Югославии. В этом мы и сегодня видим прочный залог дружбы и сотрудничества наших народов».

Да, мы помним, как это было,— уже к осени 1941 года югославские повстанцы освободили обширную территорию в Западной Сербии и Шумадии с центром в Ужице, и называлась тогда эта земля — Свободная Ужицкая Республика. Оккупанты ее сломили. Потом создавались новые и новые свободные края,— борьба ширилась. 22 декабря 1941 года была создана Первая пролетарская бригада, осенью 1942 года уже действовали пролетарские дивизии и корпуса — Народно-освободительная армия насчитывала полтораста тысяч солдат, а к осени 1943 года она выросла до трехсот тысяч. Югославы сдерживали натиск сорока двух немецких и итальянских дивизий.

Сколько поразительных историй, каждая из которых могла бы послужить темой для волнующего романа, услыхал я в эти дни в Югославии! С кем из людей, которые старше сорока лет, ни заговори — и ты обязательно услышишь поистине драматическую историю.

— Хоть мы люди мирные, но так уж получилось, что весь наш народ воевал,— говорит мне работник секретариата по информации Союзного исполнительного веча Джуро Радулович.— Дед мой сражался против австро-венгерского императора Франца-Иосифа, участвовал в восстании 1869 года. Отец воевал против кайзера Вильгельма, попал в плен к немцам в 1916 году, бежал из Германии в Россию в 1917 году, там присоединился к большевикам, вступил в Российскую Коммунистическую партию, воевал в Красной Армии против белых. Вернулся на родину по окончании гражданской войны. Умер за год до второй мировой. Перед смертью сказал мне и моим трем братьям: «Скоро опять будет война; чует мое сердце,— Гитлер и Муссолини нападут на Россию, и не миновать беды и нам. Но русские обязательно победят. И вы будьте с ними. А кончится война — поезжайте в Россию, поклонитесь городам, где я бывал,— Петрограду, Москве, Киеву и Царицыну...»

Джуро взволнованно перевел дыхание и продолжал:

— Так все и получилось. Война началась через год и, все мы, четыре брата, ушли воевать. Престарелая мать наша осталась одна, она погибла в 1942 году. Самый старший, Обран, погиб в 1943 году, за ним погиб Петр — в 1944-м. А меня с братом Милошем пули пощадили. Брат нынче уже на пенсии, а я еще работаю. Начинал войну я комсомольцем, а в декабре 1941 года стал коммунистом. А в 1966 году выполнил завещание отца: поехал в Советский Союз и поклонился Ленинграду, Москве, Киеву и Волгограду...

Профессор филологии Милисав Радивое Филиппович из Титограда, знаток поэзии Маяковского, был еще мальчишкой, когда Джуро Радулович и его друзья уже стали солдатами. Он жил тогда в черногорской деревушке Гостилье, было в ней всего сто двадцать домов. Но тревожные дни сорок первого года навек врезались в его память,— еще бы!

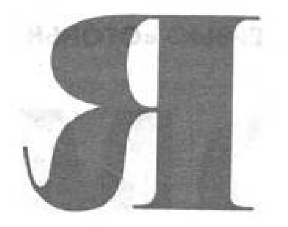
— Вы знаете,— говорит он,— нашу деревушку назвали тогда «Красная Москва». Почему? А вот послушайте. С первого же дня победоносного восстания у нас разместился главный штаб черногорских повстанческих сил. Здесь работал Иван Милутинович — член Политбюро ЦК нашей партии; пройдя академию войны, он стал генерал-лейтенантом и среди прочих наград имел советский орден Кутузова. Погиб он в бою за Белград 19 октября 1944 года. С ним были Моша Пияде, также видный руководящий деятель нашей партии, и Пеко Дапчевич, ветеран войны в Испании, горячая голова и боевой стратег. Он кончил войну генерал-полковником, его армейская группа брала Белград. Советское государство наградило Дапчевича орденами Суворова и Кутузова. Теоретическое военное образование он получил уже после войны в советской Академии имени Ворошилова и был после этого начальником генерального штаба Югославии.

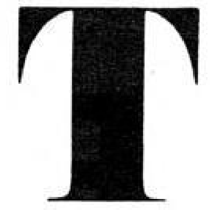
В черногорской «Красной Москве», то бишь в Гостилье, принимали по радио сводки Информбюро из Москвы и печатали их в походной военной газете, а мальчишка Филиппович разносил ее по солдатским подразделениям. Сестра его, восемнадцатилетняя девушка, вела политработу среди молодежи. Прошло три года войны, и в 1944 году Филипповичу, который уже подрос, дали винтовку, и он тоже пошел воевать...

А как они воевали, эти молодые ребята! Какие это были бесстрашные, отчаянные люди! В музее народно-освободительной борьбы в том же городе Цетинье (он выглядит теперь таким тихим и безмятежным, а тридцать лет назад был эпицентром ожесточеннейшей борьбы) мне показали фотографию студента Чупича, сделанную фашистами в трибунале в момент объявления ему смертного приговора. Его руки скованы. Но на лице веселая улыбка, и глаза искрятся светом. Знаете, что он ответил, когда ему объявили, что сейчас он будет расстрелян, и спросили, не хочет ли он попросить у священника отпущения грехов?

— Верую во единого бога — русса, который победит итальянца, японца и прусса!

В этот момент потерявший само-

обладание гитлеровский офицер выстрелил в него.

А вот фотография другого бойца, тоже схваченного фашистами, Гойко Крушки,— он в изодранном пальто, в рубахе с распахнутым воротом. Его уже приговорили к повешению. Но он не сдается, он знает, что перед ним — живые мертвецы, обреченные историей. Мне рассказывают: фашисты измучились, допрашивая Гойко Крушку — так он издевался над ними.

— Ты чего развалился на стуле? — орал на него офицер.

А он насмешливо отвечал:

— Так ведь я живу в своем доме, а ты, подлец, в чужой стране. Погоди, русские и мы вас победим. Ведь нас с ними — двести миллионов...

И Гойко плюнул в глаза фашисту. Да, плюнул! Ему за это забили гвозди под ногти, но и на сей раз он не дрогнул и вплоть до самой виселицы твердил: «А мы вас все-таки победим...»

Мы идем с Филипповичем к базарной площади Цетинье. Вот она, тихая-тихая, какая-то безмятежная, провинциальная площадь. На лотках торгуют луком, овощами, цветами. У тротуара высится вековой граб, в его ветвях щебечут птицы,— это здесь, вот на этой ветви, был повешен Гойко Крушка. Рядом с ним повесили партизана — албанца Мусу Ходжича. Вот их отлитые из металла бюсты,— они остались тут навеки, вечно молодые.

Идут люди. Останавливаются. Читают имена погибших. Долго-долго стоит какой-то школьник, глядит в лицо бронзовому Гойко Крушке. О чем он думает? Быть может, выбирает, «делать жизнь с кого», как писал Маяковский?

Солдатская память — острая память, она напоминает о былом.

Вот знаменитый Дубровник, некогда средневековая крепость, белый-белый городок у синего-синего моря, переполненный веселыми туристами; словно на венецианской площади святого Марка, здесь тучи голубей; слышится музыка, люди настраиваются на беззаботный лад. И вдруг — надпись, высеченная на стене, ее суровые слова, звучащие словно предупредительный залп: «Люди, будьте бдительны! На этом месте двадцать шестого июня тысяча девятьсот сорок первого года юноша по имени Иво Бучач во время подъема итальянского флага открыто протестовал против речей оккупантов и их наемников — усташей: «Вы врете! Долой фашизм! Да здравствует свобода! Да здравствует СССР!» После пыток он был расстрелян на острове Лопуд. Эту доску установил горком ветеранов в 1950 году». И под доскою венок из свежих цветов...

Вот Котор, знаменитый Котор на берегу неповторимой голубой бухты, похожей на глубокий норвежский фиорд. Здесь в 1918 году восстали тысячи моряков на сорока кораблях тогдашнего австро-венгерского флота. Они восстали в знак солидарности с российской социалистической революцией. На воротах этого живописного средневекового города, сооруженных еще в 1657 году, югославские патриоты, освободившие его 22 ноября 1944 года, выбили слова маршала Тито: «Чужого не берем, своего не отдаем».

Сколько таких многозначительных монументов, надписей, мемориалов видели мы в теплые летние дни этого года по всей югославской земле — от Белграда до Титограда и от Святого Стефана до Любляны! И что особенно важно, эти памятники и надписи в камне и бронзе — не просто дань истории, но и школа воспитания новых и новых поколений.

И еще одна памятная встреча — в уютном особнячке из красного кирпича на тихой зеленой улочке Белграда, которая носит имя Ужице,—той самой, где тревожной осенью 1941 года повстанцами была основана легендарная Свободная Ужицкая Республика, встретился со старым другом и коллегой по международным парламентским встречам Пеко Дапчевичем. Бывший партизан, ставший на фронте генералом и занявший потом пост начальника генерального штаба, ныне носит штатскую одежду, является заместителем председателя Союзной скупщины и председателем парламентской группы Югославии, ведет активную политическую деятельность, пишет книги. Но цепкая солдатская память постоянно возвращает его к далеким событиям юности и молодости. Стройный, седоголовый черногорец, он сохранил военную выправку и выглядит молодо, хотя в этом году ему уже исполняется шестьдесят лет, из коих сорок лет отдано партии.

Мы сидим на террасе, выходящей в сад, где Пеко выращивает отличные яблоки, которые он раздает ребятишкам. Вспоминает наши встречи в Австралии, в Иране, в Венесуэле — всюду, где проходили заседания Совета Межпарламентского союза; говорим и спорим о политике, и снова в разговор вплетаются воспоминания о пережитом в военные годы. Об этих годах Пеко уже написал много, и книги его изданы в разных странах, но разве обо всем напишешь?

Я рассказываю ему о том, что видел в его родной Черногории, что говорили мне о «Красной Москве», деревушке Гостилье, где мой собеседник начинал войну, и вижу, как молодеют его глаза,— как же, разве забудешь такое?!

Так уж сложилась судьба этого человека: с ранней юности и до седых волос — борьба. Подполье в королевской Югославии; активное участие в войне против фашизма в Испании,—в рядах добровольческого батальона «Димитров» сражались тысяча шестьсот югославов, погиб каждый второй— снова подполье в оккупированной гитлеровцами Франции, а потом в Австрии; нелегальное возвращение на родину за день до антигитлеровского восстания; участие в восстании. Пеко стал первым партизанским командиром в округе Цетинье; в 1942 году он уже командовал 4-й пролетарской бригадой, в которой было 1 182 бойца, в том числе 382 коммуниста с подпольным стажем и 650 комсомольцев, год спустя Пеко уже командовал второй пролетарской дивизией, затем корпусом и, наконец, армией...

Когда было труднее всего? Пожалуй, в июне 1943 года, когда в районе Сутьеска,— это в Боснии, на границе с Черногорией,—армия Тито оказалась зажатой на крохотном «пятачке» в окружении ста двадцати тысяч вражеских солдат. Положение осложнялось тем, что с югославской армией было четыре тысячи пятьсот раненых и больных тифом. Был ранен и Тито, но он оставался в строю.

— Трудно, очень трудно было,— задумчиво говорит Пеко.— Бой длился двадцать шесть дней, мы вырывались из кольца. Не было патронов — мы их добывали у фашистов. Не было хлеба — ели траву. И все-таки прорвались! Не могли не прорваться — это был вопрос жизни и смерти нашей революции. И никто не допускал и мысли о поражении...

Однажды, когда солдаты Пеко заняли деревню, разрушенную фашистами, его ординарец нашел среди развалин портрет Ленина, отпечатанный задолго до войны в Канаде. Под изображением Владимира Ильича была подпись на английском языке: «Вождь советской и мировой революции». Теперь уже никто не узнает, как этот портрет попал из далекой Канады в монархическую Югославию, где коммунисты жестоко преследовались и вынуждены были работать в подполье.

Пеко Дапчевич обрадовался этой находке. Он с детства проникся глубоким уважением к Ленину — его отец, сельский учитель, который не был коммунистом, но любил Россию, как большинство черногорцев, и приветствовал Октябрьскую социалистическую революцию, говорил ему: «Пеко! Ленин — это гениальный человек. История оценит его так же высоко, как Петра Великого, а может быть, еще и выше».

— А ты знаешь,— вдруг прерывает свой рассказ Дапчевич,— Ленин внимательно следил за развитием демократического движения на Балканах, в том числе и в Черногории. Да, да, я сам нашел в его Собрании сочинений неоднократные упоминания о нас. А в 1912 году он даже написал в «Правде» статью «Новая глава всемирной истории» по поводу победы балканских народов, в числе которых он упоминал и Черногорию, над Турцией. Он приветствовал тогда тот факт, что «сознательные рабочие балканских стран первые выдвинули лозунг последовательного демократического решения национального вопроса на Балканах», потребовав создания федеративной балканской республики. Правда, тогдашняя слабость демократических сил — пролетариат был немногочислен, крестьяне раздроблены и безграмотны — привела к тому, что этот необходимый союз стал союзом монархий. Но Ленин, глядя далеко вперед, писал: «Несмотря на то, что на Балканах образовался союз монархий, а не союз республик,— несмотря на то, что осуществлен союз благодаря войне, а не благодаря революции,— несмотря на это, сделан великий шаг вперед к разрушению остатков средневековья во всей Восточной Европе».

Пеко на минуту задумался, тряхнул седой головой и продолжал свой рассказ о ленинском портрете, найденном его ординарцем среди развалин одного дома после боя.

Он был тогда взволнован этой неожиданной находкой.

Солдаты где-то раздобыли кусок стекла, смастерили рамку и бережно вставили в нее ленинский портрет. Его бдительно охраняли в самые трудные дни боев, и, где бы Пеко ни устраивал свой командный пункт, всегда над походным столом командира на стене ли дома, на дереве, в лесу, или в землянке был этот ленинский портрет.

— Однажды этот портрет висел даже в монастыре в городе Ливно,— вспоминает, улыбаясь, Пеко.— Мой ординарец повесил его над распятием. Пришел настоятель, и у нас была с ним долгая беседа, я описал ее в рассказе «Ленин и Иисус». В общем, мы, как говорится, пришли с ним к взаимопониманию: борьба с фашизмом была общенациональной, и монахи и попы были в этой борьбе заодно с нами и помогали нам чем могли...

До поздней ночи длился этот мой разговор с Пеко Дапчевичем. Но главным впечатлением, которое отложилось в душе, было все то же живое и теплое ощущение солдатской солидарности, которое не сглаживается с годами, какие бы жизненные перипетии ни накладывали свой отпечаток на пережитое.

И снова вспомнилась свежая гвоздика на гранитном надгробии Мишки-танкиста в Белграде. Гвоздики — на надгробиях Николая Зарицкого и Петра Колюкова и охапка ароматных роз у подножия фигуры Солдата, стоящего в центре этого мемориального кладбища. Кто принес их сюда?

— Вчера был День молодежи,— объяснял мне Джуро Радулович.— И вот по традиции наши юноши и девушки пришли сюда с цветами А потом они направились на вокзал — к поезду, уходящему в Москву, и каждому пассажиру дали цветок: «Счастливого пути, привет Москве!»

Разве не прекрасна эта традиция?

Солдатская память, самая острая, самая живая память. Как хорошо, что ты есть, что ты живешь и что ты передаешься из поколения в поколение!

Белград — Москва

БЫТЬ С ВЕКОМ НАРАВНЕ

В. П. ЕЛЮТИН,
министр высшего и среднего специального образования СССР

Прикладные науки — иллюстрация фундаментальных. * Специалист должен быть интеллигентом в полном смысле этого слова. * Преподаватель — не переносчик информации, а организатор познавательного процесса. * Утомляет не работа, а ее однообразие. * Индивидуализированное обучение. * «Пакеты» знаний по желанию. * Академик в каждом доме. * Чем выше культура, тем выше производительность труда.

«ОГОНЕК». Одним из главных признаков научно-технической революции (НТР) социологи называют быстрое изменение всего, что окружает человека. Интересно, какие в связи с этим наиболее существенные изменения в системе высшего образования произошли за последние годы в нашей стране?

В. П. ЕЛЮТИН. По мере развития НТР промышленность, сельское хозяйство и другие отрасли человеческой деятельности непрерывно обогащаются достижениями науки и техники. Причем процесс этот происходит в постоянно нарастающем темпе. И не удивительно, что все время повышаются требования к специалисту — к его научной подготовке и особенно адаптивности — умению легко и быстро приспосабливаться к новому. Коль скоро это так, повышаются требования и к уровню образования, к работе высшей школы. Обучение должно соответствовать темпам научного развития. Вот почему мы все время работаем над совершенствованием учебных программ и методик, привлекая к их разработке ученых Академии наук СССР и отраслевых институтов.

В то же время в связи с НТР быстро амортизируются, изнашиваются конкретные, прикладные знания — в технике, медицине, в сельском хозяйстве. Некоторые социологи оценивают уровень старения в десять, другие — в двадцать процентов ежегодно. Но дело не в процентах, важно то, что процесс этот развивается. Следовательно, вместо того, чтобы «начинять» студента прикладными знаниями — начинка быстро стареет,— мы обязаны гораздо больше внимания уделять фундаментальным наукам, иллюстрируя их прикладными. Иными словами, мы должны научить студента решать практические задачи на базе творческого использования фундаментальных наук.

С этой же целью надо дать ему возможность сделать эти знания активными, приучить студента решать задачи не школьного, а жизненного характера, на которые нет заранее данных ответов. Поэтому такое внимание уделяется ныне научно-исследовательской работе студентов. Смысл ее не столько во вкладе вчерашнего школьника в народное хозяйство, в науку — она имеет огромное методическое значение: студент приучается к творческой работе, вырабатывает творческое мышление.

В связи с этим возникает настоятельная необходимость постоянного обучения и самообразования. Мы внушаем студенту мысль, что обучение не кончается в высшей школе. Молодой специалист обязан постоянно пополнять свои знания. В связи с этим хотелось бы обратить внимание на один пункт постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 18 июля прошлого года, согласно которому для молодых специалистов вводится годичная стажировка. Для чего это сделано? Чтобы сразу после окончания вуза они почувствовали, что им дается возможность продолжать свое образование в виде адаптации к конкретным условиям производства. На этом этапе должна закрепиться привычка не просто к избранной профессиональной деятельности, а к пополнению своего научного багажа конкретными сведениями и новыми научно-техническими данными.

И еще одна особенность. Известно, что сейчас выполнение любого производственного плана сопровождается решением различных социальных проблем — быта, питания, медицинского обслуживания, обучения, отдыха, развлечений. Значит, нам надо воспитывать не специалиста в узком смысле слова, а человека, творчески осуществляющего многогранные планы коммунистического строительства.

Сочетание теоретического и практического обучения всегда было отличительной особенностью советского образования. К этому призывал В. И. Ленин, и мы свято соблюдаем его заветы в практике работы высшей школы. Сегодня молодой специалист должен быть в известной степени и организатором практической работы. И к этому его также надо приучить за годы студенчества. Вот почему у нас возник третий трудовой семестр, когда студентам предоставляется широкий простор для проявления организаторских способностей. Другой характер приобретает и межкурсовая практика — теперь она приобщает студента и к производству и к общественной деятельности.

Но если молодой специалист должен, помимо прочего, быть еще и организатором, уметь работать с массами, вести политико-воспитательную работу, то прежде всего он сам должен быть достаточно политически вооружен. Вот почему большое место в его подготовке занимает марксистско-ленинское образование и коммунистическое воспитание.

Напомню: на Всесоюзном слете студентов, говоря о том, каким должен быть современный советский специалист, Л. И. Брежнев сказал, что он должен быть интеллигентом в полном смысле слова. А это обязывает всех нас к развитию у молодежи таких качеств, как гражданственность, высокая культура, человечность, социалистический патриотизм и интернационализм. Отсюда возрастает роль гуманитарных наук. История КПСС, марксистско-ленинская философия, политэкономия и научный коммунизм преподаются во всех советских высших учебных заведениях.

«ОГОНЕК». Качество образования есть такой же показатель развития общества, как достижения науки и техники, уровень производительности труда и т. д. Как высоко «стоит» в мире образование советских специалистов?

В. П. ЕЛЮТИН. Абсолютного международного эталона не существует. Все зависит от уровня развития каждой страны, задач, стоящих перед обществом, от уровня культуры, науки, техники. Сейчас наука и техника приобретают все более интернациональный характер, расширяется взаимное влияние и, как в сообщающихся сосудах, качество образования выравнивается. И за рубежом качество образования в нашей стране оценивается довольно высоко. Во всяком случае, ни Кембриджу, ни Оксфорду, ни Гарварду и другим крупнейшим университетам мира наши старейшие университеты и другие вузы по качеству подготовки не уступают, а в ряде случаев даже превосходят их.

Конечно, в различных вузах страны оно неодинаково. Скажем, взять Московский государственный университет и какой-либо недавно открытый университет на периферии. Оба они университеты, но, разумеется, разные. И в этом нет ничего удивительного. К тому же здесь так же происходит выравнивание, как и в мировом образовании. Причем внутри страны оно протекает быстрее — по той простой причине, что мы не предоставляем этому процессу протекать самопроизвольно. Наоборот, настойчиво ускоряем его. В старейших университетах готовим преподавателей для молодых университетов и институтов. По командировкам министерства наши лучшие ученые центральных городов читают лекции в периферийных вузах. Мы опираемся на помощь союзной и республиканских академий наук, стремимся к тому, чтобы все новое, что появляется в науке, быстрее проникало в высшую школу.

Говоря о международной оценке нашей высшей школы, можно сослаться на такой факт. За рубежом работает около двух с половиной тысяч советских преподавателей, в ряде мест целиком по нашим программам. И вот что интересно: даже в Индии, где десятилетиями утверждала себя английская система образования, ныне в ряде случаев переключаются на советскую систему, признавая ее более отвечающей современным условиям.

«ОГОНЕК». Вы упомянули о новых программах и планах вузов. Учитывается ли в них темп обновления знаний? Ведь наука не останавливается в своем развитии, а учебные планы и программы составляются на несколько лет вперед.

В. П. ЕЛЮТИН. Сейчас они составляются с так называемым резервом вуза — 10—15 процентов учебного времени резервируется в распоряжение ученого совета вуза. И ученые института или университета сами определяют, что надо читать в эти часы, о чем рассказывать, с чем познакомить студентов.

Видите ли, разрыв между последними достижениями науки и полученными в вузе знаниями существовал и раньше. Разница состоит в том, что прежде прикладные науки обесценивались гораздо медленнее, мы могли спокойнее к этому относиться, у нас было время, чтобы догнать ушедшую вперед науку и ликвидировать разрыв. Сейчас же единственным выходом остается интенсификация учебного процесса. Увеличивать продолжительность обучения нецелесообразно и попросту невозможно. Поэтому необходимо обеспечить усвоение большего материала в единицу времени и сделать более рациональным использование всего учебного времени.

Увеличивать ежедневное количество лекций

бесполезно, бессмысленно. Попробуйте вместо шести часов читать восемь — можете быть уверены, что последние два часа выброшены впустую, КПД на них не превысит одной десятой. У студента достаточно прочны защитные механизмы, и если мозг его уже не способен активно функционировать, он просто перестает воспринимать иную информацию.

Но установлено ведь, что утомляет даже не столько объем работы, сколько ее однообразие, монотонность. Поэтому я утверждаю: нет перегруженности ни у школьников, ни у студентов — есть наше неумение правильно организовать работу, педагогический процесс. Пришла пора экономить каждую минуту студента: чтобы он не стоял в очереди за книгами, за чертежными принадлежностями, чтобы он мог пользоваться счетными машинами.

К слову, в ряде институтов уже оборудованы вычислительные залы, и студенты пользуются ими с первого курса. Поступил студент в вуз и в первый же день узнал, что считать теперь он будет на машине. Его обучают работать на ней, закрепляют за ним постоянное место в зале, он знает: машина всегда в его распоряжении. И это дает огромную экономию времени. Сами студенты говорят: экономия один к десяти.

Машина — это очень хорошо, но далеко не все. Ныне существенно меняется роль преподавателя. Из информатора — передатчика научных знаний он становится организатором познавательного процесса. Вот что очень важно.

Дело в том, что время студента довольно жестко распределено: грубо говоря, 60 процентов отводится на обязательные занятия, сорок — на самостоятельную работу. Это и много и мало, все зависит от того, как будет организовано использование этих сорока процентов времени. Преподаватель должен помочь студенту наиболее рационально использовать свое время, подсказать ему, что сегодня более важно, на что стоит обратить особое внимание. Тем самым мы в какой-то степени индивидуализируем образование. Помогает нам в этом и программированное обучение и работа в научных студенческих кружках. Студент продвигается по программе в зависимости от собственных способностей и трудолюбия: освоил, сдал очередную тему — двигайся дальше. То же и в научном кружке: от качества работы студента зависит время, которое уделит ему руководитель.

В новых планах и программах мы предполагаем отводить больше времени для удовлетворения разнообразных индивидуальных стремлений и желаний студентов пополнять свои знания. Выступая на недавней сессии Верховного Совета СССР, обсуждавшей Основы законодательства о народном образовании, академик В. А. Амбарцумян предлагал предоставлять студентам одного факультета право слушать лекции и сдавать экзамены на другом. Скажем, математик хочет изучить биологию, химик — физику и т. д. Мы не видим причин возражать против такого нововведения, тем более что подобная практика еще больше приблизит нас к индивидуализации образования.

В ряде случаев у нас уже теперь практикуется дополнение полученного ранее высшего образования вторым полным высшим или частичным высшим. Например, в Московском университете специалисты, имеющие высшее инженерное образование, получают математическое. В ряде инженерных институтов имеются специальные факультеты по организации и управлению производством для директоров и инженеров предприятий.

Последнее время особое развитие получили автоматизированные системы управления — АСУ. Для работы в этой области требуются специалисты, которые к тому же должны знать особенности своей отрасли производства. Потому что АСУ в металлургии — это одно, в строительстве — другое, в машиностроении, в уличном движении, в авиационной промышленности — третье, четвертое, пятое. Или, скажем, для охраны природы, чему сейчас уделяется огромное внимание, также есть свои, во многом неповторимые особенности. Мы приглашаем специалиста из данной отрасли и даем ему знания, в которых он нуждается в своей конкретной деятельности. Иногда мы дополняем высшее образование средним специальным. Так, выпускники педагогических институтов иногда получают музыкальное образование, заканчивая соответствующую школу, и т. д.

«ОГОНЕК». Высшее образование в нашей стране исторически сложилось из трех типов — дневного, вечернего и заочного. В последние годы резко сокращается заочное и даже вечернее, растет удельный вес дневного. Нельзя ли подробнее рассказать о тенденциях — количественных и качественных — в развитии этих видов обучения?

В. П. ЕЛЮТИН. С введением всеобщего среднего образования, по мере развития НТР и роста благосостояния трудящихся становится больше желающих получить высшее образование.

Некоторое время тому назад образование без отрыва от производства у нас было несколько гипертрофировано — не было соответствующей базы для дневного образования. Сейчас положение меняется к лучшему, меняется и соотношение контингентов по формам обучения. Округленно сейчас 53 процента приходится на дневное образование, остальное (47 процентов) — вечернее и заочное. По-видимому, в дальнейшем доля дневного обучения еще повысится, но это вовсе не означает, что мы откажемся от вечернего и заочного образования, которое будет улучшаться и приобретать более гибкие формы.

Уже несколько лет мы готовим разнообразные циклы со льготными условиями приема, предполагающие получение определенных знаний в соответствии с желанием обучающегося. Скажем, применительно к промышленности какой-то цикл будет посвящен технологическому процессу, даже какой-то его части. Человек хочет углубить свои знания в этой именно области — пожалуйста. Или агронома заинтересуют более узкие проблемы, связанные с почвоведением, растениеводством, химическими удобрениями. Какие знания человек захочет получить, такие он и сможет получить. Причем когда он закончит обучение по циклу и сдаст экзамен, ему будет выдан соответствующий сертификат.

«ОГОНЕК». А если студент проучился два-три года и по каким-то причинам вынужден уйти из института? Нельзя ли и в таких случаях выдавать сертификат? Объем знаний, приобретенных за эти годы, может оказаться достаточным для преподавания тех или иных предметов, скажем, в средней школе.

В. П. ЕЛЮТИН. Не исключено, когда все образование будет разбито по частям, и идентифицировано. Допустим, полный курс физики студенты проходят в первые три года, и если тот или иной из них ушел после третьего курса, сдав экзамены, он также получит право на соответствующий сертификат.

И еще. При каком-то наборе сертификатов — пока это планы на более далекое будущее — и с учетом практической работы учащийся на определенном этапе сумеет защитить дипломный проект и завершить свое образование — среднее или высшее. Такие «пакеты» знаний можно будет получать и в виде телевизионных курсов, в ряде случаев мы уже имеем здесь довольно неплохие результаты и намерены развивать эти курсы. Дальнейшее развитие получат обучающие машины, программированное и другие технические средства обучения, в том числе — в перспективе — и видеомагнитофонные записи лекций. Представьте себе, человек приходит в фильмотеку или в магазин учебных пособий, получает набор лекций, а затем в просмотровом зале или дома, в удобное для него время слушает лекции самых выдающихся специалистов в интересующей его области — академиков, лауреатов Ленинских и Государственных премий.

Таким образом, сохраняя прежние свои заслуги в повышении квалификации, заочное и вечернее образование обретает теперь новые качества. Используя большую его доступность, любой человек сможет изучать то, что его интересует. Допустим, слесаря, агронома, инженера привлекает искусство Византии или современный театр Японии — пожалуйста, к его услугам будут соответствующие «пакеты» знаний. А потом, когда он сочтет, что освоил какой-то курс наук, он может сдать экзамены и получить сертификат именно на этот курс.

«ОГОНЕК». Так же, как правила уличного движения: выучил, сдал, получил права?

В. П. ЕЛЮТИН. Совершенно верно. И для общества это представляет большой интерес: некоторые дополнительные затраты скажутся на повышении общего интеллекта общества и производительности труда. Академик С. Г. Струмилин в одной из своих статей убедительно показал, ссылаясь на практические данные, что чем выше общеобразовательный уровень, уровень культуры тружеников, тем быстрее растет производительность труда.

«ОГОНЕК». Некоторые социологи придерживаются противоположной точки зрения.

В. П. ЕЛЮТИН. Видите ли, помимо знаний и культуры, требуется еще и осознанное желание. Чтобы человеком двигал общественный и личный интерес, осознанное желание, необходима правильная профессиональная ориентация: чем большее желание учиться именно в данном направлении, тем лучше результаты.

Я не верю, что каждому человеку генетически, наследственно предначертана та или иная профессия. Напротив, я убежден, что молодежь можно увлечь на любые дела на благо Родины, во имя идеалов Коммунистической партии. И мы сейчас стараемся в каждом студенте с первых дней пребывания в институте развивать увлеченность той специальностью, которую он начал осваивать. Даже если он пришел в вуз, ничего о своей будущей профессии не зная, через месяц-два он должен говорить о ней с гордостью, словно много лет занимается этим делом.

И здесь задача первой необходимости — воспитание у молодежи трудолюбия. Вот проблема огромного значения. Я сказал бы даже так: без воспитания трудолюбия нет современного образования!

Причем, чтобы воспитывать трудолюбие, дополнительные часы не нужны. Это вопрос методики работы с людьми, все та же организация педагогического процесса. Трудолюбие воспитывается не столько количеством труда, а, главное, его качеством, умением использовать время, выделенное для учебы. Мне порой приходится читать статьи, призывающие студентов работать в третьем семестре без выходных, по четырнадцать часов в сутки. Категорически не согласен. Напротив, смысл в том, чтобы суметь сделать больше за те же семь-восемь часов. Да и посудите сами: если за четырнадцать часов человек выполняет не двести процентов плана — это вообще вряд ли возможно, а сто пятьдесят, это ведь означает, что он плохо работает, непродуктивно. Кстати, и организм не позволит столько времени работать с непрерывным напряжением. Так что суть в стремлении непрерывно повышать его результативность.

«ОГОНЕК». На сессии Верховного Совета СССР обсуждались Основы законодательства о народном образовании. Что нового отражают положения этого проекта?

В. П. ЕЛЮТИН. Здесь слились воедино все виды образования — от детского сада до университета. Это чрезвычайно важно: узаконена последовательность и преемственность образования, стыковка всех его звеньев. По-новому был поднят вопрос повышения качества преподавания и образования, более широкого участия в нем общественности. В частности, расширяются приемные комиссии, созданы региональные советы ректоров по городам с участием представителей партийных, комсомольских, профсоюзных органов и промышленных организаций.

И, конечно, вы обратили внимание, с какой силой проявилась на сессии всенародная забота об образовании. Новый закон подчеркнул кровную заинтересованность Коммунистической партии, Советского правительства, всего общества в повышении уровня и качества знаний.

А вызван он был тем, с чего мы начали нашу беседу: необходимостью дальнейшего совершенствования всех уровней образования и подготовки широко образованных специалистов в период научно-технической революции. Тем более что в нашей стране есть неоспоримые возможности сочетать достижения НТР с преимуществами социалистической системы хозяйства. Я имею в виду то положение, которое особо подчеркнул в своем докладе на XXIV съезде КПСС Л. И. Брежнев.

Беседу вел **М. ХРОМЧЕНКО.**

ТБИЛИССК

* * *

Трепещет город в сумраке ночном —
Весь в помыслах, витающих над сном.

О чем они? Чтоб мирная пора
Царила в этом праведном краю,
Чтоб в изголовье мать — душа добра —
Стояла, гладя голову твою.

О чем еще? Чтоб пыл твой, как цветок,
В душе бы разгорался все живей.
Пусть будет вздох неровен и глубок
От беспричинной радости твоей.

Кричит петух, зовя светило в путь,
Как всякий день кричит под утро он,
А ты? Ты спишь. А как сияет грудь,
Столь нежная, сколь нежен первый сон,

Горячая, как слезы из очей!
О, мгла ночей тбилисских... мгла ночей

КОНЕЦ АВГУСТА

Уж август весь... А там, тяжел и гибок,
Осенний сбор и снегопад улыбок.

Тебе наскучит берег твой, наверно,
И рев волны, и пламенный песок.
От отдыха уставшая безмерно,
Для возвращенья ты наметишь срок.

И шаг твой молчаливый я увижу —
Как по песку — на взлете ветряном,—
И взгляд твой, принимающий и крышу
За лодочку, лежащую вверх дном.

Хоть след светила, все его безумье
Сокрыто тканью, но исполнен взор
Сегодняшнего бледного раздумья
Над тем, что лишь былое с этих пор...

Уж август весь. Уже пора настала:
Вот-вот пройдешь по городу устало.

* * *

Как передать тебе, что ночью снилось
мне?
Земля, оплавленная в солнечном огне.

Под Нарикалой недалеко от меня,
Ты долгий миг стояла с юным
незнакомцем.
Затем он вдруг пришпорил бурого коня,
И ты исчезла с ним меж облаком и солнцем.

Хотелось плакать мне, но слез я не обрел.
Кричать хотелось, но язык был нем, как
прежде.
И тайный знак внезапно подал мне орел
И стал учить меня летать в пустой
надежде.

Я разве отдал бы тебя, пока живой?
Но не сама ли ты к груди его припала?
Я, безоружный, с обнаженной головой,
Как бы прикован, у скалы стоял устало.
Я до сегодняшнего дня еще таю
Тот смутный сон — измену явную твою.

КОГДА ШЕЛ НОЧЬЮ ДОЖДЬ

Он лишь в душе, ночной вчерашний гром.
Я так хочу скорей забыть о нем.

Не вспоминать ни славы, ни добра.
Не помнить зла и боли пораженья.
Меня страшит безмолвная пора,
Моей наивной нежности круженье.

Страшусь того — хоть в чем моя вина? —
Что всякий взгляд твой холодом искрится,
Все зеленей его голубизна.
И от него теперь куда мне скрыться?

Уж не спасут ни враг меня, ни друг.
Для той беды любое слово вяло.
Одна мечта — чтоб от твоих лишь рук,
От рук твоих душа тепло узнала.

Ужель ты — ночь, идущая за днем?
Ведь лишь в душе ночной вчерашний гром...

* * *

Скоро золотом покроются и лес, и дол,
и луг,
И осенний дождь настойчивый омоет все
вокруг.
Ты орлом летаешь вольным в синем небе
где-нибудь.
Вкруг меня ущелье высится отвесно,
И уже крутого гнева удержать не может
грудь,
И уже на всей земле теперь мне тесно.
Если сплю, то — на туманах, чтоб
в предутреннем часу
Бледный сумрак натянуть, как одеяло.
Богатырский стон из камня может
выдавить слезу.
И гудят под ветром башни одичало.
Эти памятные башни, что уперлись
в небеса,—
Как заложники эпох и потрясений,
Мне порой напоминают их живые голоса:
— Жди зимы уже с распутицы весенней!
Я и жду. Сойди же сверху — вниз:
от башен, от небес...
Скоро золотом покроются и луг, и дол,
и лес.

КОГДА ПО МНЕ СОСКУЧИШЬСЯ

Когда по мне соскучишься, когда
Так станет вдруг тоскливо, что беда,

Представь, что завершил я бытие,
Что больше нет меня на белом свете,
Лишь тело бездыханное мое
Лежит под ураганом в Хевсурети.

Гора над ним застыла, как сестра,—
Представь ее. Когда ж и этой боли
Для излеченья мало, то — пора:
Закрой глаза хотя б на миг, не боле.

Вообрази, что я твой странный сон,
Не явлен въявь и впредь явлюсь едва ли,
Что я, как слово, лишь произнесен,
Что — чувство я, под стать твоей печали.

Благой совет... Поверь ему вполне,
И улетит тоска твоя по мне.

ОТ РАССВЕТА ДО РАССВЕТА

Все та же песнь пронзит тебя — и вот
Идешь по миру, словно Дон-Кихот.
В твоих словах, пусть горьких для меня,
Расслышать смех — какая мне охота.

Не в том ли суть, что я ему — родня,
И сам иду по следу Дон-Кихота.

И мельниц ветряных не одолев,
Я сам впадаю в странное круженье,
И с суетой сражаюсь, точно лев,
И — попусту: сплошные пораженья!

Но отступить для рыцаря — позор.
И пусть тебе всех этих жертв не надо —
С безвестных пор и до безвестных пор
От черт твоих не оторву я взгляда.

Как Дон-Кихот, у мира на виду
Со старой песней снова я иду.

ТВОЕ ОКНО

Едва растворено твое окно —
Вмиг все слова забыты все равно!

Когда вот так ты взглянешь из окна —
Я твоего уже не встречу взгляда:
Передо мной лишь — синь, голубизна
Да белая — до неба! — колоннада.

И эта белизна и синева
Смятенье чувств в моем рождают теле.
И тяжелеют жгучие слова
И... млеют голубями на панели.

Но нет тебя — и на любой вопрос
Не ошибусь с рассвета до восхода.
И под дождем счастливых буйных слез
Вдруг расцветает вся моя природа.

...Что говорить — я не люблю давно,
Когда твое окно растворено.

ТАК ПЕЛА ГИТАРА

«Увы, любовь на горе мне дана...» —
Так пела под рукой твоей струна.
Сыграй мне этот старенький мотив,
Подхваченный в каком-нибудь подвале,
И, прошлое в напеве уловив,
Его теперь забуду я едва ли.

Сыграй, пока еще горит закат
(А мне ли знать, дождусь ли я рассвета),
Сыграй — пусть хоть на миг заблещет
взгляд
И боль замрет от старого куплета.

Коснись струны, когда душа болит,—
Ведь так велит из дальнего тумана
Не Мехико певучий, не Мадрид,
Так нам велит село родное — Зана.

Коснись струны — что говорит она?
«Увы, любовь на горе мне дана...»

ИЕ МОТИВЫ

Хута БЕРУЛАВА

АВГУСТОВСКИЙ ГРОМ

Огонь небес всю ночь не угасал
И мцхетскую дубраву сотрясал.
Взбешенную Арагви в темноте
Кура к себе звала. Вздымались реки,
И всяк противоречащий воде
Был обречен исчезнуть в ней навеки.

А ты — но это только лишь мечта! —
Качала колыбельку осторожно,
И голос мой летел к тебе с листа,
Но ты о птицах думала тревожно:

А что же с ними, бедными, сейчас,
Нашли ль такое древо, чтоб укрыться?
Щебечут ли, сокрытые от глаз?
И вообще — жива ль еще хоть птица?

И что тебе до грозной темноты:
Ты — лишь о птицах, лишь о птицах — ты...

ИСПОВЕДЬ

Не дам солгать ни сердцу, ни уму:
За что меня ты любишь — не пойму.

Не я ли обижал тебя — да так,
Что шрам на сердце искреннем оставил.
Не я ли, верный раб твой, а не враг,
Тебя немало слез пролить заставил.

А ты была для счастья создана.
Ты всякий раз встречала так открыто!
Твои невзгоды — лишь моя вина:
От бурь в душе до сотрясений быта.

А ты глаза должна закрыть на миг,
Чтоб увидать мой образ, тот, неявный
И этот мой сокрытый в яви лик
Ласкать, ласкать своей улыбкой славной...

Не дам солгать ни сердцу, ни уму:
За что меня ты любишь — не пойму.

НА МОТИВ СТАРЫХ ТБИЛИСЦЕВ

Пора надежд, потом пора утрат,
Пора ночных тбилисских серенад.

Пою в вечерних сумерках — и пусть
Покой твой сохранят напевы эти.
Большая страсть да небольшая грусть —
Вот все, чем я богат на этом свете.

Завистников зловредная толпа,
Немного славы, честная победа
Да собственные голос и тропа —
Вот все, чего я жду от бела света...

Вечерний луч покинул небосклон
И на твоих коленях спит счастливо.
И я опять пришел под твой балкон
Для старого тбилисского мотива.

И всем, что свято, вновь тебя молю:
Я здесь — не убивай любовь мою.

ВЕЧНАЯ ЖАЖДА

Вот говорю отнюдь не как поэт:
Не для тебя ль явился я на свет?

Едва твоей улыбкой обожгло,
О ней одной — и боль моя и жажда.
Ее лишь животворное тепло
И нужно мне, а прочее не важно.

Порой тебя считал я странным сном,
Порой ты мука, а порой — забвенье,
Порой ты цель в пути моем земном,
Порой беда и часто — вдохновенье.

И страсть моя сильна и глубока —
Вот так в Енгури скрыт источник света.
Не надо мне лаврового венка,
Лишь пусть всю жизнь продлится чувство это!

Ты вечное желание мое,
Моя мечта и вместе — бытие.

И ВНОВЬ ТБИЛИССКИЕ СЕРЕНАДЫ

1

Исполнена смущенья и стыда,
Все, все во мне любила ты тогда.
Сама себе создав красивый миф,
Ты сделала его своей иконой,
Пред ней свечою чистой засветив
Не свой покой — так страсть души влюбленной.

Глядела ты, всей веры не тая, —
Простой птенец, с нежнейшим опереньем.
Умна, глупа ли речь была моя —
Все для тебя звучало райским пеньем.

Но тайную соперницу твою
Такое обаянье отличало!
Я как судьбу теперь осознаю
Твоей печальной ревности начало...

Исполнена смущенья и стыда,
Все, все во мне любила ты тогда.

2

Теперь нуждаюсь в мудрости одной
И в далях, распростертых предо мной.

И все — за вдохновение! Но пусть
Оно и выше будет непременно,
Чем это горе горькое, чем грусть,
Чем клич души, возникший сокровенно.

А было ведь достаточно вполне
И малого иным твоим порывам...
Но для чего бежать от мира мне —
Лишь панацею оком жду пытливым.

Чтоб позабыть про всю беспечность сна,
Сменившего работу иль заботу, —
Пусть из Арагви выплеснет волна
И лень мою развеет и дремоту.

Вот я постиг молчание твое.
Где мудрость взять? О, где мне взять ее?

3

Ну вот и лето, лето. Вот оно!
Так что мне этим летом суждено?

Какие беды мне готовит год,
Какой подарок он припас мне к лету?
Небось, письмо ненастное придет —
Как не учесть мне вероятность эту.

Твоих вопросов слышать не хочу.
К чему они, когда лечу высоко?
Ведь и тебе постичь не по плечу
Мечтателями правящего рока...

И в этот раз мне отдыхать не след.
Лишь эхо рощ прибрежных — вот мой отдых.
И десять лет и целых десять лет
Я вижу сон о черноморских водах.

Тебе ж пора — уже зовет вода.
Но вспоминай столицу иногда...

4

Порой гляжу, и помыслы просты:
Ты это или, может быть, не ты?

Ты без меня не ела, не пила,
Осинкой трепетала бессловесной,
Когда над нами молния цвела
И громыхал тот, давний, гром небесный.

Но что обожествленье, что мне в нем,
Коль все прошло (когда — скажи на милость?)
Как в этом сердце маленьком твоем
Любовь с непостоянством уместилась?

Проходишь с гордо вздетой головой —
Не сам ли рок, несущий мне страданье?
— Будь проклята! — твержу я сам не свой,
Но лишь в уме. В душе лишь:
— До свиданья!..

А мысли и печальны и просты:
— О женщина, ты это иль не ты?

5

Когда ты улыбнешься мне, горда, —
Глаза на миг закрою я тогда:
Не видеть красоты, а заодно
Не знать и мук. Давно ли сбросил сеть я?
Уж если мне проклятье суждено,
То от кого дождусь я милосердья?

Когда хоть раз забуду в простоте,
Что ты не явь, а лишь мираж в пустыне —
Вся скорбь моя в печальной наготе
Предстанет вновь, воскресшая отныне.

Когда хоть раз отымешь у меня
Свой гордый взор, мной снова обретенный,
То без тебя уж не прожить и дня —
Прошелестит лишь вздох мой обреченный.

И потому, за ради всех святынь,
Не мучь меня, оставь меня, покинь!

Перевел с грузинского
Юрий РЯШЕНЦЕВ.

ПИСЬМО В МОСКВУ

Георгию Мдивани

Только глаза на мгновенье прикрою —
Вижу опять быстролетную юность.
Ты оставался рядом со мною
В дни, когда горе ко мне прикоснулось.

Ныне тебя отыскала утрата...
Пусть утешенье живительным будет:
Ты для друзей ближе кровного брата,
Верный попутчик бесчисленных судеб!

Знаю, ты с тяжкой потерею этой —
Словно олень в неизбывной кручине.
Трудно. Но родина словом привета
Обогревает любимого сына.

Перевела с грузинского
Татьяна КУЗОВЛЕВА.

ЮРИЙ ПИМЕНОВ

Игорь **ДОЛГОПОЛОВ**

«Он использует свои знания людей и мест, оценку самого себя, свою любовь и ненависть, свои самые сокровенные мысли, свои мимолетные фантазии для того, чтобы собрать их воедино в общую картину жизни».

Сомерсет Моэм.

Запах дождя и горячего асфальта. Аромат фиалок и душное дыхание солярки. Снежная поземка на затемненной улице. Свежесть цветущего сада... Тишина и томление весны. Угар и грохот московского лета. Радость зимнего вечера, синего, синего, манящего теплыми огнями окон. Прелесть осеннего утра, убранного каплями росы. Шелест новых платьев. Цокот каблучков по доскам, перекинутым через лужи... Первые звуки оркестра. Шепот притихшего зала. Пение ветра в лесах новостроек и смех девушек — штукатуров и маляров... Вздох актрисы и колдовской свет рампы. ...Звонок телефона, обещающий разлуку... Весь этот поток звуков, запахов, красок охватывает вас, когда вы входите в мир сложный и простой, полный поэзии и будничности, радостей и печали. Мир трепетного ощущения необыкновенности обыкновенной жизни, дарящий нам каждоминутно, каждодневно все новые открытия — мир творчества художника Юрия Пименова.

...Взбудораженная бульдозерами земля. Сырая рыжая глина. Следы шин. Грязь. Шаткие доски... Мостки. Завтрашняя улица... Ее еще нет. Сегодня она больше напоминает овраг с крутыми откосами. Но новые дома уже выстроились в ряд и явственно наметили перспективу будущего проспекта... Светлый серый день. Неяркий, как гобелен... Только что прошел дождь. Пейзаж будто умыт. Серебряный свежий свет льется с неба. Блестят огромные бетонные трубы, сваленные вдоль пути. Сверкают мокрые доски, по которым легко идет девушка в жемчужно-белом, почти воздушном платье-колокольчике — невеста. Невесомая, стройная... В белоснежных бальных туфельках она храбро идет по корявым, скользким мосткам. Рядом шагает шалый от счастья жених в черной парадной паре. Прижимая к груди букет, бережно поддерживая ее под руку... Запел гудок. Высоко, высоко в небо поднялись руки кранов. Вдали в голубой дымке тянутся к зениту вертикали больших труб... Над ними в сизом мареве плывет еле заметное облачко... Косогор... Детские коляски — желтые, лазоревые, синие. Рядом мамы. Дымит массивный асфальтовый каток, разравнивает черную пастилу асфальта... Спешат, еле поспевают за молодыми друзья, веселые, молодые, нарядные.

«Свадьба на завтрашней улице» — так назвал свой маленький холст Пименов. И это небольшое полотно — бесценное свидетельство. В нем наше время. Без фанфар и прикрас. Вся радуга бытия. Может быть, не всегда устроенного, но полного надежд и веры. По этой улице еще не могла проехать роскошная «Чайка», увитая розовыми и голубыми шелковыми лентами, обвешанная яркими алыми, зелеными, оранжевыми воздушными шариками, с сидящей на блестящем радиаторе куклой в нейлоновом платье. Ведь эта «Чайка» — спутник свадеб наших дней. Картина же Пименова написана в середине шестидесятых годов. И это полотно — именно шестидесятые годы, изображенные точно, свежо... Молодые спешат из загса домой. Они новоселы... Их ждет накрытый стол, песни, крики «горько»... Пляски... Впереди тысяча забот. Не работает лифт. Вероятно, еще долго будут кряхтеть мудрые водопроводчики и газовых дел мастера, доводя до кондиции строптивую технику. Но это все не главное. Ведь впереди жизнь!

Мне на миг показалось, что на меня глядит строгое лицо ценителя искусства, и я услышал слова: «Ведь это полотно — всего лишь репортаж». «Да», — мысленно отвечаю я. «Если хотите, это репортаж на высокую заданную тему: Человек и Завтра!» Средство выражения — станковая картина, написанная тонко, остро, в лучших традициях нашей реалистической школы. Но с теми неуловимыми приметами новой красоты, которые присущи лишь произведениям новаторским... Может быть, оно кажется на первый взгляд слишком простым в своей правде и жизненности. И поэтому, как, впрочем, всякая новация, «Свадьба» Пименова показалась некоторым зрителям почти кощунственной. Кощунственной? Да!.. Ведь, к сожалению, нас еще окружают критики, которые не хотят или не умеют видеть жизнь, и, написав этот небольшой холст, мастер навлек на себя хулу. Его обвинили ни много ни мало в воспевании «поэзии неполадок»... Тут можно было и призадуматься... Но художник работал, работал, работал. Он писал. Так он создал свою замечательную сюиту «Новые кварталы»...

«Свадьба на завтрашней улице»... Я явственно вижу нашего далекого потомка, человека двадцать первого века... Возможно, правнука этой невесты, задумчиво, неотрывно глядящего на холст и угадывающего в чертах пименовской картины ту удивительную эпоху, полную легенд, невероятных трудностей, блистательных взлетов, войн и борьбы, когда складывалась эта его другая, возможно, более счастливая и спокойная и, конечно, более комфортабельная жизнь.

Юрий Пименов любит Москву, ее новь, ее людей. Живописец это свое чувство щедро отдает зрителю. Мастер открывает нам мир, к которому мы привыкли. Ведь каждодневно мы ходим, ездим в метро, на автобусах, на автомашинах и зрим рядом этот интересный, увлекательный, чудесный мир. Но в отличие от детей, не устающих удивляться, многих из нас, закрученных текучкой, давно уже покинула радость удивления, радость новых открытий. В сутолоке занятости, в круговерти будней нам стал казаться привычным, примелькался этот вечно меняющийся, трепетный, прекрасный мир природы... Мы часто говорим — утро, день или ночь... Но всегда ли мы замечаем, сколько бессчетных перемен таят в себе нюансы переходов из одного состояния дня в другое, сколько изумительных сочетаний открывается нашему глазу в острых силуэтах деревьев, домов, архитектурных ансамблей, словно вписанных в воздушную панораму движущихся облаков, феерического света восходов и закатов. Всегда ли мы видим прелесть пейзажа современного большого города? Ведь сколько жизненных коллизий открывает нам эта вечная драматургия обыденности.

Город... Великий волшебник и режиссер. Он показывает нам ежеминутно тысячи никогда не повторяющихся мизансцен, живых, полных движения человеческой души, отражающих все оттенки характеров и положений, от лирической взволнованности юности до суровой уравновешенности старости. Надо только видеть! А это нелегко... Ибо наблюдатель, поэт и художник, живущий в каждом из нас, пока мы бываем детьми, потом, с годами, с превеликим тщанием изгоняется нами самими. И мы в большинстве своем становимся мудрыми скептиками и резонерами, которым не до цветов или закатов... Словом, как это ни грустно, такова логика жизни...

Большие художники и поэты помогают нам как бы вновь обрести это чувство, это состояние юной лирической взбудораженности. Они заставляют нас властью своего искусства понимать всю огромную значимость слов — непреходящее в преходящем. Учат нас замечать и любить прекрасное, столь обильно заключенное в мире, окружающем нас.

Полотна Пименова, полотна-новеллы, таят в себе свежесть неуставшей души художника, тонкость и в то же время широту обобщений. Его холсты помогают нам понимать поэзию прозы. Глубокая интимность пименовских картин — в их истинной несочиненности, в несомненной их жизненности. Мастеру глубоко чужда литературщина в живописи, подменяющая порою художественность пластического выражения. Метафоричность языка Пименова — это цепь открытий длиной в полвека.

— Каждый день нас охватывает поток жизни, — говорит Пименов, — порой он накрывает нас целиком энергией больших событий действительности, порою только задевает тихим краем, мокрой от дождя веткой, розовым облаком в вышине. Все, что встречается за день, огромно и поразительно разнообразно... Душа искусства — тонкая душа, и чем сложнее и умнее будет становиться человек, тем богаче и умнее будет становиться его искусство. Искусство — дело интеллигентное, оно требует не умения ремесленника, а особого, сложного строя души...

Станковая, реалистическая живопись Пименова предельно проста. Рисунок, цвет, композиция ясны. Но это сложная простота.

Простота в искусстве... Мне вспоминается один диалог, записанный еще в прошлом веке.

Однажды американская художница Мэри Кассет сказала великому французскому живописцу Ренуару:

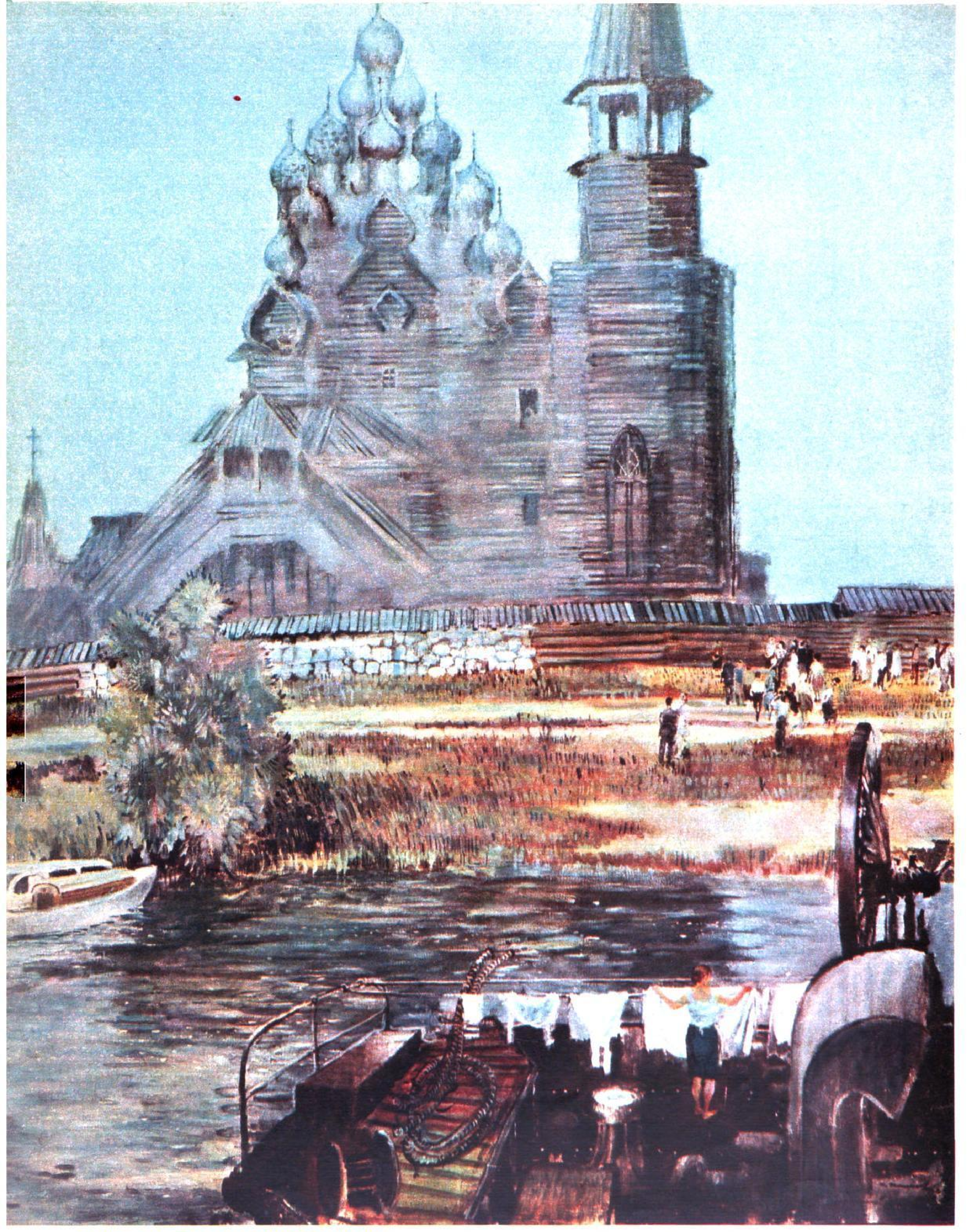
— Одно обстоятельство против вас. Ваша техника слишком проста. Публика этого не любит...

— Ничего, — весело ответил Ренуар, — сложные теории можно придумать позже.

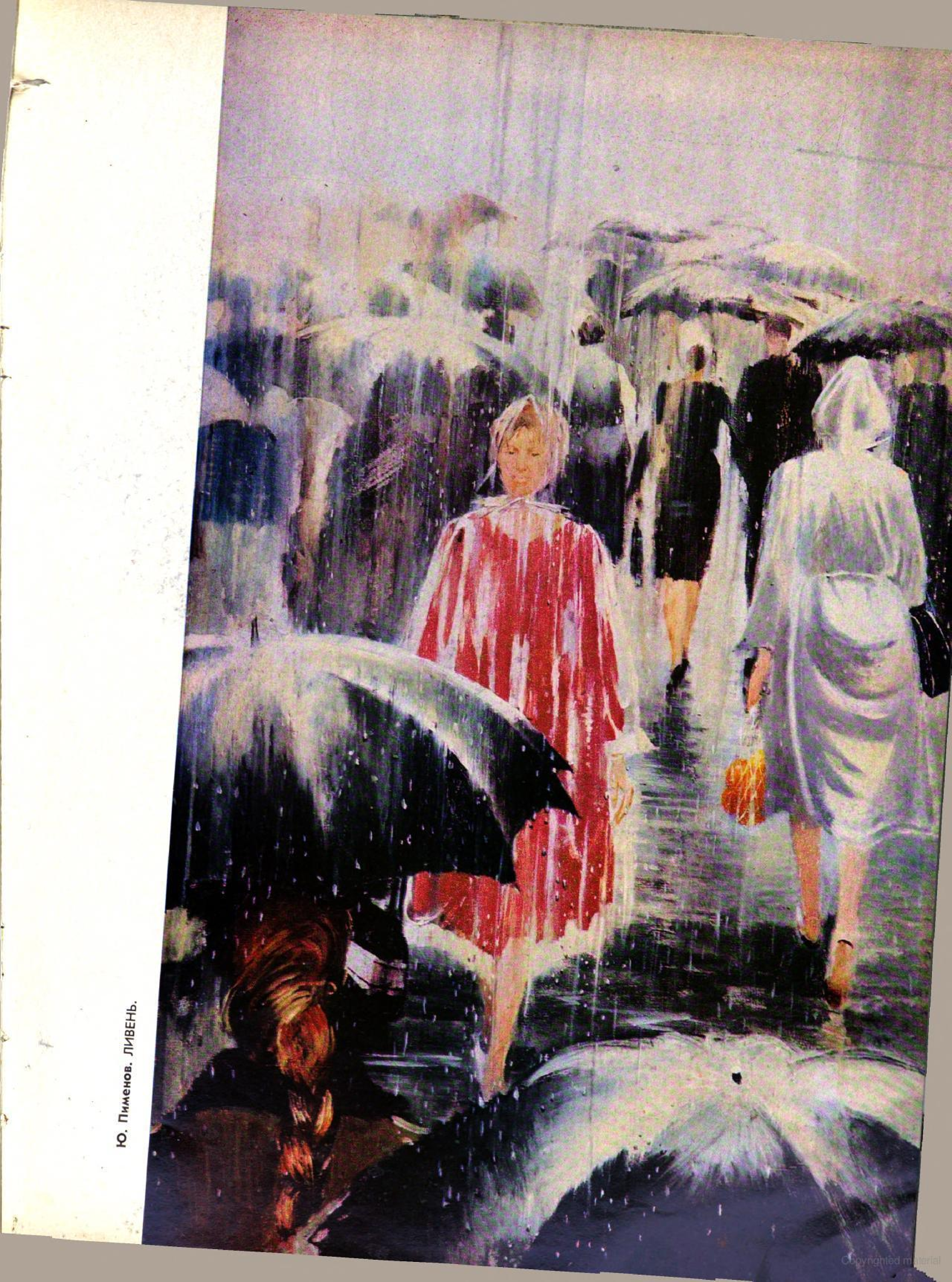
Этот разговор, состоявшийся почти сто лет тому назад, звучит очень современно, потому что и сегодня мы порою принимаем излишне ус-

Ю. Пименов. ЛИРИЧЕСКОЕ НОВОСЕЛЬЕ.

Ю. Пименов. СТАРИННАЯ КРАСОТА. КИЖИ.

Ю. Пименов. ЛИВЕНЬ.

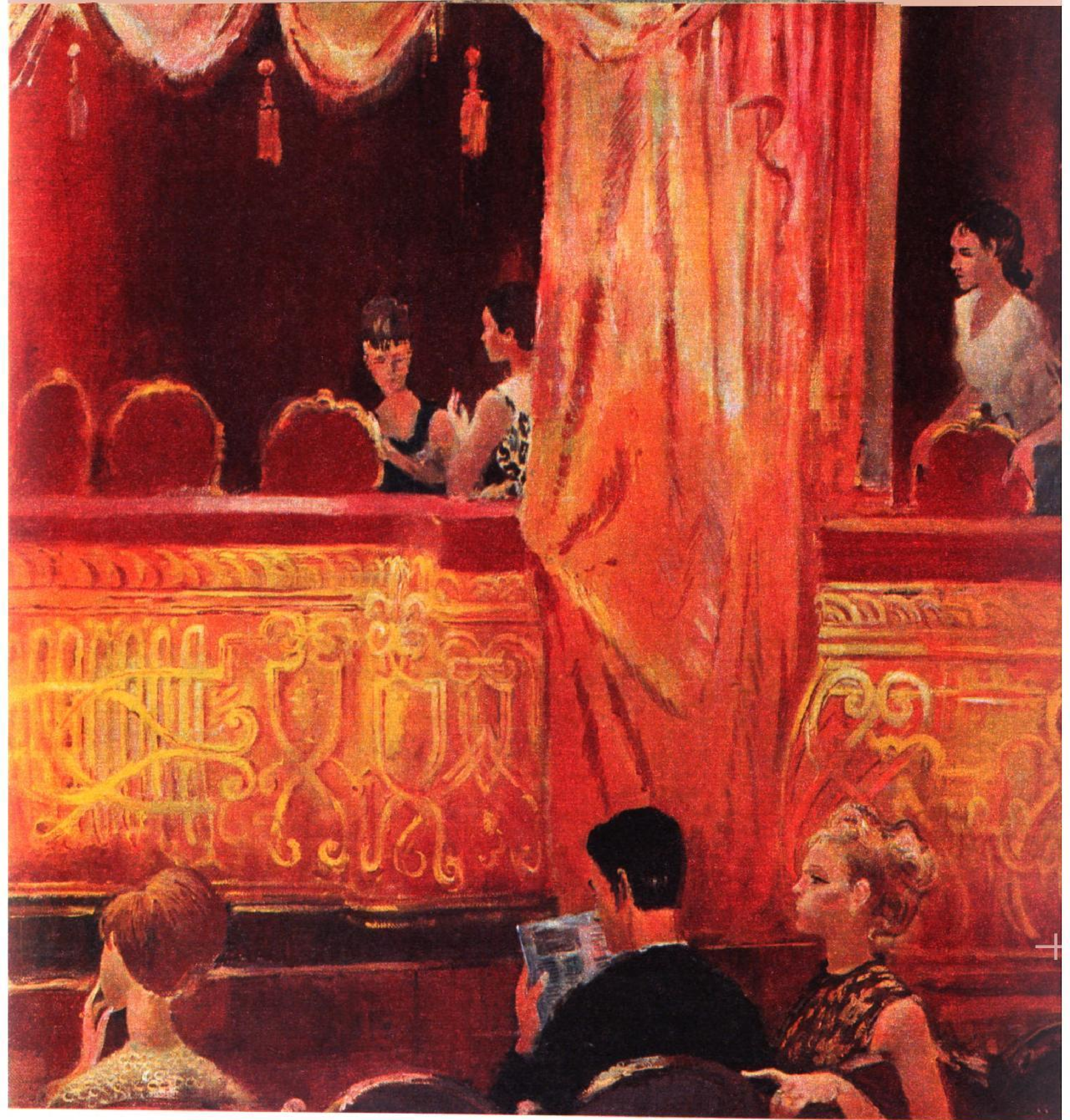
Ю. Пименов. НОВАЯ МОСКВА. 1937.

Государственная Третьяковская галерея

Ю. Пименов. ПАЯЦЫ.

Ю. Пименов. В АНТРАКТЕ.

Ю. Пименов. ПЕРЕД ВЫХОДОМ НА СЦЕНУ.

ложненную, а порою огрубленную форму как выражение сложности и современности стиля в живописи. Думается, что это не совсем так.

Но вернемся к Юрию Пименову, к его биографии, к его творческому пути, пути ровесника века.

Замоскворечье. Ордынка. Звонкий булыжник. Радужно яркие дуги ломовиков. Деревянные флигели. Голуби в весеннем небе. Грачиный грай и скрип телег. Вечерний благовест. Герань в окнах... Быт неспешный. Кружевные занавески. Узорные наличники старых домов. Шумная карусель престольных праздников. Буйство масленицы. Голубые сугробы рождества. Визг полозьев лихачей. Снег, снег, снег. Розовые лица девушек... Кустодиевская матушка Москва. Кряжистые лабазы. Приземистые чайные с шустрыми половыми. Размеренная поступь испокон заведенных обычаев, порядков, порою диких и страшных. Благочиние и чистоган. Богатство и нищета... Русь... Убогая и обильная... Малиновый перезвон колоколов. Грандиозная мишура и сусальная позолота империи. Суровая, жестокая быль рабочих окраин. Рогожская и Пресня... Канун первой революции...

Таков был сложный, сложный, сложный мир, когда в 1903 году в дождливый ноябрьский день родился Юрий, сын Иванов, Пименов. Москвич... Маленькая квартирка. Низкие потолки. Мебель в старинную обивку. Старые часы с боем. Неизменный сверчок. Дремотная тишина.

Юра Пименов, как и все мальчишки, играл в разбойников, ходил в школу, ловил рыбу, дрался, приносил домой двойки. Словом, рос, как и все его сверстники с Ордынки, Якиманки... Может быть, только чаще, чем другие малыши, он ходил к Москве-реке, бродил по Бабьему городку и Каменному мосту, глядел, как плыли в синей воде белые облака, как горели золотые купола соборов Кремля. Он любовался, как первый весенний ливень смывал жухлые краски зимы и как под лучами яростного майского солнца радостно пели и смеялись цвета просыпающейся природы. Паренек любил бродить вечерами по кривым, узким переулкам Замоскворечья, когда косые теплые лучи зажигали горячие колера, и старые особняки с узорными палисадниками и цветущими садиками казались таинственными дворцами, где жили не пузатые дяди и пышнотелые, дебелые тети из пьес Островского и лесковских рассказов, а неведомые прекрасные герои из прочитанных книжек. В ту далекую пору ведь не было ни телевидения, ни радио. Кино только входило в моду. Поэтому все впечатления детства были удивительно первозданно свежи и непередаваемо натуральны. Зато незабываем был тот зимний вечер, когда мальчика впервые повели в оперу. Но об этом позже... Хотя стоило бы задать вопрос, думал ли малыш, что именно ему доведется быть одним из тех волшебников, которые чаруют людей и создают у них в душе вечный праздник театра.

Шло время... Отгремели духовые оркестры четырнадцатого года, когда мальчишки, не понимая трагической сути этого мажора, браво маршировали под пение медных труб... Война пришла вскоре в Замоскворечье. В черных траурных платьях вдов и матерей. Она приковыляла по стертым плитам тротуаров на костылях. На папертях церквей появились калеки... Впервые мальчик увидел вблизи людское горе.

...Грянул Октябрь! Там, за Москвою-рекою, у Кремля, на Красной площади, шли бои, слышна была пальба. Ребята бегали за грузовиками, набитыми до отказа рабочими и солдатами. Горели алые стяги, пунцовые банты. Мальчишки пели новые песни. Город расцвел кумачом лозунгов, плакатов. Новый мир ворвался в тихий омут ордынок.

Жизнь бурлила, кипела вокруг стен десятой московской гимназии, а ныне, после революции, двадцать шестой советской школы. Пименов не ладил с математикой, однако отлично рисовал. Это, как, впрочем, почти всегда в истории искусства, не прошло незамеченным. Учитель рисования Алферов помог мальчику устроиться в Замоскворецкую школу рисования. Гипсы, натюрморты, натура. Это было начало.

Начало... Истоки. Где и когда рождается в душе подростка тот магический кристалл, который позволяет ему потом, с годами, пройдя великий искус труда, видеть всю жизнь, мир по-своему?.. Как и когда пробуждается в сердце будущего художника неутомимое желание рассказать людям о своей любви к прекрасному, добру, о своей неприязни, а может, ненависти к злу и мраку? Кто или что служит импульсом к тому, чтобы забросить все, забыть многое и отдаться до конца тяжкому, нелегкому служению искусству, где любого, даже самого талантливого, ждут всяческие тернии, заботы и тревоги, а порою падения? Ведь, однажды ступив на путь творчества, трудно покинуть его, не сломав всю свою жизнь... Так ответственно и серьезно однажды увидеть по-своему мир и страстно захотеть поведать об этом людям в полотнах или стихах, музыке.

Детство... Запах июльского цветущего луга, напоенного солнцем. Удельное, где семья Пименовых снимала дачу. Пение птиц. Ленивый бег облаков. Деревня Верея. Река Македонка. Прозрачное кружево ветлы, тонкий серп молодого месяца... Поэзия русской природы раскрыла перед мальчиком горизонт видения мира. Он понял тогда музыку пушкинских и некрасовских стихов, тургеневской прозы. В его душу закралось желание оставить на бумаге, на холсте приметы пейзажа, людей. И он рисовал.

Юный Пименов, житель Замоскворечья, естественно, не раз бывал в Третьяковке. Она была рядом... Но не будем подражать авторам, педалирующим на выгодные для развития сюжета коллизии. Мальчик не проводил все свободные часы в галерее. Он был озорной, живой паренек, и у него хватало разных неотложных и крайне важных мальчишеских дел. Но одна из встреч в Третьяковской галерее оставила след на всю жизнь, запомнилась навсегда... Встреча с небольшим, скажем прямо, маленьким полотном, написанным русским мастером Саврасовым,— «Грачи прилетели». Это было словно окно, прорубленное в стене в светлый весенний мир. Мальчик был не только отчаянный шалун, он был еще очень застенчив. И он тщательно скрывал слезы, наворачивавшиеся на глаза, когда он смотрел на саврасовский холст и слышал, да, слышал грачиный грай, журчание талого снега, пение ветра в голых ветвях берез... Паренек всматривался в поверхность полотна, изучал манеру живописца, пытался понять м а г и ю саврасовского гения... Трудно иногда поверить в роль той или иной картины в судьбе художника, но можно сказать с уверенностью, что п р а в д а, и н т и м н о с т ь, душевность саврасовского письма глубоко запали в душу будущего мастера... Потом он не раз копировал картины разных художников, копировал тщательно. Он очень любил пейзажные композиции Левитана, Сомова, Бенуа... Потом пройдут годы, и он обретет новую привязанность, будет пропадать целые дни в Щукинском собрании, любуясь и изучая холсты Ренуара, Дега, Моне. Правда, эта его любовь к импрессионистам ему позже дорого обойдется. Его не раз будут за это попрекать и прорабатывать. Но это будет значительно позже... А пока паренек рисует, пишет, копирует и... мечтает.

И эти мечты привели семнадцатилетнего юношу к известному художнику Сергею Васильевичу Малютину с папкой своих этюдов, рисунков и копий. Мастер поглядел работы и взял его к себе в мастерскую. Так Юра Пименов поступил во ВХУТЕМАС. Это был тысяча девятьсот двадцатый год. Время гордое, ответственное, но нелегкое...

Двадцатые годы... Еще не отсверкали алые буревые сполохи рождения новой России. Трудное, невероятно сложное становление н о в и. Яростное сопротивление старого еще не сломлено. Все эти великие крайности и контрасты борьбы на фоне разрухи, голода, лишений и стали той могучей средой, которая напитала живыми соками молодое искусство Октября, поражающее нас и сегодня свежестью и своими поисками.

Итак, студент ВХУТЕМАСа Юрий Пименов ежедневно пешком отмеривал путь от Замоскворечья до Мясницких ворот. Этот путь давал бесценный материал наблюдений.

Раннее утро. Уныло стоят трамваи. Нет тока. Темно... Серая, промозглая мга. Москва пустынна. Улицы завалены снегом, сугробы. Голодно... Стены домов седые от инея. Квартиры давно не топят. В ходу печки самых невероятных систем — буржуйки, колонки и прочие. Давно сломаны заборы. Доламывают пустые дома. Все идет в печку... Вывески с громкими фамилиями купцов напоминают о старом Замоскворечье. Золотые крендели, подобно флюгерам, скрипят на ветру. А в булочной очередь за хлебом... Трудные годы. Огромным златоголовым сторожем старого высится над Москвой храм Спасителя.

Много, много написано о ВХУТЕМАСе, о его норовистом, замечательном студенчестве, о незабываемых годах становления нашего искусства.

Пименов сам рассказывает о той поре:

— Первые годы ВХУТЕМАСа. Первая встреча на первом курсе с Андреем Гончаровым, с которым мы сразу поругались, а потом уже всю жизнь по сей день дружим, правда, всегда продолжая спорить. В эти молодые годы нам не давали авансов под живопись — и вообще нам за живопись не платили. Мы зарабатывали на нее и работой в газете, в журнале, деланием вывесок и исполнением декораций. Никогда не уйдут из памяти ночи, когда мы с Андреем Гончаровым работали в его большой квартире в старом доме на Мясницкой. В этой же комнате два его младших брата спали по своим кроватям, а мы за большим круглым столом делали в ночь по десятку иллюстраций.

Надо сказать, это были модные теперь «коллажи», этакая смесь из фотомонтажа и рисования.

И так мы, два парня, не мудрствуя лукаво, клеили и рисовали до утра... А утром за окном появлялись первые прохожие, начиналась городская жизнь... Я до сих пор очень люблю этого крупнолицего бравурного Андрюшу Гончарова, талантливого, честного человека, и очень радуюсь его сегодняшнему успеху — результату труда всей его жизни... Но вернемся во ВХУТЕМАС. Это были горячие денечки. Студенты ВХУТЕМАСа шумели в аудитории Политехнического музея на чтении стихов, поддерживая Маяковского и Асеева. Шумели на спектаклях Мейерхольда.. Но не только шумели. Мы познавали мастерство. Я учился у Малютина, Шемякина, Фалилеева и очень благодарен им. Но большее вхутемасовское время я проучился у Фаворского и, может быть, без права, хочу считать себя его учеником... Владимир Андреевич Фаворский был огромный и необычайно светлый человек. Ему присущи высокое благородство, художественность, подлинная человечность.

Первая выставка. Как она порою много значит для судьбы художника. На Первой дискуссионной выставке Объединений Активного Революционного Искусства среди другой вхутемасовской молодежи была представлена группа живописцев с немудреным названием «Группа трех»... Трое. И ведь надо было случиться, что судьба свела вместе на самом первом старте трех наших замечательных мастеров — Александра Дейнеку, Андрея Гончарова и Юрия Пименова, создавших целую главу в становлении нового нашего искусства.

— Саша Дейнека,— вспоминает Пименов.— Нас в ту пору связывала большая дружба, и ведь это было не мудрено. Когда мы смотрим ранние, первые картины Дейнеки, молодость нашего государства и молодость нашего поколения стоят перед глазами. Страна начинала строить свою тяжелую промышленность, горячий воздух деятельности был душой той молодой эпохи. И такой же молодой художник Дейнека с неподдельным увлечением рисовал прозрачные конструкции новых цехов, шлак и шпалы у строящейся железнодорожной ветки, крепких мужиков и баб с многочисленных строек первых пятилеток... Здесь я не могу не вспомнить небольшую комнатку в Лиховом переулке, где жил Саша Дейнека. Где вместо мольберта стоял чемодан. И на чемодане или на диване он писал свои, в общем, лучшие картины, в которых бурлила, кипела новая жизнь... Здесь же, в Лиховом, мы вместе с ним делали эскизы костюмов и декораций к гладковскому «Цементу», который поставила Четвертая студия МХАТа. Правда, декорации с трудом входили на сцену, так как мы в то время не очень здорово рассчитывали габариты и размеры... Незабываемые годы...

Дейнека и Пименов... Это, как мне думается, тема отдельного большого исследования. Тема благодарная, ждущая своего автора. Ведь эти два художника, как, пожалуй, немногие в нашей живописи, сумели глубоко подойти, понять и отразить самое трудное — в р е м я, в котором мы все живем. Каждый по-своему, каждый в присущей ему форме, колорите, композиции. На первых порах они были рядом вместе с Гончаровым, Вильямсом и другими молодыми художниками, вошедшими в

ОСТ — Общество художников-станковистов. Мы хотим подчеркнуть — станковистов... Надо вспомнить, что в двадцатые годы были буйные головы «новаторов», начисто отрицавшие всякую преемственность культуры и всякие традиции, в том числе и станковую живопись.

Вот несколько строк из высказываний этих ниспровергателей:

«Мы не можем новый смысл запирать в катакомбы прошлых вещей. Мы не можем строить ничто на обломках Ярославля и помпейских раскопках, будь они сто раз классичны, прекрасны и священны. Это принадлежит прошлой личности старого смысла. Мы не можем также поступать и во всех искусствах. Образы прошлого, давно угасшие скорлупы существа, идущего к своей целостности. Мы не можем даже их популяризировать, ибо все их сокровенное находится уже в ответах современного смысла и вопроса».

Довольно туманно, но, впрочем, ясно. Образы прошлого, гиганты Рафаэль, Рембрандт, Суриков, Серов — «угасшие скорлупы»... Казалось, куда идти? Но потратим несколько мгновений и прочтем еще один текст:

«Первыми признаками перехода на эту новую плоскость были в самых сейчас свободных искусствах — в живописи и в музыке — сдвиг и преломление реальной формы. И оба эти искусства стоят на ясной и неуклонной дороге к окончательному переходу с плоскости материальной на плоскость отвлеченную, так сказать, с плоскости логики на плоскость алогики. Лучше с завязанными глазами бросить палитрой в холст, бить кулаками или топором по глине или мрамору, сесть на клавиатуру, чем слепо и бездушно быть рабом изношенного трафарета. В первом случае, может быть, случай невольно создает пульсирующее существо — живая мышь лучше мертвого льва».

Подобная «мышиная» философия едва ли требует комментариев. Об этом можно было бы и не вспоминать, если бы наше молодое искусство не подвергалось весьма яростным атакам подобных пророков. Эти энергичные пропагандисты алогики были порою весьма влиятельны и занимали ключевые позиции в изофронте тех дней. И надо было сказать слово самому Владимиру Ильичу Ленину, чтобы поправить вконец заблудившихся деятелей новой «пролетарской культуры». Навсегда в памяти останутся эти слова Ленина:

«Почему нам нужно отворачиваться от истинно прекрасного... только на том основании, что оно «старо»? Почему надо преклоняться перед новым, как перед богом, которому надо покориться только потому, что «это ново»? Бессмыслица, сплошная бессмыслица!»

Аксиома! Предельно ясное логическое построение. Казалось, не требующее доказательства. Но развитие искусства — дело сложное, и чтобы понять и осмыслить даже непреложную истину, нужно было время.

Творческий путь Юрия Пименова тоже был не прост и не однозначен. Искусство молодого художника развивалось, росло, претерпевало ряд изменений. Первые картины Пименова, яркие, острые, сразу заставили о себе говорить. Но самого живописца потом не устраивала открытая, порою несколько схематическая заданность полотен, присущая ОСТу. Его тревожило несовершенство пластики, некоторая холодность, рациональность в своих первых работах. Пименов переживает суровую переоценку своих молодых увлечений. Он вспоминает сам: «Ходлер на первых порах был моим божеством, которое я позже возненавидел...» Этот процесс переосмысливания был нелегок и порою мучителен. Вот что рассказывает сам художник об этой поре:

— 1932—1933 годы... Это было мое трудное время. У меня расползлись нервы, я совсем не мог работать. К тому же меня постигли и профессиональные беды: одну книжку, которую я иллюстрировал, за рисунки признали формалистической, и я оказался без денег и без работы, так как после этой книжки работы в журналах мне не давали, и мы существовали на те деньги, которые стенографией зарабатывала моя жена. Моя депрессия затянулась,— я совсем перестал работать и для себя, мы жили в это время очень одиноко, друзья моих совсем молодых лет отошли от меня, они даже перестали мне и звонить,— я понимал их,— они были молоды, в расцвете жизненного азарта, в обаянии первых настоящих профессиональных успехов, в водовороте в общем веселой жизни,— и мои внешне минорные настроения были им не по душе. Я говорю «внешне», потому что состояние мое тогда было сложнее такого простого определения. Говоря словами Диккенса, «это было худшее из времен, это было лучшее из времен, это были годы отчаяния, это были годы надежды». Стараясь выйти из своего трудного состояния, слушаясь советов врачей и некоторых новых друзей, которых я приобрел,— а смысл их советов был в том, чтобы быть в жизни и пробовать подходить к работе, я начал бродить, уезжая на пригородных поездах подальше от Москвы... Я уезжал на целый день, очень далеко, ложился в густую траву, полную своих шорохов, своей жизни. В воздухе жужжали пчелы, высоко в небе стояли белые июльские облака. Я открывал прекрасные для себя маленькие речки с узкими деревянными мостами, с мостками для стирки белья,— речки, к которым подходили совсем небольшие деревни, где старые ивы опускались к воде и где на берегах с криками купались загорелые, коричневые ребята и розовые, молодые бабы.

Я возвращался вечерами поздно. Мне навстречу шли люди с поездов, они были утомлены своими днями и спешили в свои дома,— где, вероятно, их ждали семьи, холодное молоко из погреба, горячая картошка с плиты.

Я жил тогда с острым ощущением счастья, открывающегося мне теплого, живого мира, который вытеснял постепенно и подавленность состояния и те умозрительные, придуманные схемы, которыми я пользовался раньше как художник. И у меня поднималось желание работать, желание писать и писать прямо с натуры, с живой натуры, которая так богато, тонко и прекрасно существовала вокруг.

Слушая этот рассказ Юрия Ивановича, я невольно вспоминал его же рассказы об Удельном, реке Македонке, о его первом знакомстве с русской природой. С тех пор прошло почти двадцать лет... И снова и снова природа, натура открывала, как и тогда еще юному Пименову, и сегодня уже сложившемуся мастеру новые горизонты для познавания мира и живописи!

И тут мне вспоминаются мудрые слова Ренуара: «Мы родимся, не зная ничего. В нас лишь множество возможностей. Однако открыть их — нелегкое дело! Мне понадобилось двадцать лет, чтобы открыть живопись. Пришлось двадцать лет наблюдать натуру и главное — посещать Лувр...»

Тридцатые годы... Москва. Центр столицы в лесах. На месте двухэтажных домишек Охотного ряда кипит стройка... Москву-реку не узнать — одевают в гранит берега. Возводят новые мосты... На улицах города чад. Дым, угар... Кладут асфальт, заливают древнюю булыгу. Ломают старое... Снесли Сухаревскую башню, Страстной монастырь. Сгоряча порубили столетние липы на Садовом кольце... Начали стройку метро. На улицах — веселые молодые ребята и девчата в касках, в комбинезонах, перепачканные рыжей глиной,— метростроевцы. Расширяют улицы. Двигают дома... Город меняется на глазах.

1937 год... Москвич Пименов пишет программный холст, в котором раскрывает перед зрителем новый пейзаж столицы — «Новая Москва». ...Летний день. Жара. В сизом мареве тают новые дома Охотного ряда... Сегодня, когда двадцатиэтажных махин в Москве десятки, эти первые стройки тех лет кажутся, может быть, небольшими. Но в те далекие дни реконструкция Охотного была символом московской нови. Навеки сгинули лабазы и лавки и уступили место белым зданиям, вызывавшим чувство гордости у тогдашних москвичей.

«Новая Москва»... Широко открытое окно в жизнь... Легко бежит машина по асфальту площади Свердлова. Пестрый калейдоскоп людской толпы, верениц машин разворачивается перед глазами водителя — молодой женщины с короткой прической (как видите, моды через треть века вернулись на круги своя), в легком летнем платье. Во всем полотне Пименова разлито чувство увлеченности жизнью. Оно в цветах гвоздики, пунцовой и белой, прикрепленной к раме ветрового стекла. В блеске асфальта и в трепете алых флажков на Колонном зале Дома Союзов. В бликах солнца, играющих на полированных кузовах автомобилей, и в пестрой мозаике толпы пешеходов... Тайна очарования пименовского полотна в движении, которое пронизывает каждый мазок в картине. Правда, этот дробный импрессионистический мазок вызвал гнев у некоторых искусствоведов, считавших в ту пору художников типа Ренуара или Дега формалистами. Но, думается, едва ли стоит ворошить эти ошибки критиков, которым свойственно порою заблуждаться, как, впрочем, всем смертным... Итак, перед нами «Новая Москва» — картина, ставшая хрестоматийной, она экспонирована в Третьяковской галерее рядом с другими полотнами Пименова. Кстати, работы Пименова в Третьяковке — рядом с работами Дейнеки, в одном и том же зале... Так через пятьдесят лет после первой выставки вновь эти два мастера экспонируются рядом, плечом к плечу... Эти два замечательных певца нашего времени.

Жизнь Пименова-художника, ровесника нашего века, непроста. Немало испытаний предложила ему судьба. Одним из самых суровых испытаний, которые пережил Юрий Иванович, были годы Великой Отечественной войны. Послушаем, что рассказывает сам художник о тех незабываемых днях:

— В памяти остается большое и малое. Я прекрасно помню тот подъем, который переживала наша молодежь в первые пятилетки—среди разрытой земли, строительных лесов и горячих стихов Маяковского... Я очень хорошо помню и пронизывающий холод военных московских квартир, где я писал картины на кухне, привязывая их к рукомойнику,— там удавалось иногда дотопить до четырех-пяти градусов тепла. Мы с моим другом Владимиром Васильевым писали декорации в единственном тогда Московском театре драмы, и клеевая краска замерзала на кистях. Я помню, как в эти же голодные годы в деревне мой сын, тогда еще совсем маленький, смотрел на картошку, которую выкапывали женщины на полях... Я помню, наконец, проливной дождь на старой московской улице Ордынке, и бесконечные толпы людей, и танки, выходящие с Красной площади в День парада Победы, и слезы на лицах, смешанные с дождем... И сразу перед моими глазами возникает сорок третий... Северо-Западный фронт. Разбитая станция Бологое... Прифронтовая дорога, уложенная для прохода машин бревнами. Уничтоженная станция Пола. Лунная ночь. Поезд под бомбежкой. Это все забыть нельзя. И наш сегодняшний день понимается глубже через наплыв обожженных фронтовых картин.

Юрий Пименов в дни войны написал полотна, в которых выразил тяжесть и тревогу московских будней той поры.

«Ночная улица»... Метет поземка... 1942 год. Затемнение... Из морозного мрака холодными призраками выступают мертвые громады домов. Ветер воет в немом просторе оледенелой улицы. Железная щетина «ежей»... Вьюга рвет брезент с грузовика, мчащегося во тьму... Шевелит пряди волос, концы платка у женщины, идущей по ночной Москве. Неверный синий свет озаряет суровое, словно застывшее лицо. Кто она? Куда идет в эту глухую пору? Мы не знаем. Знаем только, что ночные пропуска давали по работе. И она, эта женщина, наверное, идет со смены. В ее лице решимость выстоять военную вахту. Заменить мужа, брата, победить. Железный строй «ежей», сквозь который как бы проходит женщина, подчеркивает суровый ритм холста.

— Я помню, как в военное время,— говорит Пименов,— электричка вылетала с вокзала во время тревоги, как кругом выло, трещало, шумело, и какой поразительно тихой казалась природа, когда сойдешь с этой электрички. Тогда окрестности Москвы, вся придорожная земля вокруг была перекопана под огороды... Потом, после войны, этот пейзаж был в переменах и в движении — то он был завален штабелями кирпича и бетонными трубами, то покрыт первыми этажами строящихся домов. Потом домами, готовыми и заселенными, с пустой, утрамбованной землей вокруг, где были рассованы тоненькие саженцы молодых деревьев. Потом между домами легли асфальтовые дороги...

Я знаю, что архитектура этих новых мест, мягко говоря, простовата и совсем далека от того, что носит название художественность, но я вы-

рос в старом городе, который задыхался от тесноты общих квартир, от общих кухонь, где чад, жар и раздражение стояли в воздухе, поэтому я с добрым чувством смотрю на эти однообразные белые дома: они дали отдых многим людям, приблизили их к светлой, просторной жизни.

Есть мудрые слова, что человек должен в жизни посадить дерево, родить ребенка, построить дом и написать книгу.

Пименов написал сюиту «Новые кварталы».

Картины Пименова — это проникновенные рассказы о наших днях. Они плод неустанных наблюдений и труда. Знание натуры, изучение природы — непреложный закон искусства Пименова.

— Художник без натуры,— говорит Юрий Иванович,— без модели — бедный, обездоленный человек, нищий перед богатой витриной, у которого нет денег, чтобы купить, и, главное, нет рук, чтобы взять. Все сделанное без натуры, не пропущенное через натуру, не увиденное в натуре, становится всегда суррогатом, неким вымороженным, обескровленным и пересушенным образом.

...Дождь. Любимый мотив пейзажей Пименова... Ведь дождь сам по себе великий художник, превращающий самый банальный городской пейзаж в симфонию свежих, поющих согласно красок...

Капли дождя трепещут на лице куда-то бегущей девушки, они блестят на стеклах мчащихся автомобилей, сверкают на листьях деревьев, на букетах цветов в руках у промокших влюбленных... Дождь превращает уличный асфальт, витрины магазинов, окна домов в одно огромное зеркало, в гранях которого пляшут багровые, бирюзовые, фиолетовые влажные факелы реклам, зеленые, желтые, красные огни светофоров, то бледно-лиловый, то золотисто-желтый свет фонарей... Нет, поистине дождь — колдун... Ведь это он способен мгновенно превращать современную улицу второй половины двадцатого века в некое подобие готической архаики. Взгляните на пейзаж Пименова «Ливень», и вас поразит стройная тектоника фигур, укутанных в плащи с капюшонами, чеканный строй бесчисленных остроугольных зонтов и, главное, тот удлиненный, стремящийся ввысь ритм форм и силуэтов, столь свойственных готике. Но это нисколько не значит, что художник не увидел сегодня. Нет, думается, что лирический камертон видения мастера просто необычайно остро и точно фиксирует мир и с юношеской свежестью заставляет нас воспринимать эти свои ощущения...

«Лирическое новоселье»... Двое... Ночь. Тишина. За черной пропастью окон — город. Огромный, бессонный. В бескрайней ночной пустоте — огни. Глаза домов. Живые, трепетные, как судьбы людей... Вздох. Невнятные слова. Поцелуй... Горит яркий свет новоселья. Голая, пустынная квартира. Включены все лампочки, без люстр, без абажуров. Они горят яростно, эти добрые светильники начинающейся новой жизни. Их свет беспощаден. Он обнажает каждую щербинку на кафеле, каждую царапину на обоях, каждую раннюю морщинку — след забот.

В пустой, новой квартире — двое. Друзья ушли... Кажется, далеко позади тревоги, ожидания. Позабыты вмиг глаза свидетелей и участников треволнений. Глаза порою равнодушные, а порою просто усталые... Но не забудется никогда ломкий шорох листка ордера. Зеленый желанный глазок такси. Объятия друзей... В ушах еще звучат слова: «Да положите, черти, бумагу на пол, ведь сейчас все затопчете». И другой — женский, мечтательный голос: «Эх, кошку бы пустить сюда, да где ее взять, кошку-то?»... Свалены в кучу чемоданы. Книги, книги, книги. Походный котелок — свидетель походов и летних работ... Мебели нет... Ни стола... ни стула... Мерно звучит капель в ванной. Новый кран отсчитывает время.

— Я люблю эти новые кварталы,— говорит Пименов.— В их незаконченности, даже в их неполадках живет м о л о д а я д у ш а н о в и з н ы... Новые города, районы и кварталы рождают свою особенную поэзию, свой особенный характер жизни с того времени, когда на новом месте начинают разворачивать землю, на строительных площадках появляется медленное и неуклонное движение огромных кранов... Простая, обычная и прекрасная картина созидания, картина человеческого труда... Сколько потом разной жизни приходит в эти дома — смех и плач детей, усталые шаги после работы, утренняя глазунья на сковородке, пестрый букет полевых цветов на фоне чистой, голубоватой стены! Эти новые комнаты знают уже хорошие детские игрушки, модную обувь и нарядные платья, поездки в старинные театры и в новые кино... Жители этих домов знают и еще не подведенный газ и не налаженное отопление, еще не открытые магазины и еще не работающие лифты. Но эти дома н е з н а ю т ночных бомбежек, не знают накрест заклеенных бумагой окон, замороженных комнат, обвалившихся от близких разрывов потолков,— они не знают войны и страха, и дай бог им никогда их не узнать...

Лира Пименова человечна. Художник доброжелателен. Его сердце и душа живописца не устали удивляться. Мастеру присуща любовь к разработке сюит. Он любит музыку, особенно «Болеро» Равеля... Его чарует ритм повторов и сложный мелодический строй этого композитора. Но одна из самых больших, многолетних привязанностей, увлечений живописца — это, безусловно, театр!

— Театр! Это праздник! — рассказывает Пименов.— Помню, как мальчишкой впервые попал в оперу. Помню синие сугробы у белых колонн Большого театра. Оранжевый свет узорных фонарей. Скрип полозьев саней у парадной лестницы. Снег... Московский. Пушистый, ласковый. Румяные, счастливые лица людей. Никогда не забуду это ощущение праздника с первых шагов по ступеням. Огромную дверь. Сверкающие, слепящие огни фойе. Аромат духов. Неясный говор, приглушенный смех. Атмосферу ожидания чего-то необычного, волнующего. Вспоминаю свое отражение в большом зеркале рядом с нарядными дамами, поправляющими свои прически, оглядывающими туалеты своих соседок. Вспоминаю, как замирало сердце, когда медленно гас свет в зале, и как мерцание золота лож и трепетное сияние люстр сливались с затихающими звуками скрипок в оркестре. Разве можно забыть ослепительный занавес, эту волшебную стену, отделяющую тебя и всех зрителей от таинственного мира сцены... Я почти не знаю таких людей, которые не были бы взволнованы атмосферой театра. Я видел это много раз, и всегда мне хочется видеть еще и еще, пусть это волшебство зрелища происходит и не бог весть в каком театре, но все равно тайна театра остается... Прошло почти сорок лет с той поры, когда в тридцать шестом году мы с женой переехали в дом на Масловку — он один стоял среди грязных улиц и старых деревянных домов, он был архитектурно достаточно нелеп, но нам он казался прекрасным. У нас, как и у всех тогда, почти не было вещей, особенно мебели. Квартиры к тому же были холодными, и в наших совершенно пустых комнатах горели электрические рефлекторы и стоял огромный макетный ящик, в котором мы делали макет «Любови Яровой» для переехавшего в Ростов театра Завадского. И вот тогда театр уже окончательно околдовал меня. Потом мне пришлось довольно много работать в качестве художника в разных театрах. Я узнал этот необыкновенный и незнакомый для зрителя мир, так сказать, изнутри, он был моим «производственным местом», я принимал посильное участие в той работе, результатом которой является спектакль. Мне это было очень интересно, я знакомился с тем, как живопись эскиза переходит в большой размер сцены, как свет освещает и меняет расписанный холст, как бутафорские материалы на сцене становятся драгоценными и как спектакль, собранный по частям из разных цехов, от разных мастеров, превращается в нечто единое и цельное. Я делал это всегда с удовольствием, но самым дорогим для меня стало узнавание и открытие этого мира зрелищ в его не внешней сценической жизни, а в обычном, каждодневном рабочем состоянии. Этот мир оказался необыкновенно увлекательным: душа зрелища как-то приблизилась и раскрылась, стали понятны механизмы многих тайн, но очарование осталось. Оно только обернулось более теплой, более интимной стороной. И это было мне очень интересно, не менее, если не более, чем то, что я видел из зрительного зала... Надо всячески беречь эту зрелищную колдовскую притягательность театра, выработанную вековым опытом... Конечно, театральные декорации, построенные на иллюзии, на имитации реальности, не кажутся мне ни интересными, ни живыми. Но тот, увы, очень стандартный и обезличенный тип существующих сейчас в массе оформлений спектаклей мне представляется таким же бесперспективным. А ведь есть у нас прекрасные традиции театральной декорации, традиции Головина, Кустодиева, костюмов Бакста, занавесей Сомова и более близких к нам — Вильямса, Шифрина. И мне кажется, наконец и сейчас сквозь однообразие скучных оформлений начинают опять появляться декорации, построенные на образной изобразительности... Мне хотелось бы сказать несколько добрых слов в защиту... занавеса. Театр сейчас почти отменил занавес, свою таинственную границу между сценой и зрительным залом, заменив ее так же заманчивой для зрителя темной пустотой сцены. С занавесями из театра уходят в большей мере изобразительность и образность спектакля, его нарядность и часть его красоты, да и особенная дополнительная содержательность тоже. Какими великолепными явлениями были занавеси Врубеля, Сомова! Они и сейчас в эскизах смотрятся настоящими драгоценностями. Я думаю, что отсутствие такого прекрасного и сильного средства в спектакле будет временным и театральный занавес во всей силе опять появится в театре... С каждой новой работой в театре я вновь и вновь ощущал счастье от прикосновения к этому вечному источнику радости...

— Есть еще одна, очень важная тонкость в моих отношениях с театром,— сказал Пименов,— ведь именно театр давал мне много работы в ту, теперь уже давнюю пору, когда моя живопись «не шла», когда меня прорабатывали за «импрессионистичность» и обвиняли в каких-то тысячах несуществующих формалистических грехов... И вот тогда театр просто помогал мне жить. Но, кроме того, что это был хлеб мой насущный, это была и моя любовь.

...Так родилась большая и прекрасная сюита Пименова «Таинственный мир зрелищ»... Вот всего лишь один из холстов в этой серии.

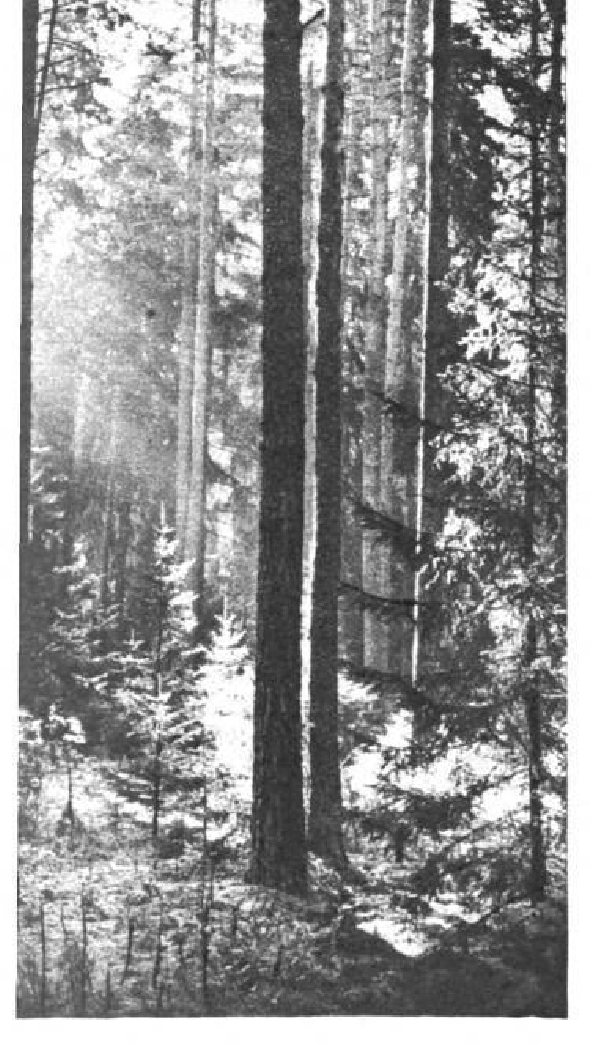
...«Перед выходом на сцену»... Актриса... Театральная уборная... Простые серые стены. Обыкновенная небольшая комната. Тройное зеркало отражает бледное лицо, высокую прическу, строгое черное платье... Тишина... Еще час тому назад был шумный автобус. Толкотня. Чей-то смех. Обрывки разговоров. Улица. Дождь. Город. Где-то далеко дом. Заботы... Все то, что коротко называется буднями... Еще минута — и перед актрисой встанет черная пропасть зрительного зала. Она шагнет из этой комнатки в волшебный мир сцены. Мир, полный тайны, колдовства, счастья и трагедии, слез и смеха... Пристально глядят глаза молодой женщины в большое зеркало. Руки покоятся на коленях... Маленькие, сильные руки... О чем думает она?..

Художнику удалось передать это сложное состояние остраненности, сосредоточенности и перевоплощения. Того высокого и сложного духовного напряжения, которого требует искусство. Того чувства самоотдачи, служения людям, которое свойственно настоящим художникам.

* * *

Ренуар говорил: «Нужно бродить и мечтать. Работаешь больше всего тогда, когда ничего не делаешь. Прежде чем разжечь печь, надо положить в нее дров». Чтобы сразу отвести все сомнения в том, что великий французский живописец проповедует праздность (а есть у нас такие строгие читатели), позволю себе продолжить цитирование Ренуара: «Загвоздка в том, что едва художник узнает, что он гений, он пропал! Спасение в том, чтобы работать, как рабочий, и не зазнаваться». Читая эти мысли художника, ощущаешь весь галльский юмор мастера. Ведь кто, как не Ренуар, проживший долгую-долгую и не самую легкую жизнь, многое повидал, и на его глазах не раз восходили фальшивые светила и блистали бенгальские огни пустоцветов, и он-то знал цену успехов таких мастеров, как Мане, Дега или Сезанн... Это был труд, труд и труд...

Умение бродить и мечтать, а главное, работать, как рабочий, чрезвычайно присуще Пименову. Зайдите в его мастерскую, и вы наверняка увидите на его мольберте н о в ы й х о л с т, и в нем — всегда молодая душа мастера.

ИНТЕРВЬЮ «ОГОНЬКА»

Брянский лес...

Новый Брянск.

Сталевар Бежицкого сталелитейного завода, Герой Социалистического Труда Петр Павлович Карзанов.

Фото Н. РОМАНОВА.

М. К. КРАХМАЛЕВ,
первый секретарь Брянского обкома КПСС

ТРИД

На карте Брянский край напоминает лист клена. Простое это совпадение символично: Брянщина — край лесов. Тихо сейчас в них. Разве что хрустнет ветка под ногой крадущегося к добыче охотника да прострочит дробь-очередь дятел.

Да еще в глубине леса, на мемориальной поляне, будто пробиваясь из земных глубин, шелестит под ветром окаймленное гранитом негасимое пламя партизанского костра.

Кажется, что зарево от него дрожит над всем лесом. Огнем, взятым от этого костра, были разожжены сотни других костров. Нынешней осенью у них собирались в один круг ветераны и молодежь. Потому что осень эта не простая. Тридцать лет назад, осенью же, Советская Армия освободила Брянскую область от немецко-фашистских захватчиков...

Наши специальные корреспонденты — бывший партизан Герой Советского Союза Владимир Павлов и журналист Владимир Васенков приехали на Партизанскую поляну вместе с членом ЦК КПСС, первым секретарем Брянского обкома партии МИХАИЛОМ КОНСТАНТИНОВИЧЕМ КРАХМАЛЕВЫМ. Разговор шел о нынешней осени на Брянщине, о ее приметах...

— Нынче осень действительно оправдывает данную ей народом примету — семь погод на дворе: сеет, веет, крутит, мутит, сверху льет,— говорил Михаил Константинович.— Но труженики брянской земли не пожалели сил, чтобы вырастить и собрать большой урожай. Вдохновением, поиском, подъемом примечателен и труд многочисленного рабочего класса Брянщины. И это понятно. Осень, как говорят,— вечер года, его итог. А ведь нынешний год особенный — и юбилей освобождения и решающий год пятилетки.

Секретарь обкома подвел нас к карте области, высеченной на гранитной плите. На ней нанесены районы наиболее активных боевых действий партизан, их стоянки, места расположения подпольных окружкомов и райкомов партии и комсомола, аэродромы в тылу врага, «малые советские земли».

— Тут, я думаю, мы и начнем наш экскурс в историю. Знаете, мне кажется, здесь легче говорить и об истории нашей области и о нынешнем ее дне. Ведь без прошлого нет настоящего... Спросите у любого человека, в каком бы уголке нашей необъятной земли он ни жил: «Что такое Брянщина?» Вам непременно ответят: «Как же, партизанский край!» И это действительно так. Но я хочу начать не с рассказа о боевых делах партизан и подпольщиков, а с той огромной работы, которую провели партийные организации Брянщины в первые месяцы войны.

В Красную Армию область проводила более двухсот тысяч лучших своих сынов. Тогда же из наших земляков сформировалась 331-я Брянская пролетарская стрелковая дивизия, которая прошла славный боевой путь от Москвы до Праги. В первые дни войны ушли на фронт построенные на Брянском машиностроительном заводе шестой дивизион бронепоездов и особый бронепоезд «За Родину». Весь его экипаж составляли добровольцы — коммунисты и комсомольцы предприятия.

Если вам доводилось ездить по автостраде Брянск—Смоленск, вы, наверное, обращали внимание на старые доты, обелиски, поднятую на гранитный постамент противотанковую пушку. Тут пролегала одна из наиболее укрепленных линий обороны Москвы. В июле, августе и сентябре сорок первого этот рубеж возводили более 130 тысяч человек. Они вырыли 570 километров противотанковых рвов и эскарпов, оборудовали 1 650 пулеметных гнезд, построили около 500 дотов и дзотов. На этих позициях героически сражались войска Брянского фронта. Два месяца враг не мог взять Брянск — этот «необходимый трамплин для прыжка на Москву», как выразился гитлеровский генерал Гудериан.

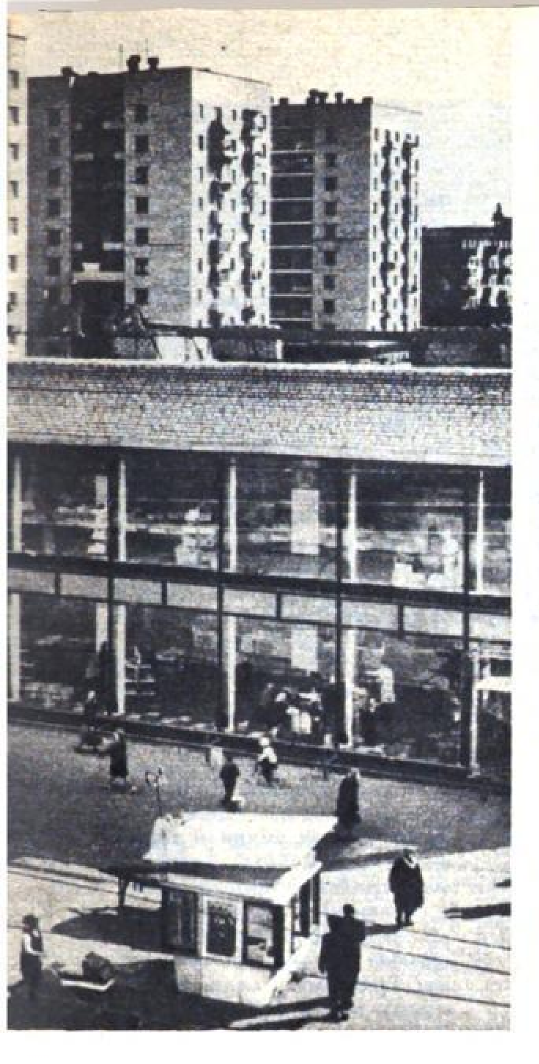
Пока шли бои на Десне, коммунисты готовили всенародную, беспощадную войну с захватчиками в их тылу. Уже в июле был сформирован первый партизанский отряд «За Родину», а к концу сентября, перед оккупацией области, таких отрядов насчитывалось более двух десятков. Их командирами и комиссарами стали бывшие секретари райкомов и горкомов партии Д. Е. Кравцов, А. Ф. Семенов, Н. С. Паничев, А. И. Петушков, А. Д. Бондаренко, Г. С. Куприн, М. П. Ромашин, А. В. Суслин и другие. Видите, на карте помечено: в Брянских лесах, которые в народе по праву называют партизанскими, действовало около шестидесяти тысяч патриотов. О том, какую силу они представляли, свидетельствует хотя бы одна из директив коменданта немецкого тылового района, изданная в мае 1942 года. «В тылу наших войск, ведущих на передовой линии упорные оборонительные бои,— говорилось в директиве,— образовался второй вражеский фронт из партизан... Этот фронт является серьезной опасностью для тылового района армии».

Видите, на карте обозначено, что бойцы этого партизанского фронта к середине мая сорок второго года освободили около полутысячи городов и сел с населением в двести тысяч человек. Дятьковский, Навлинский, Суземский и некоторые другие районы области почти полностью были советскими. Во вражеском тылу действовали все органы нашей власти и ее учреждения: райисполкомы, сельсоветы, колхозы, школы, больницы, библиотеки, сберкассы...

Мемориал, который вы видите здесь, на Партизанской поляне, представляет собой величественный памятник. Но он еще не завершен. Сейчас скульпторы и архитекторы думают над тем, как дополнить его так, чтобы отразить и тему интернациональной борьбы. В Брянских лесах сражались с общим врагом — фашизмом — представители двадцати восьми национальностей. Читатели, видимо, помнят книгу О. Горчакова «Вызываем огонь на себя» и кинофильм того же названия о советско-чешско-польском интернациональном подполье, связанном с партизанской бригадой Федора Семеновича Данченкова. На брянской земле могила замечательного сына испанского народа коммуниста Леонардо Гарсиа, который был заместителем командира партизанского отряда по разведке. В Брянских лесах воевали интернационалисты из Венгрии, Польши, Германии, Болгарии, Румынии.

Сила партизанской борьбы, ее размах и накал определялись коммунистами. Подпольно действовало два городских и 18 сельских райкомов партии, 16 райкомов комсомола. За два года уничтожено свыше ста тысяч вражеских солдат и офицеров, сожжены и взорваны сотни танков, бронемашин, самолетов и воинских эшелонов...

Слышали такую деревню — Хацунь? Родная сестра белорусской Хатыни... Можно сказать, даже старшая ее сестра на Брянщине. Хацунь со всеми жителями гитле-

ЦАТАЯ ОСЕНЬ

ровцы сожгли в октябре сорок первого.

Всему миру известны стертые с лица земли Орадур и Лидице. На Брянщине таких селений сотни! Гитлеровцы убили, замучили и угнали в рабство более четверти миллиона человек. Все, буквально все было разрушено. Осень сорок третьего года — это черные трубы на пожарищах да щебень и бурьян на месте городов. Просто невозможно представить, сколько потребовалось труда, ума, любви, чтобы выжженную, обугленную землю возродить к радостной и полнокровной жизни! Ныне наши заводы и фабрики по сравнению с довоенным годом дают продукции в десять раз больше, а выпуск изделий машиностроения и металлообработки возрос в тридцать с лишним раз. Судовые дизели и маневровые тепловозы, автомобили, автогрейдеры и бульдозеры, роторные экскаваторы и автокраны, дорожно-строительная, ирригационная и сельскохозяйственная техника, станки и литье, цемент и оконное стекло, ткани, хрусталь и трикотаж — все это делается на брянской земле.

В этом сказалась сила нашего государственного строя, сила духа советского человека. Каждый брянский школьник наизусть знает слова, сказанные уроженцем небольшого рабочего поселка Любохна танкистом Александром Алексеевичем Головачевым. Это слова-клятва: «Я был всегда там, где жарко. Семь раз уже ранен, а ран на моем теле всего одиннадцать. Если у меня не будет рук — буду идти вперед и грызть врага зубами. Не будет ног — стану ползти и душить его. Не будет глаз — заставлю вести себя. Но пока враг в России — с фронта не уйду!»

Замечательные слова! Они подтверждены исключительными делами этого человека: за свои подвиги Александр Головачев дважды удостоен звания Героя Советского Союза.

— Но то же была война, исключительный момент в жизни общества и каждого человека!

— Пусть так. Но вот вам другой пример. В колхозе «Восход», в Климовском районе, есть тракторист Петр Семенович Шкляр. После войны, мальчишкой, он тяжело заболел, потерял ногу, стал инвалидом. Но Петр с детства мечтал стать трактористом.

У изголовья больного Петра почти всегда видели книжку «Повесть о настоящем человеке». Видно, нужна она была ему, видимо, нужен был Петру ее герой.

И вот однажды, будучи в «Восходе», я увидел, как мимо, прихрамывая, прошел невысокий человек. Вслед ему кто-то обронил: «Наш Маресьев!..»

Это был Петр Семенович Шкляр. Все-таки сел он на трактор! И вот уже которую весну водит его, пашет землю, убирает урожай... Нынче Петр Семенович добился на своем участке крупного успеха — по 200 центнеров картофеля с гектара. Он награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Вот другой пример — сварщик Юрий Леонидович Королев с Брянского машиностроительного завода. Бригадную пятилетку Королев уже выполнил. Сейчас сменные задания его бригаде самые высокие на заводе. А Юрий Леонидович и его товарищи перекрывают и эти задания почти вдвое.

Что движет Шкляром или Королевым? Ведь не война же... Далеко ушли те времена. Словом, отнюдь не безвыходное положение заставляет так работать наших людей. Жизнь теперь совсем иная. Как говорится, и на стол есть, и к тому, что на столе, тоже есть...

Я понимаю так: солдатская, рабочая совесть, душа советская — вот что определило поведение танкиста Головачева, тракториста Шкляра, сварщика Королева. В основе поступков и дел советских людей лежит высокое сознание своего долга перед народом, перед Родиной, целенаправленность, воля, глубокие знания, увлеченность делом. Так что, повторяю, люди, наши советские люди, верные идеалам Коммунистической партии,— вот начало начал всех наших успехов, залог прочности, жизненности намечаемых планов, какими бы несбыточными они ни казались врагам и маловерам.

Возьмите нашу область, нашу древнюю Брянщину. Казалось бы, она все та же, прежняя. Что год, что два назад. Ан нет! Каждую осень — это уже иная земля, более сильная, более добрая, более урожайная. Словом, обновленная. И обновляет ее, прибавляет ей силу упорный труд людей.

— Михаил Константинович, вам приходится много ездить по области. И, конечно, встречаться с людьми. Расскажите о встречах, которые вам более всего запомнились в этом году.

— Год действительно выдался не из благоприятных. Возвращаясь из поездок по колхозам и совхозам, я часто с тревогой думал: что будет с урожаем? Удастся ли убрать его без заметных потерь? Ведь льет и льет, будто в небе прореха! Но вспоминались разговоры с комбайнерами, шоферами, работниками на токах. И на душе становилось светлее. Думалось: с такими людьми да не справиться? Не может такого быть!

Выступая в Болгарии 19 сентября этого года, товарищ Л. И. Брежнев сказал, что «по напряжению сил, их накалу мирное поле уборочной страды напоминает сражение. Люди не жалеют сил, чтобы, вопреки капризам погоды, выполнить свой долг». И было действительно так.

Как-то пришлось мне заночевать в погарском колхозе «Путь Ленина». Проснулся — пять утра. Но

председателя колхоза Семена Ивановича Ковалева уже нет. Нашел его в поле. «Беспокоишься?» — спрашиваю. «Да не то чтобы беспокоюсь, — отвечает. — Хлеба — вон какие они! Каждому видны. Радость! А все ж не спится. И не будет полного спокойствия, пока не засыплем их до зернышка в закрома!»

Семен Иванович — бывший фронтовик, не раз награжден за воинскую доблесть. Председательствует в «Пути Ленина» без малого четверть века. Каждого колхозника — молодого и старого, каждого механизатора по имени-отчеству знает. И каждому человеку умеет подыскать в хозяйстве самое подходящее именно для него место. Талант, иначе не скажешь, у председателя — талант организатора, хозяина! И, конечно, ответственность, сиречь — беспокойство за общее дело.

В колхозе «Путь Ленина» каждый дом говорит о достатке. Тут своя больница, свой прекрасный дом культуры и еще много такого, что, как говорится, стирает те самые грани, которые пока еще разделяют город и село.

Сам председатель высок, плотен, статен. В движениях энергичен, в разговоре напорист, а в деле, за которое взялся,— и говорить нечего. Ежели взялся — не отступит, пока не закончит. С кем бы его сравнить?.. Да!.. С Егором Трубниковым! Из фильма «Председатель». Если говорить серьезно, то схожесть эта не столько внешняя, сколько внутренняя: по характеру и по пережитому.

Ковалев же отмахивается:

— Чего еще! Там искусство, творческий вымысел. А мы земные, телесные, при всех жизненных изгибах и неурядицах... Хотя, надо просто сказать, артист Ульянов, который играет Трубникова, почувствовал наше, хлеборобское по-настоящему. За это — спасибо.

Известно, что добыто с наибольшими усилиями, то и особо ценится. Поэтому люди в «Пути Ленина» в хорошем, приподнятом настроении. Как ни трудно приходилось, а в Погарском районе собран неплохой урожай зерна (по двадцать центнеров на круг). В колхозе же «Путь Ленина» еще более!..

— Словом, нынешняя осень на селе — осень радостей!

— Брянцы могут быть особенно довольны нынешней осенью,— улыбается Михаил Константинович.— Средний урожай зерновых по области, как говорится, «в амбаре» для наших мест оказался совсем неплохим. В некоторых хозяйствах, таких, как стародубские «Ленинский путь» и «Память Ленина», получено зерна на круг более чем по тридцати центнеров.

Уродил картофель, которым так славится Брянщина. Государству его продано более шестисот тысяч тонн! Как и в прошлом году, отличились новозыбковцы, хоть земли у них одни из самых бедных в России. Они собрали вкруговую по 191 центнеру клубней с гектара. Да и с зерном не подкачали. В чем секрет успеха?

Слагаемые новозыбковского урожая — это вдумчивое совершенствование структуры посевных площадей, освоение научно обоснованных севооборотов, внедрение высокоурожайного сорта ржи «крупнозерная», селекционированной, кстати, на местной опытной станции, мелиорация земель, улучшение агротехники. А самые активные, настойчивые преподаватели этой «арифметики» — секретарь райкома партии бывший фронтовик Михаил Митрофанович Гарбуз и председатель райисполкома Николай Сергеевич Орлов, который в восемнадцатилетнем возрасте командовал партизанским отрядом.

Признаюсь, мне нравится бывать у них в районе, вместе ездить по колхозам, встречаться с такими замечательными вожаками земледельцев, как Афанасий Тимофеевич Екимов, Иван Петрович Токунов, Степан Васильевич Михальченко, Николай Антонович Горбачев, Анатолий Иванович Иволга, Николай Иванович Чередник. С ними всегда можно посоветоваться, от них непременно услышишь что-нибудь толковое, мудрое.

Новозыбковцы соревнуются со своим соседом — Климовским районом. Секретарь Климовского райкома партии Алексей Федорович Шаболтаев — один из тех руководителей, которым особенно присуще чувство нового. Как и новозыбковцы, климовские коммунисты следят за пульсом времени, замечают и поддерживают все ценное, что ежечасно рождается среди людей. Сам Шаболтаев умеет и проявить инициативу и поддержать ее, поучить других и самому поучиться у кого бы то ни было: и у председателя колхоза, и у механизатора, и у доярки.

Климовский райком партии поставил цель, чтобы каждое хозяйственное подразделение — бригада, цех, ферма, колхоз, совхоз — выполняло свое задание. И неуклонно этого добивается. Интенсификация, использование с максимальной выгодой каждого метра производственных площадей, каждого клочка поля — вот девиз коммунистов Климовского района, который они провозгласили в начале пятилетки. И, пожалуйста, результат: в районе нет должников перед государством! Все планы неукоснительно выполняются. И не за счет передовых хозяйств, а каждым хозяйством. Расчеты показывают, что «свою пятилетку» по производству сельскохозяйственной продукции Климовский район выполнит досрочно...

Говорят, что для полного счастья человеку надо, чтобы дело, которому он служит, было непременно выше его самого. А что может быть выше того дела, которым занят наш народ? Потому-то так и притягательно оно, это дело, для всех советских людей, потому так пробуждает их энергию. Стремление приумножить народное добро стало нормой жизни каждого члена нашего общества. Потому, видимо, даже нынешний нелегкий год дает такие отрадные плоды. Потому и планы наши сбываются. И рождаются встречные, более высокие планы...

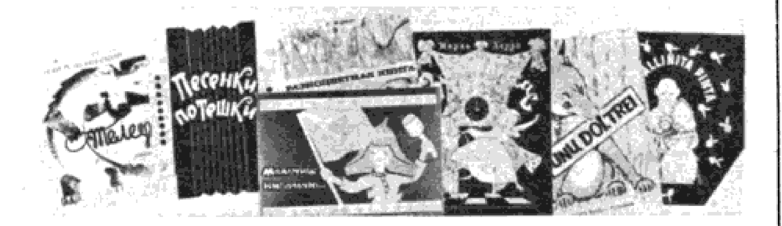
Мы возвращаемся в Брянск. Тридцать лет назад он лежал в руинах. А сейчас это большой современный город. Он вышел далеко за довоенные окраины, набрал высоту. Новые проспекты, улицы, заводы, институты. Спускается вечер. Течет по улицам веселая, нарядная толпа людей... Вспыхивают фонари. Но один огонь — у Памятника воинам и партизанам — горит вечно... Это Вечный огонь. И постоянно несут тут почетную вахту на посту № 1 лучшие пионеры и комсомольцы брянских школ. Будущее Брянщины...

«Малыш» — не просто книжное издательство для самых маленьких.

Выпускает оно и альбомы для раскраски, и переводные картинки, и настольно-печатные игры, и «раскладушки», и книжки-игрушки, даже с конструктивными элементами. Популярность «Малыша» все время растет. И нет в нашей стране дошкольника, который не держал бы в руках книжки этого издательства, не рассматривал картинки, не просил бы: «Почитай!», не листал бы сказок Пушкина, стихов С. Маршака, «Мальчиша Кибальчиша» Аркадия Гайдара, сказок братьев Гримм, Андерсена, Шарля Перро. Растет и международное признание «Малыша».

Семнадцать лет «Малышу». За это время выпущено 5 100 названий книг космическим тиражом — около одного миллиарда двухсот миллионов экземпляров. Сейчас с маркой «Малыша» выходит в свет каждый год 80 миллионов книг.

Директор издательства

«МАЛЫШ» ШАГАЕТ ПО ПЛАНЕТЕ

И. Н. Боронецкий беседует с нами о международных связях «Малыша», о творческих планах на будущее.

— Игорь Николаевич, где расходится ваша продукция?

— Вероятно, легче ответить на вопрос, где она не расходится. Самое неожиданное: наши книги пользуются большой популярностью и среди взрослых. Оно и не удивительно. С каждым годом растет на планете интерес к русскому языку. По данным ЮНЕСКО, русский язык изучают около 20 миллионов человек. Наши книги, богато иллюстрированные, являются хорошим подспорьем. Изданные на русском языке, они распространяются «Международной книгой» во многих странах Европы, Азии, Африки, Америки и в Австралии. Это и русские народные сказки, и произведения Пушкина, Льва Толстого, а также советских писателей — Агнии Барто, Сергея Михалкова, Софьи Прокофьевой, Ирины Токмаковой, Бориса Заходера, Эммы Мошковской, Геннадия Цыферова.

Кроме того, выполняя многочисленные просьбы наших зарубежных друзей, мы выпускаем книги на самых разных языках. Так, для Кубы подготовлено 165 тысяч книг-игрушек и «раскладушек». Для Чехословакии на чешском и словацком языках изданы «Курочка-ряба», «Колобок», «Телефон». Думается, что последняя придется детям особенно по сердцу. Выпущена она с вращающимся телефонным диском. Стоит повернуть диск, как можно увидеть фигуру автора — Корнея Ивановича Чуковского. Выполнили мы заказ и наших друзей из Румынии, Болгарии, Польши, ГДР, Индии (для них выпущены книги на языках хинди и тамили). Издаем мы книги и на английском, французском и испанском языках, наши книжки можно увидеть в магазинах Скандинавии, Бирмы, Бразилии. Словом, география очень богатая.

— Игорь Николаевич, теперь о планах.

— Прежде всего,— смеется директор,— справить новоселье. Поскольку объем работ возрастает в геометрической прогрессии, в 1975 году мы получаем новое помещение неподалеку от метро «Кунцевская».

К нам пришли новые для нашего издательства авторы — Сергей Викулов, Семен Шуртаков, Михаил Алексеев. Содружество с ними обещает быть очень плодотворным. Мы намерены издать отрывки из произведений Георгия Маркова и Леонида Леонова, произведения советских классиков. Делается серия «Дедушкины медали», посвященная героизму советских людей, «Октябрята — смелые ребята», «Пионеры-герои», «По странам мира», «Кто любит труд, того октябрятами зовут». Планы большие. Постараемся все их выполнить.

М. МИХАЙЛОВ

Б. Никифоров — Макаренко и Б. Чунаев — Бурун.

Фото И. Александрова.

ОЩУЩЕНИЕ ПРЕМЬЕРЫ

Спектакль «Колонисты» в Московском театре имени Ленинского комсомола — это не премьера, но интерес зрителей к спектаклю таков, что он сохраняет ощущение премьеры. И молодежь и старшие равно испытывают гордость, когда видят, как Советская власть воспитывала трудом беспризорников в тяжелые двадцатые годы.

В основу пьесы положено содержание книг выдающегося педагога и писателя Антона Семеновича Макаренко; автор инсценировки Ю. Мочалов назвал сделанную им композицию «эксцентрической былью». Это определение мы принимаем как условное, ибо инсценировщик — он же и режиссер спектакля — не очень подтверждает эксцентричность, а показывает весьма реалистически и с обаятельной простотой картины «переновки» беспризорников в увлеченный трудовой коллектив.

В спектакле заложен полезнейший заряд воздействия на молодежь. Воспитывать лучшие качества характера: любовь к труду, коллективизм, дисциплину, комсомольский задор, уважение к старшим — нужно и в наше время! Нужно все это не только пробуждать, но делать сущностью жизни!

Спектакль смотрится с большим интересом. Это заметно по реакции зрительного зала. Особенной симпатией пользуется сам Антон Макаренко в исполнении актера Бориса Никифорова. Образ воспитателя нового типа, прекрасного психолога, отличного организатора показан в развитии: Макаренко — Никифоров не сразу овладевает педагогической наукой, идет через ошибки и просчеты, но идет упорно, преодолевая формализм и равнодушие некоторых работников Наробраза, напряженность отношений и недоверие самих колонистов... Артисту не так уж просто было показать героя, ставшего в центре событий, суметь пройти через весь спектакль не «несгибаемым» командиром, а простым человеком со сложными душевными переживаниями, не боящимся показать порой и свою слабость и горечь ошибок.

В спектакле нужно было создать необходимый для такого «многоголосого» представления ансамбль. Но режиссер и тут достиг немалого, так же как артисты Н. Скоробогатов (Калина Иванович), Г. Матвеева (Екатерина Григорьевна), Л. Чикурова (Лидочка), В. Сергеев (Силантий)... Что касается колонистов, то все, что нам известно по книге Макаренко, восстановлено с живой правдой, с изображением характеров самых разных и противоположных,— назовем хотя бы Карабанова, сыгранного Н. Караченцовым.

Хорошо исполнены и роли работников Наробраза: я бы особенно выделил Бокову М. Струновой. Появляясь как бы из другого мира, изящная, модно одетая, демонстрирующая должностную высокомерность, она пытается «руководить», давать шаблонные советы и указания, для нее колония — обычный «объект». Но когда она понимает, какой труд вложен в воспитание каждого беспризорника, оказывается, что она, по существу, милый и хороший человек, сочувствующий А. Макаренко и его работе.

Остроумно исполнена роль псевдоученого профессора Чайкина артистом А. Шешко. Хуже удались сцены с «селянами». Но эти сцены не решают судьбу спектакля, где зрителя волнуют судьбы ребят, которые из беспризорников становятся полезными, нужными людьми общества.

Вл. ПИМЕНОВ

ПИСАТЕЛЬ — ПРОФЕССИЯ БОЕВАЯ

В прошлом году на выставке советской детской книги в Мюнхене мне довелось говорить с главным редактором прогрессивного западногерманского журнала «Кюрбискерн» Фридрихом Хитцером. Человек лет сорока пяти, с энергичным лицом и уверенными жестами, он производил впечатление не только доброжелательным тоном и трезвостью суждений, но и, пожалуй, прежде всего своим почти безупречным русским. В книге Виталия Озерова, очень метко названной «Тревоги мира и сердце писателя» [1], с большим тактом говорится о Фридрихе Хитцере и возглавляемом им журнале — одном из немногих не только в ФРГ, но и во всей Западной Европе, имеющих смелость критиковать массовую коммерческую литпродукцию в своей стране и за рубежом.

Книга Виталия Озерова, многопроблемная, непростая, определенная кругом тем «советский писатель — его труд в стране, его миссия за рубежом», затрагивает и вопрос о том, что русский язык все чаще становится инструментом общения литераторов различных стран.

Советский литератор всегда и везде несет людям правду о своей стране и ее литературе — гуманистической и боевой, борющейся за человека, за его активную роль в обществе. Пожалуй, эта мысль, к которой обращается В. Озеров, и определила настроенность всех без исключения глав книги. Впрочем, дадим слово самому автору.

«Воплощать в дела свои убеждения — прекрасная традиция, воспринятая советскими писателями у партии. В этом — существо жизни и работы наших писательских организаций, соответствующее самой природе социалистических общественных отношений. Участвовать в строительстве этих отношений, в воспитании человеческих душ — значит делом помогать осуществлению партийной политики. И — отстаивать ее на международной арене».

Критик прав, рассматривая советского литератора, независимо от того, является он или не является членом коммунистической партии, как бойца литературного фронта и прежде всего как представителя и выразителя самой передовой идеологии, коммунистической эстетики и морали.

В мире все более видны приметы ослабления международной напряженности. Благодаря инициативе Советского государства произошли серьезные сдвиги в направлении прочного мира и безопасности народов всего земного шара. Расширяется торговля между странами социализма и капиталистическими государствами, намечены перспективы благоприятного развития экономических отношений на новой основе между СССР и США... Но как нелепо и опасно было бы переносить признаки подобной эволюции на область идеологии, на взаимоотношения двух полярных идеологических систем! Недавно один из западных рекламных журналов, посвященный торговле, расхваливая продукцию машиностроительной фирмы, написал через всю страницу: «Некоторые экспортируют революцию — мы поставляем самые точные станки». Как видим, даже на вновь создаваемом «рынке» раздаются отнюдь не коммерческие всхлипы буржуа.

В нынешнюю эпоху острой идеологической борьбы, при ликвидации в то же время многих рудиментов «холодной войны», роль вооруженного марксистско-ленинской идеологией литератора неизмеримо повысилась.

«Не «интеграция», а прямая противоположность характеризует нынешнее соотношение двух культур, без борьбы между которыми не понять основных процессов современности»,— пишет В. Озеров.

Высокое профессиональное мастерство Виталия Озерова — критика и публициста — соприкоснулось с наблюдательностью человека, заинтересованно вглядывающегося в перемены, происходящие в литературах многих стран, сознающего всю меру ответственности прогрессивных писателей земного шара перед временем, перед поколениями, перед историей. Сборник, содержащий и некоторые статьи автора, публиковавшиеся в журналах, стоит на одном из первых мест в ряду сходных по проблематике боевых книг известных наших критиков Ал. Дымшица, Е. Осетрова, Ю. Барабаша, А. Овчаренко, Ю. Суровцева и других, где определяется степень участия советского писателя в борьбе за чистоту человеческих идеалов, весомость его слова и мысли в споре с зарубежными противниками.

Сила книги — в цельности и в логичности рассуждений, базирующихся на принципах марксистско-ленинской эстетики, в том искусном расположении цепи определений, частностей, которые, кажется, исчерпывают все грани, все аспекты обсуждаемых критиком тем.

Чтобы у читающего эти строки создалось представление о той насыщенности современными проблемами, об устремленности в будущее, какие присущи книге В. Озерова, приведу хотя бы часть вопросов, изложенных на страницах издания.

Ленин и Горький. Качественное отличие социалистического гуманизма от гуманизма досоциалистического. Советский писатель как член коллектива единомышленников. Научное знание мира как средство расширения возможностей художнического зрения. Валентин Овечкин, его очерки 50-х годов, объявившие войну «теории бесконфликтности». Совместная борьба литераторов социалистических стран, отстаивание ими принципов гуманизма и демократии. Традиционные связи советской и болгарской литератур. Встречи с писателями Японии, Ливана, Чехословакии и многих других стран, интернациональные связи литератур народов Советского Союза с литературами зарубежных стран. Современная терминология литературоведения и критики («структурализм», «поток сознания» и пр.). Четкая классификация всевозможных «новых левых» и подобных им направлений и школок в литературах Запада. Критика «теорий» ревизионистов в литературе (Роже Гароди, Эрнст Фишер и др.), «реализма без берегов», а также концепций, провозглашающих, что искусство, творчество не являются познанием мира, окружающей действительности. Критика книги Дж. Биллингтона «Икона и топор», искажающей проблему народности и традиций в советской литературе. История всевозможных «писем», «манифестов» и «обращений» к советским писателям со стороны некоторых зарубежных литераторов, защищавших, по их представлениям, «свободу» и «демократию». Портрет критика-марксиста Бориса Рюрикова, его успешная полемика с Р. Гароди. Политическое возмужание молодых литераторов, их споры с «защитниками» прав писателей в СССР. Советские литераторы старшего поколения, их воспитательная работа в писательской организации. Ответственная и благородная миссия писателей Страны Советов за рубежом...

Каждой своей главой книга Озерова вызывает гамму ответных чувств и размышлений — ведь речь идет о самом важном: о партийности и социальной природе искусства и литературы, о гражданской позиции писателя, об участии литераторов в борьбе за гуманизм, мир, демократию, о духовной зрелости человека, избравшего профессию писателя.

Говоря об известных советских писателях, осуществляющих высокую миссию представления нашей литературы за рубежом, автор очень тепло пишет о выдающемся поэте-интернационалисте Николае Тихонове: о его нестареющем таланте, широком диапазоне интересов, общественной и гражданской активности, удивительных познаниях в истории культуры народов Востока, о его блистательных способностях переводчика национальной поэзии... Проходят перед читателем эпизоды, рисующие большую и полезную деятельность и других известных полпредов нашей литературы — Алексея Суркова, Мирзо Турсун-заде, Сергея Залыгина, Даниила Гранина, Владимира Бээкмана...

Если бы меня попросили дать самую краткую характеристику отличительных особенностей манеры, в какой написана книга «Тревоги мира и сердце писателя», я сказал бы так: такт и чувство меры при всей заостренности, непримиримости к идеологическим противникам, наступательном характере анализа.

Ю. НОВИКОВ

[1] М., «Советский писатель», 1973.

ОДИНОЧЕСТВО В ТОЛПЕ

Общеизвестно, что Соединенные Штаты весьма преуспели в градостроительстве. Тем более нам было интересно побывать в Хьюстоне, который даже в этой стране городов-гигантов зовется городом будущей Америки. Примечательно, что именно в Хьюстоне был создан главный космический центр США, и с этого момента в истории города началась новая эра.

В Хьюстон мы прибыли поздно вечером. Наутро я позвонил по телефону, который нам дали в Вашингтоне американцы, организаторы нашей поездки, и узнал, что внизу, у дежурного администратора гостиницы, нас ожидает полное расписание нашей деятельности в Хьюстоне, со всеми адресами, телефонами и фамилиями. Благодаря такой деловитости и расторопности наших американских хозяев мы смогли, не теряя времени, неплохо ознакомиться с этим, безусловно, одним из интереснейших городов Соединенных Штатов.

В отличие от других больших американских городов Хьюстон может расти не только ввысь, но и вширь. И несмотря на такое благоприятное обстоятельство, он все же растет и ввысь. На нас не подействовали удручающе и гнетуще ни небоскребы Нью-Йорка, ни небоскребы Хьюстона. Правда, хьюстонские новенькие, с иголочки, еще более эффектны. Устремленные в небо изящные строения из стекла и стали могут показаться символами города, растущего на космическом бизнесе.

Нью-Йорк. Тесно домам, машинам, людям.

ЗАКОНОМЕ ПАРАДО

В. НИКОЛАЕВ

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

Специальные корреспонденты «Огонька»

Прежде всего обращает на себя внимание элегантная простота очертаний небоскребов и зеркальная поверхность их стен. Со стороны улицы эти стекла непроницаемы и окрашены в разные тона: одно здание — голубое, другое — черное, третье — золотистое... Утром проснешься в номере отеля, встанешь, подойдешь к окну, смотришь и не понимаешь, где стоящий напротив дом, а где улица, где земля, где небо. В необъятном голубом зеркале бегут белые облака, мчатся разноцветные машины, купаются в синем бассейне бронзовые люди. Впечатление такое, что ты попал в какой-то фантастически огромный кинозал с новой системой экранов и проекторов. Мы стоим у окна и спорим о том, где кончается отражение и начинается реальность. И лишь выйдя на улицу, различаешь, наконец, границу между дерзкой выдумкой архитектора и повседневной жизнью, которую эта выдумка заметно украшает.

От многих хьюстонцев мы не раз слышали такие слова: «Приезжайте лет через пятнадцать, мы обгоним Нью-Йорк!» Обогнать Нью-Йорк, конечно, трудно, но ему и расти вроде уже некуда, только ввысь и ввысь, а вот у Хьюстона, конечно, перспективы побогаче. И темпы роста города созвучны оптимистическим прогнозам насчет «пятнадцати лет».

Космический центр был не случайно создан в Хьюстоне, который к тому моменту уже был крупным индустриальным и научным центром. В нескольких милях от его небоскребов взметнулись к небу причудливые ажурные сооружения нефтеперерабатывающих заводов. Когда едешь на машине по загородному шоссе, то долго не видишь ни конца, ни края этому царству нефти. Статистика говорит, что здесь производится 23 процента всех нефтепродуктов страны. В справочнике «Факты о Хьюстоне» город так и назван — «Всемирная нефтеочистительная столица». Понятно, что здесь также самым широчайшим образом развита химия. 80 процентов синтетической американской резины дает Хьюстон. Находящиеся близ города свыше ста химических заводов соединены между собой в единое целое трубами, общая длина которых превышает 1 200 миль. Известен город своей сталью и другой промышленной продукцией. Хьюстонский порт в 1972 году переработал 69 миллионов тонн грузов и является третьим по величине в США, более четырех тысяч судов ежегодно подходят к его причалам.

В четырех местных университетах и 25 колледжах учится около 70 тысяч студентов. Причем в Хьюстонском университете есть космический факультет, пока первый и единственный в Америке. Нам объяснили, что стать студентом этого факультета очень нелегко, туда отбирают самых одаренных ребят. На всю страну известен хьюстонский медицинский центр, где и лечат, и ведут научную работу, и готовят врачей. Здесь работает более 16 тысяч человек. Кстати, именно в этом центре трудятся лучшие американские специалисты по операциям на сердце. Беглые фактические штрихи портрета Хьюстона дополнит последняя деталь: 1 200 церквей в городе и его окрестностях. Да, да, одна тысяча двести церквей в космическом, индустриальном и научном центре! Подспорьем этой мощной религиозной индустрии служит местная теологическая школа (около 800 студентов).

Есть в Хьюстоне немало достопримечательностей. Например, гигантский стадион под крышей из пластмассы, причем во всем сооружении поддерживается искусственный климат (здесь это очень важно: когда мы были там, жара все время превышала тридцать градусов). Нажатием кнопки спортивная часть этого комплекса может быть перестроена в стадион для игры в бейсбол (в этом случае там могут разместиться 45 тысяч зрителей), в футбол (52 тысячи зрителей), в зал заседаний (60 тысяч участников), в зал для проведения соревнований по боксу (66 тысяч зрителей). А рядом с этим сооружением находится Астродом, или Астрохолл, который хьюстонцы, да и не только они, называют «восьмым чудом света». Это огромное, в несколько этажей, выставочное помещение, построенное в 1966 году с применением, наверное, всех новшеств современной техники и самых лучших строительных материалов. Рядом собираются строить еще одно такое же сооружение. Здесь планируют и строят, как говорится, навырост. С большим размахом. Кстати, у местного университета почти такой же по размерам стадион, что и описанный выше, только без пластмассового перекрытия. А населения сейчас в городе около двух миллионов. С начала 60-х годов, когда Хьюстон стал космическим центром, население его выросло на 600 тысяч.

Немало есть в Хьюстоне и других, не менее впечатляющих сооружений. Одно из них — так называемая «Галерея». Это опять-таки типично по-хьюстонски огромный торговый центр. Многоэтажное здание сти-

---

* Начало см. «Огонек» №№ 40, 43, 46.

лизовано под старинные итальянские торговые ряды, отсюда и его название, несколько странное для такого заведения. Это не только современный магазин, где можно купить, пожалуй, все, что продается за доллары. Это своего рода общественный центр, где жители города могут приятно провести время. В комплексе есть и гостиница, и рестораны, и кинотеатры, и картинные галереи, и медицинский центр, и беговая дорожка, и искусственный каток, и закрытое помещение с десятью (!) теннисными кортами, где тоже поддерживается искусственный климат, и многое-многое другое. Такой комплекс не изобретение Хьюстона. Они выросли в последние годы во многих городах страны. Их появление сами американцы объясняют весьма своеобразно и неожиданно для нас, чужеземцев. Объясняют примерно так:

«Вы обратили внимание на большое количество всевозможных добровольных обществ, расплодившихся по всей стране? Каждый или почти каждый хочет быть членом какой-то определенной организованной группы. Эта естественная тяга к человеческому общению не находит себе удовлетворения даже в такой, казалось бы, главной людской ячейке, как семья. Дело в том, что постоянная, типично американская гонка за материальным благополучием, гонка бесконечная, не оставляет ни сил, ни времени на то, что называется семейной жизнью. Слабеют и рушатся связи между родителями и детьми. Последние вырастают с нерастраченным запасом тех сил, выход для которых один — человеческие контакты, человеческое тепло. И главное — ведь только в общении осознаешь себя человеком, а таковым хочется быть почти каждому

ственного одиночества. Там они могут встретиться с другими людьми, что-то делать сообща и чувствовать себя частью чего-то, пусть и временно». Между прочим, эти слова, напечатанные в журнале, принадлежат священнику Самуэлю Ланхэму, он руководит в «Галерее» особой службой, цель которой — оказывать моральную помощь тем людям, которые в ней нуждаются (в самом деле, чего только нет в «Галерее»!).

Джерри Демпси, один из директоров такого же комплекса в Чикаго, говорит: «Мы дали людям приятное место, где они могут встречаться. Мы привлекаем домохозяек тем, что они могут прийти сюда за покупками, пообедать, сделать прическу, сходить в кино, потом еще что-нибудь купить, затем встретить здесь мужа после работы и поужинать с ним — одним словом, провести здесь весь день». В этом же центре, продолжает Демпси, «можно быть свидетелем многих свиданий молодых людей, парней и девушек. У нас есть масса тихих, устланных коврами уголков, которые привлекают их». Есть услуги и для старшего поколения: в зимние месяцы пожилые и старые люди могут совершить здесь, под крышей, прогулку в две мили. «Где еще,— спрашивает Демпси,— могут они вот так прогуляться, не опасаясь поскользнуться на льду?»

Люди науки всерьез рассматривают эти торгово-увеселительные центры не только как новую выдумку бизнесменов, а как явление социальное. Профессор Баркс считает, что эти комплексы — знамение времени и что они в дальнейшем будут играть все бóльшую роль в жизни американского общества. Он предсказывает, что сюда переме-

РНЫЕ
КСЫ

АМЕРИКАНСКИЕ РЕПОРТАЖИ *

Джэк Коллинз из Главного управления нью-йоркской полиции.

нормальному индивидууму. Во многих же американских семьях ребенок получает только потребительские навыки. Он видит, как его отец лезет из кожи вон, чтобы заменить новую машину на новейшую, потому что уже многие люди его круга приобрели эту новейшую. И так во всем. Дух частного предпринимательства, наживы и вытекающая отсюда мораль, реклама — весь образ жизни, при котором красивые и блестящие игрушки из области ширпотреба заменяют настоящие духовные ценности, давно подточил семейные устои, и люди ищут друг друга, словно заблудившись в лабиринтах небоскребов. И многие идут в такие центры, как «Галерея», чтобы встретиться друг с другом на привычном рекламном фоне общества великих потребителей».

Выше я постарался суммировать то, что слышал от самих американцев. Они имеют право на то, чтобы так судить о себе. Мне же со стороны нельзя делать это с такой же категоричностью. Поэтому я сошлюсь на источник вполне официальный, на журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд уорлд рипорт», орган деловых людей Америки, который кстати, в ходе подробного разговора о таких торгово-увеселительных комплексах (в том числе и о хьюстонской «Галерее») логично приходит к той же проблеме одиночества современного американца в большом городе, до отказа набитом людьми, которые уже с молоком матери впитали усталость от погони за материальным (только материальным!) благополучием.

Итак, журнал свидетельствует: «Изоляция, одиночество в толпе — главная проблема таких быстро растущих городов, как Хьюстон. И масса таких людей устремляется в «Галерею», чтобы убежать от соб-

стятся со временем даже правительственные учреждения и общественные организации. А его коллега, психиатр Кноулс, считает, что горожане все же предпочтут прежний образ жизни, то есть теперешний, в том случае, правда, если городские центры будут существенно перестроены. В этом последнем «если» и зарыта собака! О кризисе городов-гигантов пишут и говорят сейчас в США повсюду. («Что надо предпринять, чтобы спасти большие города?» — спрашивает сегодня журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд уорлд рипорт».) Не избежал этой участи и Хьюстон. Потому и приходится, несмотря на его бурный рост, задавать вопрос, быть ли ему действительно городом будущего. В плотной тени его новеньких небоскребов поселились старые болезни больших американских городов.

Одиночество... Страшное для человека слово. Да к тому же одиночество в плотно спрессованной толпе. Пусть мои собственные умозаключения на эту тему, пусть изложенные выше высказывания моих американских собеседников, пусть, наконец, цитаты из типичного буржуазного американского журнала не убедят кое-кого (истина-то в самом деле непростая, в нее особенно трудно верится нам, советским людям). Так вот для тех, кому и этих свидетельств мало, жизнь только что преподнесла веское доказательство.

В знойные летние дни этого года стало известно о случившейся в Хьюстоне ужасающей трагедии, леденящей сердца и души людей. Местная полиция совершенно случайно раскрыла страшное преступление. Оказывается, в течение трех лет трое садистов заманивали мальчиков-подростков в дом одного из них, мучили их и затем уби-

чали. Удалось обнаружить двадцать семь трупов их жертв. Обо всем этом рассказал полиции один из преступников после того, как он убил во время ссоры другого члена садистского триумвирата. Легко можно предположить, что, не случись этой ссоры, в Хьюстоне по-прежнему продолжали бы бесследно исчезать подростки.

И теперь о самом страшном и удивительном, имеющем, кстати, прямое отношение к нашему разговору об одиночестве в толпе. О пропавших подростках родители, естественно, сообщали в полицию, причем бывали случаи, когда с одной и той же улицы пропадали один за другим несколько подростков. Одна из таких улиц состоит из одноэтажных домов, то есть, казалось бы, здесь, как говорят, земля должна слухом полниться. Ан нет! Жившие бок о бок семьи даже не знали, что за соседним забором произошла та же трагедия, что и у них. Так, миссис Кобб с этой улицы, у которой сын пропал в июле этого года (и стал жертвой троицы садистов), только уже после «раскрытия» преступления узнала, что в последние годы на ее улице и в соседних кварталах бесследно исчезло много подростков. Это ли не пример одиночества, отчужденности?!

В связи с этой кошмарной историей жители Хьюстона, естественно, выражали недовольство городской полицией. Но блюстители порядка просили негодующих граждан войти в их положение. Оказывается, в Хьюстоне каждый год убегает от родителей и исчезает в неизвестном направлении больше пяти тысяч подростков (по всей стране — 800 тысяч). В чем причины этого типично американского явления? Подростки бегут от опостылевшего им образа жизни, бегут в поисках идеалов, которые были украдены у них в детстве.

В том же Хьюстоне, за обедом в очень богатой и благополучной семье, в числе первых заданных нам вопросов мы услышали и такой: «А как у вас борются с наркоманией среди молодежи?» Этот вопрос преследовал нас по всей Америке. И американцы никак не могли поверить, что в нашей стране такой проблемы нет. В Соединенных Штатах все родители живут в постоянном страхе перед тем, что их подрастающие дети станут наркоманами. Кстати, многие (если не большинство!) беглецы из родительского дома быстро попадаются в руки ловких торговцев наркотиками. Последние проникают всюду, даже в средние школы.

Что же такое наркомания у подростков, юношей и девушек? То же самое бегство от окружающей действительности, полное ее неприятие. Это следствие того же самого одиночества в толпе, отсутствия чувства локтя и простого человеческого тепла.

Самой убийственной по своей силе картиной одиночества в толпе являются, несомненно, массовые сборища молодых людей во время выступлений модных джазовых коллективов. В зависимости от популярности ансамбля и емкости помещения на такие концерты собираются сотни, тысячи, десятки тысяч (а на открытом воздухе и сотни тысяч!) молодых зрителей. Но и здесь единения не получается. Обезьяньи повадки музыкантов и певцов, их невообразимые, рассчитанные на сногсшибательный эффект одеяния, дикие, нечленораздельные звуки, издаваемые их хриплыми, лужеными глотками, оглушающая и одуряющая какофония, усиленная электроникой «инструментов»,— все это приводит аудиторию в состояние массового психоза, истерии. Это своего рода звуковая наркомания. Каждый такой слушатель, находящийся в огромной толпе, где яблоку негде упасть, безумствует на свой манер (визжит, кричит, топает ногами, дрыгается, как эпилептик, и т. п.). Каждый из них, стиснутый соседями, находится в этот момент в абсолютном одиночестве, в пароксизме своих безумных переживаний, под гипнозом накаленной атмосферы, созданной «солистами», в совершенстве владеющими четко отрепетированными приемами, которые приводят в исступление аудиторию. Не случайно многие такие «концерты» заканчиваются погромами и побоищами. На такие сборища мы лично не могли смотреть без содрогания.

Другим, еще более страшным примером бегства молодых из семьи, от общества, поисков выхода из одиночества являются плодящиеся, как грибы, организованные банды подростков и молодежи (ведь банда какое-никакое, а все же сообщество людей).

Знакомясь с жизнью Нью-Йорка, мы узнали и об этой характерной болезни города-гиганта. «Черные убийцы», «Белые ангелы», «Старомодные колдуны», «Свирепые черепа», «Свирепые бродяги» — вот только несколько названий молодежных банд, которых, по официальным (!) данным, в Нью-Йорке насчитывается более 350. По тем же данным, за 1973 год (к началу сентября) полиция зарегистрировала тридцать убийств, совершенных членами этих банд, она произвела среди них около двух тысяч арестов. Кто они, эти отбившиеся от рук юнцы? Журнал «Ньюсуик» так определяет состав этих банд: «От старшеклассников, бросивших школу, до вьетнамских ветеранов». Тот же журнал пишет: «Цепи, радиоантенны от автомашин и бритвенные лезвия — все это вооружение уличных банд 50-х годов заменено теперь пистолетами, автоматами и даже ручными гранатами и пулеметами. И кривая преступности неуклонно растет по мере совершенствования ее технологии».

Могут сказать, что Нью-Йорк — это весьма специфический даже для США город, что его пороки не присущи другим крупным населенным центрам Соединенных Штатов. Но вот были мы, например, в гигантском Лос-Анджелесе и узнали, что там, также по официальным подсчетам полиции, имеется около 150 молодежных банд, в каждой из них в среднем 150 членов, возраст их — от 14 до 22 лет. Был на нашем пути и другой немалый город — Чикаго, и в нем, оказывается, полиции известно 220 юношеских банд (статистика все та же, официальная), среди их членов за три летних месяца этого года было произведено более тысячи арестов, в том числе и по обвинению в убийстве. Недаром полиции Чикаго в отделе по борьбе с молодежными бандами пришлось увеличить количество сотрудников до 125 человек.

Это все, конечно, убийственные цифры, причем только по трем городам, лежавшим на нашем пути во время поездки по США. Мы эти города выбирали не по приведенным выше цифрам, а совсем по другим соображениям. Не мы нашли эти факты, а они нас. Примечательно, что, пытаясь их осмыслить, журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд уорлд рипорт» пишет о «стремлении молодежи к групповому общению», то есть все о том же бегстве от одиночества. А еще в более обобщающих словах это явление характеризует видный американский специалист по преступности среди молодежи Тэд Гросс: «Спрашивать молодых преступников о том, почему они не хотят жить нормально и делать что-либо полезное, это все равно что спрашивать человека, стоящего по колено в грязи, почему он не чистит свои ботинки».

ЭЛЕКТРОНИКА И ПРЕСТУПНОСТЬ

Главное полицейское управление Нью-Йорка, едва мы переступили его порог, поразило нас старомодным, казарменным видом, столь несвойственным общему современному облику самого города. Железные лестницы, длинные казенные коридоры, высоченные потолки, необъятной толщины стены и перекрытия... И не случайно мы тут же услышали:

— Доживаем в этом здании последние дни. Уже готов новый современный дом для управления. Скоро переберемся туда.

Да, в смысле смены старого облика на современный штаб-квартира городской полиции намного отстала от ритма жизни делового и политического Нью-Йорка. Тут же выяснилось, что это касается лишь внешнего вида. Старинное здание оказалось буквально набитым электроникой. Именно с нее и началось наше знакомство с работой нью-йоркской полиции.

Сопровождавший нас Джэк Коллинз (сотрудник отдела по связи полиции с прессой) не без гордости ввел нас в большой зал, где около сотни служащих, мужчин и женщин, сидели за длинными столами. Перед каждым из них — голубоватый телевизионный экран и телефонный аппарат. За две недели до этого мы были в Хьюстоне, в центре управления пилотируемых космических кораблей, и потому не могли не обратить внимания на внешнее сходство того хьюстонского зала с этим. Там — электронный мозг, руководящий полетами космонавтов, здесь — такой же мозг, руководящий борьбой с преступностью. Техника сходная, но, забегая вперед, прямо скажем: отдача ее в Хьюстоне несравненно эффективнее, хотя и здесь при ее демонстрации полицейская электроника действует на воображение.

Джэк Коллинз подходит к одной из телеустановок, достает из кармана свои водительские права, набирает на аппарате их номер, и тут же на экране появляются его полное имя и все основные сведения о нем (место и время рождения, домашний адрес, место работы и т. п.). Права на вождение автомашины есть почти у каждого взрослого американца, вслед за свидетельством о рождении это его главный документ, так сказать, удостоверение личности. И вот после набора на аппарате номера водительских прав телеэкран сообщает вам основные сведения о любом взрослом жителе Нью-Йорка. Так же быстро по электронным каналам поступают сюда сигналы о только что свершившихся преступлениях, и их тут же начинают распутывать, опять же с помощью электроники. Каждый несущий службу полицейский в своем снаряжении имеет портативный двусторонний радиопередатчик, радиосообщения полицейских попадают именно в этот зал и отсюда идут команды, как и что делать в каждом конкретном случае. Если учесть, что по городу все время патрулируют дежурные полицейские машины (они тоже, разумеется, связаны с электронным мозгом своего главного управления), то можно понять, каким образом полиция после вызова прибывает на место аварии или преступления буквально в считанные минуты.

Можно еще долго продолжать оду в честь прекрасного технического оснащения нью-йоркской полиции, но, поверьте нам на слово, что так оно и есть на самом деле. Поверьте и журналу «Юнайтед Стейтс ньюс энд уорлд рипорт», который пишет: «Полиция использует счетно-решающие устройства, двустороннюю радиосвязь, телетайпы, телевидение, электронные аппараты подслушивания, инфракрасные лучи и вертолеты».

И вот при таком совершенстве налицо массовая, растущая год от года преступность! Так, в 1972 году, по данным Федерального бюро расследований, в США было зарегистрировано 5 891 900 преступлений, включая такие тяжкие, как убийство, разбой, грабежи. Причем ясно, что эта цифра отражает только установленные, зарегистрированные случаи, то есть она в несколько (!) раз меньше количества действительно имевших место преступлений. В свете этой цифры мы задали Коллинзу вопрос, который был вполне логичным и, кстати, не привел в смущение нашего собеседника, поскольку он еще лучше нас знает о действительном положении в Нью-Йорке. Мы спросили его:

— Почему мы, двое взрослых мужчин, не рискуем прогуляться по Центральному парку Нью-Йорка после шести часов вечера? (Парк в самом деле расположен в центре города, по нашему, по-московски, можно сказать, между площадями Пушкина и Маяковского, но, несмотря на это, жители Нью-Йорка по вечерам там не прогуливаются.— **В. Н.**)

— Вы правы,— ответил Коллинз.— После шести вечера там находиться опасно. Но ведь вы знаете, что парк очень большой, а мы не имеем возможности посадить полицейского под каждый куст.

Далее он развивает мысль о том, что полицейский может схватить преступника только, как говорится, «с рукой», на месте преступления. Для этого действительно надо сидеть в Центральном парке под каждым кустом. Выслушав ответ Коллинза, мы интересуемся, что может сделать полиция для предупреждения преступлений. Мы говорим уже не только о хулиганстве и грабежах в парке, а вообще о преступной деятельности в городе, от мелкой уголовщины до миллионных дел. Оказывается, что Коллинз и его коллеги по работе в полиции неплохо знают свою клиентуру, особенно в сфере крупной уголовщины. Знают, но зачастую ничего не могут поделать с гангстерами, даже с помощью электроники и вертолетов. Как и хулигана в Центральном парке, полиция может их схватить только в самый момент преступления, но чем выше уровень гангстеризма в каждом

конкретном случае, тем короче становятся руки полиции. Парадокс? Да, но вполне закономерный.

Как известно, США административно делятся на 50 штатов. Всеамериканская преступная корпорация «Коза Ностра» поделила страну на 24 части, в каждой из них орудует так называемая «семья», состоящая из гангстеров (от нескольких сот до нескольких тысяч бандитов в каждой такой «семье»). Стало быть, несколько десятков тысяч организованных в одну корпорацию гангстеров. Казалось бы, немного для такой огромной страны с населением в 200 с лишним миллионов? Но дело в том, что это давно созданная и хорошо отлаженная преступная фирма, о размахе деятельности которой говорит хотя бы одна такая цифра: годовой доход «Коза Ностры» составляет почти пятьдесят миллиардов (!) долларов. А знаете, что это такое в масштабах Америки? Сумма эта превышает доходы всех автопромышленных монополий США, вместе взятых. Сумма эта превышает стоимость всех акций, продающихся на нью-йоркской бирже в течение года.

За счет чего собирает ежегодно в свои сейфы такую сумму «Коза Ностра»? Бизнес у нее многоотраслевой: убийство по заказу, азартные игры (рулетка, карты, бега, спортивный тотализатор, игральные автоматы и т. п.), публичные дома, нелегальная продажа оружия в другие страны (в основном — реакционным режимам в Латинской Америке), вымогательство и т. п. На все эти перечисленные выше преступные деяния есть соответствующие статьи и в американских законах. По этим статьям полагаются весьма суровые наказания. Полагаются...

Все дело в том, что гангстеры из «Коза Ностры» много своих сил и энергии расходуют не только в сфере уголовного бизнеса, но и бизнеса вполне легального. Они приобретают на свои нажитые незаконным путем капиталы предприятия, магазины, похоронные конторы и хозяйничают в них уже как вполне добропорядочные бизнесмены, не покидая при этом свои гангстерские «семьи» (в «Коза Ностре» — железная дисциплина, и измена карается смертью.— **В. Н.**). Итак, мы имеем типично американский феномен — бизнесмен и гангстер в одном и том же лице! К такому типу полиции подобраться нелегко. Он защищен маской респектабельности и миллионами «законных» долларов.

На это и сетовал нам Джэк Коллинз во время беседы в полицейском управлении. Но что Коллинз! Вот что сказал по этому поводу ведущий американский специалист по уголовщине, глава отдела по борьбе с преступностью в министерстве юстиции, Генри Петерсен: «Высшие лидеры организованной преступности очень богаты. Это нелегальные биржевики (!). Они так же, как и биржевики Уолл-стрита, постоянно ищут, куда выгоднее вложить свои деньги. Именно этим и занимается вся верхушка организованной преступности. Если бы нам удалось лишить «Коза Ностру» этой ее деловой основы, если бы мы сумели вывести ее из сферы бизнеса в сферу индивидуальной преступности, то нам было бы легче бороться с этой организацией».

Если бы да кабы!.. Обратите внимание на это «если» Генри Петерсена. Он, как и наш собеседник Джэк Коллинз, бессилен... Он может только вздыхать: «Если бы мы сумели вывести «Коза Ностру» из сферы бизнеса...»

Во время путешествия по Соединенным Штатам мы посмотрели новый нашумевший фильм «Крестный отец». Роль главного героя Корлеоне, старого гангстера, главы «семьи», играет известный актер Марлон Брандо. В беседе с журналистами он сказал: «Я думаю, что это фильм не только о «Коза Ностре». «Коза Ностра» как нельзя лучше характеризует образ наших капиталистов. Дон Корлеоне — это обыкновенный американский магнат большого бизнеса, который делает все возможное для процветания своей «семьи» и своего класса. Его тактика мало чем отличается от той, какую применяет «Дженерал моторс» в борьбе со своими конкурентами».

Что больше всего поразило нас в этом очень сильном фильме? Воссозданная в нем атмосфера безнаказанности гангстеров в США, атмосфера обреченности попыток бороться с ними.

А теперь вернемся снова к началу нашей беседы с Джэком Коллинзом, к хулиганству и разбою в Центральном нью-йоркском парке. Там члены «Коза Ностры», разумеется, не орудуют, но в отравленном ею общественном климате бациллы преступности множатся почти без помех. Впрочем, не будем валить все на одну «Коза Ностру». Вспомним только что приведенное высказывание Марлона Брандо...

Доллар, стяжательство, жажда наживы порождают преступность, и они же одновременно опекают ее, оберегают от меча правосудия. В Чикаго недавно было совершено несколько зверских убийств. Причем не было никаких видимых причин для убийства. Баллистическая экспертиза показала, что убийства — дело одних и тех же рук. Полиции удалось напасть на след преступников. Они оказались членами молодежной террористической группы, состоящей из вьетнамских ветеранов, недовольных своей жизнью после демобилизации из армии.

Бурный приток молодежи в без того уже плотные ряды преступников не может не беспокоить. Даже американский сенат вынужден был недавно заняться этой проблемой. В сенатской подкомиссии по преступности среди малолетних решили было запретить свободную продажу по стране дешевых пистолетов 22-го и 25-го калибра (тех же, что и в чикагских убийствах). Каждая такая смертоносная игрушка стоит всего от девяти до двадцати долларов. Ежегодно в США продается полтора миллиона таких пистолетов. Полицейская статистика свидетельствует, что 20 процентов убийств совершается как раз с их помощью. А вот статистика биржи свидетельствует, что торговля ими дает прибыль от 50 до 100 процентов.

Там, где речь идет о такой прибыли, законодатели бессильны. Неоднократные попытки запретить или хотя бы ограничить свободную торговлю огнестрельным оружием в США никогда ни к чему не приводили и не приведут, ибо фабриканты оружия — очень влиятельная сила в американском конгрессе. Выведенный из себя бессилием подкомиссии сената по преступности среди малолетних, ее председатель сенатор Бэрч Бай заявил:

Полицейский патруль.

«Отказ министра юстиции выступить с показаниями перед подкомиссией или хотя бы прислать своего представителя, отказ министерства финансов предоставить нам информацию — все это говорит о том, что администрация не готова предпринять реальные акции против насилия и преступности в Америке... Цветистыми разговорами о «законности и порядке» не положишь конец убийствам. В результате пустых обещаний вооруженные ограбления не прекратятся. А ведь речь идет о десятках тысяч убийств и ограблений».

Насилие — это бизнес не только для тех, кто поставляет орудия террора. Свою посильную лепту в создание и укрепление культа насилия вносят самые разные сферы американского бизнеса. Например, фирмы, производящие... игрушки.

В Нью-Йорке можно купить детскую игру под названием «Пытка». Куклы в масках сжимают железным обручем голову своей жертвы, загоняют ей иголки под ногти, прижигают кожу раскаленным железом. В инструкции к игре говорится: «Все виды пыток. Восемь серий. Детали каждой серии подходят друг к другу. Комбинируйте! Создавайте свои собственные пытки!» Игру выпускает компания «Аурора продактс корпорейшн», предназначена она для детей от 8 до 12 лет. Другая фирма додумалась до того, что стала выпускать «кровь» для детских игр. Она выглядит совсем как настоящая, если вымазаться ею, даже темнеет и свертывается.

И дети играют в «пытки» и мажутся «кровью», инструкции, приложенные к таким играм, дополняются телевидением и кино. «Насилие, прославляемое средствами массовой информации,— пишет журнал «Ньюсуик»,— способствует культивированию агрессивного поведения среди населения, особенно среди детей. Официальная статистика свидетельствует о том, как пагубно влияют телевизионные программы на вполне нормальных детей. Но непохоже, чтобы миллионы родителей возмутились и добились уменьшения этой пропаганды насилия. Ведь большинство взрослых сами без конца любуются насилием в кино и на телеэкране. Американцы любят смотреть на акты насилия».

Это уже не просто печальная констатация факта, а зачатки целой теории. Ту же мысль развивает американский журнал «Тайм»: «Несмотря на весь зловещий драматизм отчетов о жертвах «Коза Ностры», количество совершенных ею убийств крайне незначительно по сравнению с общим числом убийств по всей стране. Многие специалисты по психологии и психиатрии начинают говорить о всеобщем национальном «кризисе насилия». Так же, как и секс, насилие становится предметом болезненного очарования, смерть и разрушение прославляются. Многие молодые люди считают, что насилие — это некая очищающая сила, способствующая становлению характера настоящего человека».

Наша беседа с Джэком Коллинзом и его коллегами в полицейском управлении Нью-Йорка была откровенной, они показались нам людьми искренними и специалистами, знающими свое дело и болеющими за него. Поэтому, наверное, у нас не повернулся язык задать им еще один вопрос — о недавно раскрывшейся коррупции среди нью-йоркской полиции. Собственно, можно было не задавать этого вопроса, так как суд уже рассмотрел и закрыл это дело. Суть его в двух словах сводится к следующему.

Некий Уильям Филлипс прослужил в полиции четырнадцать лет. Попался на вымогательстве. Чтобы смягчить себе наказание, помог следствию докопаться до многих других взяточников — полицейских в Нью-Йорке. Филлипс свидетельствовал, что с того самого момента, когда он надел полицейский мундир, он попал в атмосферу давно налаженной и хорошо организованной коррупции. Вот, например, одно из его признаний.

После трехлетней службы (все три года он брал взятки) Филлипс получил повышение по службе и стал детективом, сменив мундир на модный костюм. В первый же день его детективной деятельности некий Эгги, гангстер, подошел на улице к Филлипсу и спросил: «Это вы здесь новенький?». «Да, я»,— ответил Филлипс. «Тогда мы будем платить вам двадцать долларов в день. Хорошо? Столько же мы платили вашему предшественнику». Филлипс свидетельствовал, что все шестнадцать полицейских детективов его отряда были на жалованье у гангстеров. Во время разбирательства дела Филлипса вскрылись десятки случаев взяточничества среди полицейских Нью-Йорка. По этому поводу журнал «Тайм» писал: «К сожалению, такие расследования никогда не приносили пользы, они никак не влияют ни на тех, кто берет взятки, ни на тех, кто их дает». Журнал «Ньюсуик» на ту же тему высказывается так: «Разоблачать факты коррупции в полиции гораздо легче, чем прочистить всю систему, которая дает возможность и даже побуждает полицейского брать взятки».

Когда вспоминаешь обо всем этом, то видишь, как тускнеет голубое мерцание электроники, которой буквально набито здание главного полицейского управления Нью-Йорка.

Хьюстон — Нью-Йорк, США.

НАПАРНИКИ

Эдуард ПРОСЕЦКИЙ

РАССКАЗ

Рисунок П. КАРАЧЕНЦОВА.

Весенняя путина на Азове кончается в мае. Дома колхозных рыболовецких бригад, стоящие у самой воды, все лето пустуют. А в станичных хатах, что мостятся под косогором чуть поодаль от моря, наоборот, бывает многолюдно и тесно. Там вешают новые занавески, ставят раскладушки, выносят из комнат во дворы раскидистые фикусы. Хозяева переселяются в летние пристройки — уступают место городским курортникам. С каждым годом наезжает их все больше.

Летом отлавливать рыбу сетями запрещено. И если кто из станичных все-таки рыбачил, несмотря на запрет, так это Филиппыч да еще дед Носенко со своим племянником. Конечно, не без риска. Но уж очень спрос у курортников на рыбу большой.

В колхозе Филиппыч считается незаменимым рыбаком. В свои пятьдесят лет он здоровее любого. Вряд ли еще кто из станичных сумеет в одиночку стащить в воду шестивесельную байду или так ловко выхватить из ставника осетра. Но и браконьера такого, каков Филиппыч, не сыскать.

Живет Филиппыч как раз на том краю станицы, который, следуя вдоль пыльного проселка, отодвинулся от низкого, изъеденного плавнями берега. Курортники тут не останавливаются — далеко до пляжа. А жаль, хата у Филиппыча просторная. Даже не верится, что в те времена, когда вернулся он с фронта, на ее месте только печная труба стояла. На совесть отстроился заново. Хотелось после военных окопных лет пожить с семьей по-человечески. И в самом деле — жизнь его с тех пор пошла на поправку. Только кто ж знает — то ли человек так устроен, то ли Филиппыч незаметно попал в такую колею — чем лучше жили, тем больше, казалось, не хватало. Уже и молодого вина к осени из своего винограда две бочки стало набираться, и схваченные солнцем осетровые и севрюжьи балыки не переводились от путины до путины, да и сам Филиппыч разъезжал на новом мотоцикле. А все чего-то хотелось еще.

Как-то само собой вышло, как начали объявляться в станице курортники, стал подрабатывать Филиппыч на рыбе.

Разное отношение к нему в станице: и осуждают его и уважают, а то и завидуют. А вот деда Носенко, надо сказать, не любят все. Работник он был никудышный и раньше, а последнее время, хоть на ноги еще резвый, из колхоза ушел, стал именовать себя пенсионером. Старичок он с подковыркой, слова доброго никогда никому не скажет, и в шустрых дедовых глазах будто мельтешит: «Знаем, не проболтаемся».

Детей у деда Носенко нет, потому-то приютил он у себя племянника Ивана, который до того, как устроиться в колхозный клуб киномехаником, успел уже намотаться по сибирским стройкам; отовсюду его гнали за пьянку.

Трудно сказать, как это ухитрился дед Носенко пристроиться с племянником к Филиппычу в напарники. Может, водка подсобила, а может, сподручней было рыбачить вместе, потому и согласился Филиппыч. Скорее всего, что так. И, возможно, еще не одно лето ставили бы они сети, если бы не случай...

Утро в тот раз выдалось непогожее. Ветер гнал закрученные волны, бил ими по берегу. Море накрыла сверху набрякшая водой туча, готовая вот-вот прорваться. Ветер дул порывами, то заходя с моря, то неожиданно налетая сбоку.

Кое-как оседлав вспененный прибой, они вышли в море — проверять поставленные с вечера сети. Филиппыч сидел на веслах. За его спиной кутался в плащ дед Носенко. Он чертыхался на непогоду и причитал, что весь климат теперь перевернулся от разных ракет да спутников. Иван вычерпывал воду, примостившись на корме. В его покрасневших светло-серых глазах еще блестел вчерашний хмель, и Иван непонятно чему улыбался щербатым своим ртом: то ли его забавляла погода, то ли дедовы слова.

Когда прошли стороной узвал — отмель в сивых бурунах,— небо полыхнуло холодным белым светом. Казалось, что вслед за этим туча раскатисто лопнула и из нее посыпались крупные дождевые капли. На разлохмаченной воде буйков не было видно.

Ветер немного утих, стало слышно, как нарастал, приближаясь, шум дождя. Байда продвигалась вперед.

Иван наконец увидел мелькнувший на воде буек, подхватил его багром. Вместе с дедом они стали осторожно выбирать сеть.

— Добре набилось, добре,— повеселел дед, выпутывая из сеточных ячей рыбу.

Вторую сеть сильно отнесло на мель, еле ее разыскали. Подхватив багром буек, Иван привстал на ноги, подтягивая его к себе. Откуда-то сбоку неожиданно вывернулась волна, сильно качнула байду. Иван не удержался и, круто изогнувшись, повалился в воду.

Дед Носенко выругался.

Филиппыч открыл было рот, но не успел сказать и слова, как звонко ударил в днище вынырнувший торчмя багор. Иван не появлялся. По тому месту, куда он упал, с шипением бил дождь. Филиппыч, неотрывно глядя на воду и надеясь еще, что Иван вот-вот всплывет, начал медленно стаскивать с себя мокрую телогрейку.

Сквозь дождь деду почудилось, что в море тарахтит мотор. В это время Филиппыч тяжело и шумно прыгнул в воду. Байда зачерпнула бортом, закачалась.

Дед Носенко сел на весла, стал медленно ворочать ими: худое, скуластое его лицо, увешанное каплями дождя, было бледно. Ветер стихал, но дождь все лил и лил. Дед напряженно смотрел на воду. Наконец, шумно булькнуло у самой байды; показалась большая голова Филиппыча. Побелевшими губами он судорожно хватал воздух. Руки его были чем-то заняты.

— Кинь конец,— хрипло потребовал Филиппыч.

Дед сорвался с места, бросил весла. Непослушными руками стал доставать из-под передней банки веревку. Байду быстро сносило, и, когда дед бросил конец, он потонул в воде, не долетев до Филиппыча. Дед Носенко торопливо выбрал его, бросил еще раз. Но байду отнесло слишком далеко. Дед метнулся к веслам.

Филиппыч то и дело погружался в воду, всплывал, тяжело дыша и отплевываясь. Наконец байда подошла близко. Филиппыч поймал брошенный дедом конец, перевязал им чернеющее в воде тело Ивана.

Кое-как втащили Ивана в байду.

Деда Носенко трясло. Перевернув Ивана на спину, он тонко ойкнул и забормотал что-то невнятное. На Ивановом животе пузырилась кровью развороченная рана.

— На багор наткнулся,— сказал Филиппыч. Он разорвал рубаху, повязкой перехватил Ивану живот. Тот застонал.

— Живой,— встрепенулся дед.

Филиппыч схватился за весла. Надо было как можно скорее выгребать к станице. Байда валко пошла вдоль занавешенного дождем, еле видного берега.

Хотя ветер ослаб и придавленное дождем море стало как будто спокойнее, двигались они все же медленно. Волны били в бок, байда сходила с курса. Филиппычу все время приходилось подгребать левым веслом. С моря пробился частый стук, где-то проходил катер.

— Рыбинспекция! — насторожился дед Носенко.

Филиппыч перестал грести, прислушался. Мотор был знакомый.

— Точно.

— Держи до берега,— засуетился дед.

Это был единственный выход — близко к берегу, на мелководье, катеру не подойти.

Филиппыч развернул байду, с волной она пошла ходко.

Тяжело и часто наваливаясь на весла, он соображал, что после, когда они доберутся до станицы, надо будет сразу же разыскать машину, отвезти Ивана в портовую больницу. Прошел бы только стороной докучливый катер...

Дождь лил с ровной силой. Он сыпал в лицо, расползался холодными струями по спине. Филиппыч неожиданно вспомнил, что теперь проселок развезло — навряд ли пройдет машина. Сказал об этом деду.

— Та не... машина, должно, выедет,— отозвался тот.— Главное дело — до прохвиля.

Филиппыч и без деда знал, что главное — добраться до широкого укатанного «профиля», идущего от райцентра к рыбному порту. Но до него было добрых десять километров раскисшего, вихляющего полем проселка, по которому в такую погоду пройдет, пожалуй, только трактор. Дедовы слова ничего не стоили.

Хотя байда приблизилась к берегу, звук мотора становился все слышней. Было похоже, что катер обошел стороной песчаную косу и двигался теперь прямо на них.

— Чуешь? — спросил дед Носенко.— За мысок греби, за мыском не заметють!

Катер в самом деле был совсем рядом. Совсем рядом была дотошная, несговорчивая рыбинспекция, штраф, а может быть, и суд... Филиппыч быстрее заработал веслами.

Прямо перед ним — мокрое лицо Ивана. Неподвижными глазами Иван страшно, бессмысленно смотрел в дождь; кривой его рот казался на узком лице полуоткрытым птичьим клювом. Филиппыч старался не смотреть на Ивана, но волны то и дело поднимали корму, от этого казалось, будто Иван качает головой, упрекая, что везут его не в станицу, а совсем в другую сторону.

У Филиппыча заныли все три его ранения, на какой-то момент всплыли в памяти разрывы снарядов, топот сапог, теплый розовый туман перед глазами.

— Не довезти нам его машиной,— сказал он не столько деду, сколько самому себе.

— Можно подводой,— торопливо отозвался дед.— До прохвиля подводой, а там на попутке. Держи за мысок!

Сквозь дождь катер стучал близко и упрямо. Повязка на Ивановом животе насквозь пропиталась кровью, смешанной с водой. Филиппыч понимал: скрываясь от рыбинспекции, они теряли дорогое время. Дед же своими разговорами о подводе и попутке фактически мирился с Ивановой смертью. А лицо Ивана заострилось, пожелтело, как у покойника; голова свесилась набок.

И вновь тяжело накатился на Филиппыча тот давний багровый жар, и вновь он ощутил на себе цепкие руки санитарок, которые тащили его, тащили наперекор тому, что в огневом нескончаемом бреду согласился он уже умереть...

Все медленнее ворочал Филиппыч веслами. Из-под мокрой повязки стекала вместе с каплями крови Иванова жизнь — на дно байды, где в грязной воде плавали дохлые рыбины. Филиппыч почувствовал это остро и неожиданно; все остальное показалось вдруг ничтожным, мелким, не имеющим значения.

— Ты чего? — обеспокоенно-недовольно уставился на него дед.

Филиппыч отрывисто ухнул, будто переломил в себе что-то и развернул байду. Деду сразу стало жарко, он заговорил быстро, сбивчиво:

— Ты чего это... сдурел? Вертай до берега! Да ты шо?! Назад вертай!

Филиппыч молча выгребал навстречу стуку мотора, бросая частые взгляды на Ивана. Дед Носенко по недоброму молчанию Филиппыча, по тревожным этим взглядам понял, что просить бесполезно. Он в бессильной злобе дергался на банке, про себя обзывая Филиппыча самыми последними словами. Потом с неожиданным проворством стал выхватывать из байды рыбу, бросать в море. Дед говорил что-то, но сквозь шум дождя и моря до Филиппыча долетел лишь тонкий, прерывчатый звук. Рыбины бились об воду, переворачивались кверху брюхом и медленно уплывали за корму. Когда на дне байды остался лишь жестяной черпак, дед трясущимися мокрыми руками стал отвязывать от сети якоря, лихорадочно соображая, куда бы ее спрятать. Сеть была капроновая, совсем еще новая... «В плащ»,— решил дед. Он выпутался из плаща, завернул в него сеть и пихнул под банку. Но уже в следующий момент подумал, что спрятал совсем ненадежно, конечно, там ее сразу найдут...

Катер показался чуть слева.

Филиппыч пошел ему наперерез.

И тут дед Носенко вскочил вдруг с места, вцепился в ручки весел. Ничего перед собой не видя, кроме толстого ненавистного лица Филиппыча, попытался развернуть байду. Справиться с Филиппычем он не мог, слишком хлипким был против него, но все же весла зашлепали по воде вразнобой, и байда сбавила ход.

— Посадят нас с тобой... скаженный... посадят,— хрипел дед.

— Не трожь, шкура! — Филиппыч брезгливо оттолкнул его. Дед свалился на залитое водой дно байды рядом с Иваном.

Катер стучал резко, с присвистом; оттуда долетели людские голоса. Филиппыч сложил у рта свои большие, натруженные веслами ладони и громко позвал на помощь.

Обещание жить

Пожалуй, справедливо замечено, что верность литератора теме сродни верности в любви. Пронести эту верность сквозь все произведения удается не каждому писателю.

Я вспомнил об этом, читая в журнале «Знамя» новую повесть «Обещание жить» Олега Смирнова, завоевавшего известность своими произведениями, рассказывающими о «человеке с ружьем». Солдат, принявший присягу в грозовое лихолетье Великой Отечественной войны, Олег Смирнов в литературе с завидным постоянством остается верным армейской тематике.

Действие повести «Обещание жить» ограничено несколькими днями предпоследнего года войны. Но этого короткого срока вполне хватает автору, чтобы раскрыть перед читателем душевную красоту героев повести лейтенанта Макеева, его сослуживца лейтенанта Ильи Фуки, полковника Звягина, сержанта Друщенкова, двух сестер — Клавы и Раи, живущих в деревушке, освобожденной накануне советскими войсками. Я не собираюсь, естественно, перечислять всех действующих лиц, мне просто хочется сказать, что писателю удается найти для каждого из персонажей немногословную, но яркую деталь, которая передает их своеобразие. Нельзя не отметить в новой повести и присущие Олегу Смирнову точность фактов, емкую, умную лепку характеров и убедительное воссоздание обстановки той поры.

Два молодых командира взводов — Макеев и Фуки — решили побывать в освобожденной деревушке. Отправились они, прямо скажем, незаконно, по-мальчишески повинуясь безотчетному влечению взглянуть на мирную жизнь. Взводным едва за двадцать. Они только что вырвались из кромешного ада. Тишина и мирное небо ошеломляют молоденьких лейтенантов. Их глаза впитывают мельчайшие подробности. Вчитайтесь, как передает состояние лейтенанта Макеева Олег Смирнов: «Пригорок оброс рябинами, их желто-красные гроздья источали прогорклость, а надломленная ветка ближней к Макееву рябинки цвела белым цветом, как в мае! И благоухала! Можно догадаться: здоровые отцвели, дали завязь, вот уже и ягоды, больная зацвела запоздало и бесплодно. Макеев хотел потрогать эту покалеченную ветку, но раздумал, убоявшись причинить ей лишнюю боль».

В этой детали — не вовремя зацветшей ветке рябины — видится мне большая смысловая нагрузка, тот самый подтекст, который иной раз говорит гораздо больше, чем целые страницы. Здесь и проявляется мастерство писателя, его уверенный почерк.

В неурочный час зарождается любовь лейтенанта Саши Макеева и девушки Раи из белорусского села Шумиличи. Когда читаешь об этом, радуешься, тревожишься и видишь, что война не вытравила в людях человеческое. Это подтверждается не только судьбой лейтенанта Макеева. Удача писателя — образ командира полка Звягина, кадрового военного, который также показан «изнутри», во всей сложности чувств отца, потерявшего сына и тут же вынужденного отдавать приказ сыновьям других отцов идти на верную гибель.

Писатель искренне любит своих героев, и поэтому даже в тех случаях, когда перед нами явно отрицательный персонаж, Олег Смирнов пытается разобраться в причинах, побудивших того или иного героя стать именно таким, понять его и, поняв, показать читателю, как можно избежать подобного повторения в жизни. Но сочувствие и доброта у автора отнюдь не от всепрощенчества. Думается, писатель занимает единственно правильную позицию, показывая нам своих героев, как он писал в другом произведении, «живыми и грешными». Правильность этой позиции Олег Смирнов проверил опытом солдата-фронтовика, воина-коммуниста, не раз смотревшего в лицо смерти.

Краткое затишье — лишь миг из жизни героев повести. Уже на рассвете полк поднимают по тревоге: надо занимать оборону, противник прорвался из окружения, ударил по нашим частям...

Писателю удалось до осязаемости зримо передать атмосферу боя, в котором гибнут многие герои повести — лейтенант Фуки, полковник Звягин, сержант Друщенков и другие. Завершающие повесть мастерские новеллы о рождении и смерти героев производят весьма сильное и волнующее впечатление. Пересказывать их не стоит, лучше прочесть саму повесть.

В. ИЛЬИН

НИКТО НЕ ЗАБЫТ...

Книгу эту не найдешь сейчас уже на прилавках магазинов. Ее второе издание, дополненное, расширенное и исправленное, быстро разошлось. И не только в связи с интересом к ней чисто «местного» характера. Оборонительное сражение в районе Могилева в начале Великой Отечественной войны не получило еще широкого освещения в прессе, в литературе, хотя и вошло в историю как один из первых примеров всенародной обороны города. «...Если Брест,— писал в этой книге К. Е. Ворошилов,— явился образцом беспримерного мужества горстки советских людей, их стойкости в борьбе против ударной группировки гитлеровской армии на пограничном рубеже нашей Родины, то на втором стратегическом рубеже — по реке Днепр — более обширным очагом такого же упорного сопротивления стал город Могилев... Бои на днепровском рубеже отразили начало нового патриотического подъема советских воинов, благодаря которому и стала возможной такая длительная оборона Могилева, а затем разгром вражеских войск под Москвой».

А вот свидетельство другого автора этого же сборника, тоже участника организации обороны Могилева, бывшего тогда первым секретарем ЦК КП(б) Белоруссии, П. К. Пономаренко: «В то время, когда главные силы армии под ударами превосходящих сил противника были вынуждены отойти на восток, город Могилев, оказавшийся в окружении противника, сдерживал врага почти до конца июля. Лишь после того, как иссякли боеприпасы и были размолоты последние 400 пудов овса, а авиация не смогла обеспечить снабжение, героические защитники Могилева оставили позиции обороны, начали выходить из окружения и пробиваться на восток, многие же уходили в леса для организации партизанской борьбы или переходили в подполье...

Историческое значение обороны Могилева заключается в том, что она сыграла важнейшую роль в замедлении наступления группы армий «Центр» на главном, московском, направлении, задержав в течение 23 дней крупные танковые и механизированные соединения противника. Защитники Могилева способствовали стабилизации фронта, повлияли на ход Смоленского сражения, дали возможность получить драгоценные дни для строительства других рубежей обороны, развертывания резервов, создания новых, оснащенных эффективным вооружением дивизий».

Рецензируемая книга — сборник воспоминаний участников боев. Это известные полководцы — И. Якубовский, А. Еременко; крупные партийные работники — И. Макаров, бывший тогда первым секретарем Могилевского обкома партии, А. Морозов, бывший секретарь Могилевского горкома партии; Н. Потапова-Теряева, бывшая тогда медсестрой стрелкового полка, В. Сибиряков, командир батальона, могилевские подпольщики — С. Соболевский, Р. Фролова-Злобина, только в 1941 году закончившая семь классов, В. Шатиков и другие, всего 79 авторов, родившихся в самых разных уголках нашей страны и с честью исполнивших свой долг на днепровских рубежах. Предисловие к книге написано Г. Криулиным, ныне первым секретарем Могилевского обкома КП Белоруссии. Уроженец Башкирии, был он заброшен после прохождения специальной подготовки в один из партизанских отрядов, действовавших в белорусских лесах. Так и остался в Белоруссии: комсомольская, затем партийная работа.

Воспоминания, опубликованные в сборнике, содержат интересный материал о героизме регулярных войск и народного ополчения, о работе партийных организаций по созданию партизанских отрядов и развертыванию всенародной борьбы в тылу врага. Завершается сборник разделом «Снова рассвет». Воины Советской Армии — генералы, офицеры, сержанты — рассказывают об освобождении Могилева от фашистских захватчиков.

Подготовившие второе издание И. Гаврилов и Н. Толстик проделали большую работу по расширению круга авторов, исправлению допущенных в первом издании отдельных неточностей. Значительную помощь в подготовке сборника к печати оказал Могилевский обком КПБ, проведший научную военно-историческую конференцию с участием авторов, составителей сборника, военных специалистов и партийного актива.

Издательство «Беларусь» выпустило интересную книгу. Достоинство ее не только в обстоятельном и подробном рассказе об одной из крупнейших активных операций наших войск начала войны, но и в добрых, теплых словах всех авторов о своих друзьях, соратниках по сражению, о тех, кто погиб в это суровое время жестоких боев. Стремление авторов не забыть ни о ком из тех, кто вместе с ними сражался в эти дни, вызывает чувство глубокой благодарности.

Солдатами были все. Издательство «Беларусь», Минск.

Д. БОЛЬШОВ

РАЗНЫЕ СУДЬБЫ

А. Кузнецов в роли Демидова и Е. Шутов — Макшеев.

Хорошо быть лесником. Хорошо понимать язык птиц и деревьев, когда природа становится твоим другом, которому хочется помочь и уберечь от какой бы то ни было беды. И, главное, научить и других людей любить твой лес...

Ну, а если человек стал лесником, чтобы, наоборот, уйти, спрятаться от людей, затаив горькую обиду на весь род человеческий? Тогда, наверное, и лес будет не в радость... Вот случилось же такое с Павлом Демидовым — героем фильма «Жизнь на грешной земле», поставленного на киностудии «Мосфильм» режиссером С. Тумановым по сценарию писателя А. Иванова (автора одноименной повести).

Этот суровый кинорассказ захватывает нас не сразу. Вначале мы, знакомясь с Демидовым и заклятым его врагом Макшеевым, испытываем обычное любопытство кинозрителя (мол, а что потом), но в дальнейшем события увлекают нас, держат в напряжении, волнении, порой беспокойстве.

Думал ли Денис Макшеев, этот процветающий «кулачок», или, как его называли в деревне, «клещ», много лет назад оклеветавший своего соперника в любви Павла — и тому пришлось отбывать наказание за несовершенное преступление,— что придет возмездие за подлость?

Надо сказать, что создатели фильма сделали весьма удачный выбор актеров: Павла играет Анатолий Кузнецов, Дениса — Евгений Шутов. Тому и другому актеру предстояло прожить в фильме очень большую жизнь — большую не по времени действия, а по внутреннему, духовному развитию героев. Причем полная, казалось бы, противоположность переживаний героев имеет одну общую основу: оба, но разными путями, приходят к осознанию того, что человек и жить обязан «по-человечьи». И если для Павла это не поздно, если его ожесточенное несправедливостью сердце «размораживается», открывается добру, людям, то для Дениса осознание всей глубины своей вины (все-таки настигшее его) оказывается невыносимо тягостным. Иными словами, все тот же процесс «размораживания души», возродивший Павла к жизни, для Макшеева оказывается роковым. Он обречен и гибнет, сочтя это единственным для себя выходом.

Оба актера играют убедительно, доказательно, передавая малейшие оттенки переживаний своих героев. Мы с радостью замечаем перемены в Павле Анатолия Кузнецова. Как в погасших, «заиндевевших» глазах загораются теплые огоньки; как оживляется его поначалу неподвижное, застывшее лицо; как выпрямляется сгорбленная спина и смягчается задеревеневший от долгого молчания голос.

И в то же время мы следим, как постепенно исчезает выражение сытости и наглой самоуверенности с лица Дениса — Евгения Шутова, как в глазах его появляются растерянность и жалкий испуг, как неуверенна становится походка. Он одинок в своих мучениях: нет и никогда не было у него друзей. И даже Марья (Л. Лужина) не в силах помочь мужу.

А это очень важно, чтобы нашелся человек, который так или иначе поддержал бы тебя, успокоил, посоветовал. Как нужны такие вот друзья, какие появились у Демидова: Настя в замечательном исполнении Лидии Смирновой, председатель Агафонов — Владимир Емельянов... Ведь в конце концов не лес, где прятался ото всех Павел, помог ему вновь обрести себя. Люди... Это они добротой и отзывчивостью своей вызвали его к новой жизни, внушив уверенность в завтрашнем дне и, конечно, в том, что «не весь мир в подлецах»...

Фильм «Жизнь на грешной земле» построен строго и просто, последовательно, без излишних режиссерских «изысков». Он привлекает четким, отточенным сюжетом, насыщенным и оригинальным. Словом, не покривив душой, можно сказать, что фильм удачен. Последний фильм Семена Туманова.

Н. АЛЕКСЕЕВА

ПОКА ЕЩЕ НА ЗЕМЛЕ

Им еще не раз придется встречаться на Земле, прежде чем в 1975 году корабли «Союз» и «Аполлон» сомкнут свои орбиты в космосе.

19 ноября в Звездном городке советские космонавты радушно принимали группу американских коллег, прибывших в Советский Союз для дальнейшей работы. Летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза генерал-майор В. Шаталов и руководитель группы американских астронавтов Т. Стаффорд представили членов экипажей друг другу и ознакомили присутствующих с программой совместной деятельности по осуществлению предстоящего полета. Программа очень напряжена, знакомства с кораблем «Союз», тренажерами и оборудованием будут продолжаться ежедневно с 8 до 21 часа. Гости советских космонавтов побывают в мемориальном домике Циолковского, Государственном музее истории космонавтики, ознакомятся с достопримечательностями Москвы. Американские астронавты сердечно поблагодарили советских друзей за теплую встречу.

На снимках: слева — Т. Стаффорд и летчики-космонавты СССР В. Шаталов и Г. Береговой. Справа — американские астронавты в Доме культуры Звездного.

Фото Г. Макарова.

КНИГИ МАРИИ БЕЛАХОВОЙ

Писательница ушла из жизни, нет ее, но вот вышли одна за другой две ее книжки — и кажется, что она сама вошла в редакционную комнату, и ничего не произошло, и сейчас мы получим от нее аккуратно перепечатанную на машинке рукопись, и можно будет приняться за чтение.

Мария Андреевна Белахова не была овеяна шумной литературной славой, но ее повести и рассказы всегда вызывали живой отклик читателей — с разных концов страны шли в ее адрес и в адрес редакции письма, в которых люди делились своими радостями и горестями, мыслями и чувствами, писали, что и они знают подобные же случаи, что и у них создавались такие же житейские ситуации. Мария Белахова имела свой большой круг почитателей, ценивших правдивость ее литературных произведений, их жизненность, доброе и умное отношение к людям, которое сквозило в каждой строке рассказа или повести. Она была писательницей-труженицей, прошедшей по нелегким жизненным путям. В литературу она пришла уже в зрелом возрасте, имея за плечами немалый опыт педагогической работы. Дочь крестьянина-кустаря из деревни Старо-Хмелевое, что неподалеку от нынешнего Мичуринска, она после окончания педагогического техникума в 1921 году восемь лет работала воспитателем детского дома, в 1934 году окончила Московский педагогический институт. «Писательству меня никто не учил, да и не мог,— рассказывала она о себе.— Но учитель у меня был, имя ему — жизнь». И успеху этого учения способствовала жадная восприимчивость ученицы, зоркость ее зрения, умение в простом и малом увидеть большое и значительное.

Ее рассказы и повести посвящены главным образом детям, преимущественно подросткам, самой сложной педагогической «категории». У подростка — бездна желаний и стремлений, соединенных с невозможностью их осуществления. Отсюда возникающие сложности и трудности в семейных отношениях, различные психологические коллизии и неожиданные поступки. Особенность произведений Марии Белаховой в том, что, адресованные юным читателям, живо ими воспринимаемые, они в равной степени интересны и для взрослых. Педагогичность в них соединена с занимательностью, поучительность лишена сухой дидактики. Всегда в ее рассказах и повестях ощущается дыхание подлинной жизни. Простота литературного письма не обращается в вульгарную, нарочитую простоватость.

Но есть и другая сторона литературной деятельности Марии Белаховой, о которой вспоминают почему-то реже. Когда стали известны героические подвиги наших разведчиков в тылу врага, Мария Андреевна разыскала Героя Советского Союза Д. Н. Медведева и уговорила его создать книгу. Так, при непосредственной помощи и прямом участии Белаховой появилась всем теперь известная книга «Это было под Ровно». Александр Фадеев, всегда радовавшийся удачам своих товарищей по профессии, ознакомившись с этой книгой, сказал: «Медведев совершил воинский подвиг, а Белахова — подвиг литературный».

Мария Белахова любила писать о советских летчиках. Лет двадцать тому назад в издательстве «Детская литература» вышла книга Белаховой «Драгоценный груз». В своем предисловии к книге она рассказала, как в школе, куда приехал Герой Советского Союза летчик Фроловский, один из мальчишек спросил его:

«— Сколько вы сбили самолетов?

— Ни одного.

— Хитрите.

— Нет, правда. Я всю жизнь летал на транспортных самолетах, возил людей, грузы...

Мальчишка пренебрежительно махнул рукой: мол, какой же вы герой, если ни одного самолета не сбили!»

Мальчику было тринадцать лет, он не знал, что героем может стать каждый, кто мужественно и доблестно выполняет свой долг на любом посту. И об этом как раз и писала в своих рассказах о летчиках Мария Белахова.

Не так давно на центральной улице села Старо-Хмелевого появилась табличка: «Улица Белаховой. Названа в 1971 году в память известной советской писательницы Марии Андреевны Белаховой».

Одна из улиц Мичуринска отныне тоже носит имя М. Белаховой.

Жители родной стороны, края детства и ранней юности писательницы, знали и любили свою землячку.

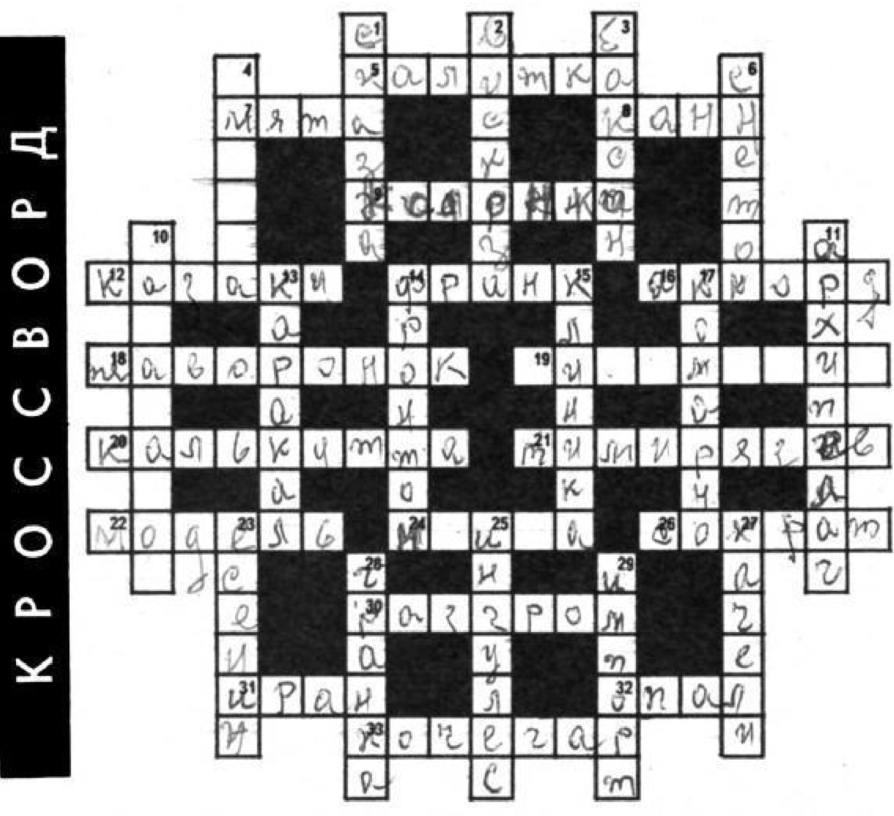
Хорошие люди оставляют после себя долгий след.

Ник. КРУЖКОВ

Мария Белахова. Повести и рассказы. М. Издательство «Детская литература»; «Разлад». М. Издательство «Молодая гвардия».

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Рассказ М. Горького. 7. Травянистое душистое растение. 8. Курорт во Франции, на побережье Средиземного моря. 9. Водоразборное устройство. 12. Повесть Л. Н. Толстого. 14. Денежная единица некоторых стран. 16. Сочетание нескольких звуков различной высоты. 18. Певчая птица. 19. Автор драмы «Горькая судьбина». 20. Город в Индии. 21. Русский естествоиспытатель. 22. Образцовый экземпляр изделия. 24. Действующее лицо оперы М. И. Глинки «Руслан и Людмила». 26. Древнегреческий философ. 30. Роман А. А. Фадеева. 31. Государство в Азии. 32. Стекловидный камень разных цветов. 33. Картина Н. А. Ярошенко.

По вертикали: 1. Литературный жанр. 2. Сырье для изготовления искусственного волокна. 3. Река на Северном Кавказе. 4. Сосуд у древних греков и римлян. 6. Мелкая промысловая рыба. 10. Персонаж «Педагогической поэмы» А. С. Макаренко. 11. Группа островов. 13. Степная рысь. 14. Верхняя часть фасада здания. 15. Медицинское учреждение. 17. Порт на Дунае. 23. Советский поэт. 25. Приток Днепра. 27. Аттракцион. 28. Столбец типографского набора. 29. Ввоз товаров из-за границы.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 47

По горизонтали: 7. Бабочкин. 8. Светофор. 11. «Отрочество». 12. Полонез. 13. Кибитка. 14. Коралл. 17. «Баядера». 18. Турухан. 21. Балласт. 23. Кассета. 27. «Симона». 29. Фанфара. 30. Корюшка. 31. Аристотель. 32. Досифей. 33. Коринка.

По вертикали: 1. Паводок. 2. Поговорка. 3. Скворец. 4. Керосин. 5. Боровинка. 6. Бородка. 9. Гондола. 10. Асфальт. 15. «Челкаш». 16. Брянск. 19. Калифорния. 20. Станюкович. 22. Тбилиси. 23. Кантата. 24. Крамской. 25. Макеевка. 26. Арбалет. 28. Хорьков.

На первой странице обложки: Индия, Дели. На промышленной выставке.

Фото В. Николаева.

На последней странице обложки: С ФОТОАППАРАТОМ ПО ЮГОСЛАВИИ. Вверху: Новый отель у входа в знаменитые сталактитовые пещеры «Постойна Яма». Трое черногорцев в час досуга. Могила героев Народного сопротивления гитлеровским оккупантам в городе Любляне. В центре: Памятник народной героине Югославии Вукице Митрович, убитой фашистами в застенке Белграда в 1941 году. Дети Хорватии. Словенские туристы изучают по карте маршрут своего похода. Внизу: Рынок в старинном черногорском городе Цетинье. Центральная улица города Дубровник.

Фото Ю. Жукова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, Д. Г. БОЛЬШОВ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Н. Б. ПАСТУХОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление И. К. МИХАЙЛИНА

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 12/XI-73 г. А 00155. Подп. к печати 20/XI-73 г.
Формат 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2654.
Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 1372.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Марк БАРИНОВ

Фото Б. КУЗЬМИНА.

Вместе с начальником водолазной школы при Центральном морском клубе ДОСААФ начинаем экскурсию по учебным помещениям.

— Как возникла ваша школа?

— Началось с писем. Можно сказать, со всех концов страны шли письма в ЦК ДОСААФ от молодежи, от предприятий и организаций с настоятельными просьбами открыть водолазную школу. И вот 4 декабря 1964 года состоялось решение о создании такой школы. Все, что вы сейчас увидите, появилось позже. А сначала мы имели сарай для проведения теоретических занятий да чан с водой...

Мы проходим анфиладу светлых, прекрасно оборудованных классных помещений. Созданы они руками преподавателей и курсантов. Впервые я побывал здесь лет пять тому назад, когда еще учение совмещалось со строительством и установкой оборудования. Сегодня школа выпускает по двести курсантов в год.

Входим в цокольное помещение. Здесь тоже учебная аудитория, но непохожая на обычную. Большую часть помещения занимает огромный аквариум, высотой метра три. В стальных стенках толстые иллюминаторы. За стеклами вспыхивают голубые молнии электросварки, в воде виднеются фигуры в водолазных скафандрах. Это класс практических занятий — тут обучают подводной сварке.

Школа имеет тесные деловые связи со знаменитым Киевским институтом имени академика Патона. Ученые-сварщики из Киева сконструировали для водолазов специальный аппарат.

По железному корабельному трапу поднимаемся на верхнюю площадку аквариума. Здесь оживление. Пять отсеков принимают одновременно пятерых курсантов, которые на трехметровой глубине выполняют учебные задания.

В школе обучаются водолазы — на 3-й, 2-й и 1-й классы, что примерно соответствует квалификационной подготовке водителей автомобилей. В аудитории сварки повышают свой профессиональный уровень водолазы, имеющие на личном счету по тысяче и больше часов подводных работ. Среди грохота компрессоров, свиста сжатого воздуха, плеска воды беру несколько микроинтервью у курсантов, как на подбор крепких, рослых ребят. Один из них стоит на трапе, в скафандре и шлеме. Я наклоняюсь к еще не завинченному иллюминатору.

— Здравствуйте, расскажите, пожалуйста, о себе...

— Выключи воздух, а то корреспондент не услышит! — кричит водолаз товарищам, а потом представляется: — Семен Михайлович Курышкин. Из Горького, работаю в Управлении магистральных газопроводов. Водолазом стал в 1959 году. Отличная профессия!

— А я Павел Ткач из Мурманского рыбного порта,— знакомится со мной его товарищ, он стоит у регулятора воздуха.— Работаем в основном на ремонте кораблей. Готовим рыбаков в море...

— Сколько вам лет, Павел?

— Двадцать шесть. Под водой с шестьдесят шестого года. Приходилось бывать и на больших глубинах. А сейчас прохожу теорию и практику сварочных работ. Сварка для водолаза, считайте, самое главное и ответственное дело. Ведь надо сделать так, чтобы было наверняка, без брака. Проверить — никто тебя не проверит. Все на доверии. Сам себе мастер, сам себе и контролер...

— Не мешает вам борода работать? — спрашиваю я Владимира Лужникова, водолаза из Куйбышева.

— Нисколько! Даже наоборот, помогает. Иной раз запотеет иллюминатор, протираю его бородой! — отвечает Лужников. Памятуя о том, что водолазы, как и моряки, не упустят случая разыграть новичков, смотрю на Владимира с недоверием.

— Да я серьезно! Спросите вон у ребят! — уверяет Лужников.

Это сказано уже на ходу. Мы продолжаем экскурсию. В школе все необычно, как и должно быть в подводном царстве,— от медных водолазных шлемов в классах до корабельных железных трапов вместо лестниц и «колоколов громкого боя» вместо привычного звонка, что встречает вас в других учебных заведениях.

Вот круглая широкая шахта, наполненная водой. Тоже класс. Если там, в аквариуме, лаборатория сварочных работ, то здесь молодые специалисты проходят первоначальную практику глубоководных погружений. Глубина шахты — 12 метров, или, скажем по-другому, без малого высота пятиэтажного дома. По винтовому трапу спускаемся все ниже, ниже, к основанию этого «класса». Стальная стенка отделяет нас от водной толщи, где сейчас идут занятия. Наконец оказываемся в уютном кольцеобразном помещении. Столы, стулья, яркий свет плафонов. За столами люди. Они всматриваются в толстые иллюминаторы, в пронизанную светом воду. А за иллюминаторами, на глубине двенадцати метров, курсанты в шлемах и скафандрах выполняют учебные задания. Телефонная связь позволяет инструкторам давать советы, указывать на промахи, предлагать новые задания.

— Все вы бывалые водолазы, курсанты ваши тоже не первогодки. А можно поступить в школу, как говорится, «с улицы», любому желающему? — обращаюсь я к своим спутникам.

— Трудно,— отвечает начальник школы. — Почитайте газеты, послушайте радио и увидите, как буквально с каждым днем растут в нашей стране объем и сложность подводных работ. Новая ГЭС — нужны водолазы. Новый газопровод? Опять же водолазам работа! Растет выпуск торговых судов? Без нашего подводного ремесла не обойтись. Новое постановление об охране природных, а значит, и водных богатств Родины — и это имеет к нам прямое отношение: предстоят большие очистные работы... Словом, куда ни кинь — давай водолазов! Поэтому каждая организация стремится прислать сюда своих проверенных парней. Пусть не специалист, лишь бы был надежным. Так что без направления производства, имеющего отношение к нашим делам, сюда попасть нелегко. Но, конечно, можно. Для этого надо очень стремиться овладеть подводной профессией, крепко к ней готовиться, любить ее... Вот и сейчас, в последнем наборе, из восьмидесяти курсантов восемнадцать поступили без направлений. Добились! Идут за своей мечтой... И, знаете, крепкие ребята. Ничего не скажешь!

Пока учебный бассейн, но скоро предстоят морские глубины...

Курсанты готовятся к погружению в... лабораторию подводной сварки.

Тренировки с аквалангом.

Занятия идут «на суше» и на «море».

АТЬЯ НЕПТУНА

HOTEL JAMA
Индекс 70663